

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2025

Том 25

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Шамне Н. Л., Милованова М. В.** Лингвосоциокультурные аспекты перевода поэтических текстов прошедших эпох (на примере переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык) 124

- Алексеева М. Г., Фролова В. А.** Внутренняя речь персонажа как способ проникновения «воображаемого» в «реальное» (на материале рассказа М. Л. Кашниц «Соломинка») 135

- Дубровченко Е. М.** Отказ в англоязычной коммуникации: тактики защиты приватности 142

- Кан Кумсук.** Речевое воздействие на адресата в медицинской рекламе (на примере рекламы вакцины против COVID-19) 151

- Харитонов А. В.** Конкурс «Город без ошибок»: о речевой культуре большого города 159

Литературоведение

- Голубков А. В.** Эстетика французского классицизма: между нормой и свободой 166

- Кабанова И. В.** «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского 174

- Петрушков И. В.** Роль образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии 180

- Семёнов В. Б.** «Экфрасис созвездий» в романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопатра» (XV в.) 187

- Пуряева Н. Н.** Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг. 195

- Сулейманова М. С.** Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат 204

- Романовская О. Е.** Типы нарраторов в цикле А. Слаповского «Туманные аллеи» 212

Журналистика

- Евдокимов В. А.** Взаимодействия субъектов в медиасреде 222

- Balakina J. V., Zehao Yin.** Changes in the UK leading media's portrayal of China during the COVID-19 pandemic and the special military operation [Балакина Ю. В., Цзэхэо Инь. Изменения в изображении Китая ведущими СМИ Великобритании во время пандемии COVID-19 и специальной военной операции] 229

Проблемы высшей школы

- Борисова Л. С., Елина Е. Г.** К вопросу о профессиональном становлении студента-филолога 237

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 26.05.2025.
Подписано в свет 30.06.2025.
Выход в свет 30.06.2025.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 14,42 (15,5).
Тираж 100 экз. Заказ 58-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика*, *Литературоведение*, *Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы*, *Представляем книгу*, *Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–40000 знаков с пробелами (для разделов Критика и библиография, Хроника научной жизни – 15000–20000), список литературы – 15–25 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки, список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям (см. *Правила для авторов*), затем они подлежат обязательному рецензированию (см. *Порядок рецензирования*) и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Подача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>

После принятия редколлегией решения о публикации статьи автор обязан загрузить на сайт PDF-файлы подписанного Лицензионного договора, Экспертного заключения о возможности открытого опубликования статьи, Согласия на обработку персональных данных, а также прислать их оригиналы по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный номер размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Shamne N. L., Milovanova M. V.** Linguo-sociocultural aspects of the past eras' poetic texts translation (on the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* German translations) 124

- Alexeeva M. G., Frolova V. A.** The inner speech of a character as a way of penetrating the "imaginary" into the "real" (based on the material of the story by M. L. Kashnitz *The Straw*) 135

- Dubrovchenko E. M.** Refusal in English communication: Tactics of privacy protection 142

- Kang Kumsuk.** Speech influence on the addressee in medical advertising (on the example of an advertisement of a vaccine against COVID-19) 151

- Kharitonova A. V.** Contest "Gorod bez oshibok" ("Error free city"): About the speech culture of a big city 159

Literary Criticism

- Golubkov A. V.** Aesthetics of French classicism: Between norm and freedom 166

- Kabanova I. V.** *Byron and Pushkin* by V. M. Zhirmunsky 174

- Petrushkov I. V.** Animal symbolism and its role in creating comic effect in the satires of medieval Germany 180

- Semyonov V. B.** "Ekphrasis of the Constellations" in J. Metham's romance *Amoryus and Cleopes* (15th century) 187

- Puriaeva N. N.** The image of princess Sophia in historical novels of 1870–1880 195

- Suleymanova M. S.** Epistolary genre in the work of G. Galbatsov: Author and addressee 204

- Romanovskaya O. E.** Types of narrators in A. Slapovsky's cycle *Foggy Alleys* 212

Journalism

- Evdokimov V. A.** Interactions of subjects in media sphere 222

- Balakina J. V., Zehao Yin.** Changes in the UK leading media's portrayal of China during the COVID-19 pandemic and the special military operation 229

Higher School Problems

- Borisova L. S., Elina E. G.** On the issue of professional development of philology students 237

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Голубков Андрей Васильевич, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакр Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитарн. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

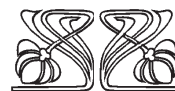
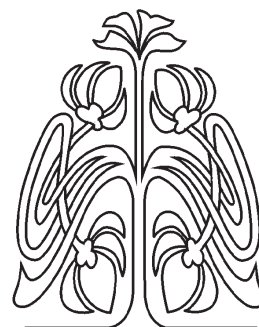
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

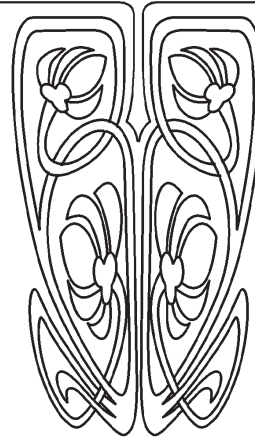
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Andrey V. Golubkov (Moscow, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, China)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, China)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 124–134

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 124–134

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>

EDN: APWBXZ

Научная статья

УДК 811.112.2'25:821.161.1.09-1+929Пушкин

Лингвосоциокультурные аспекты перевода поэтических текстов прошедших эпох (на примере переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык)

Н. Л. Шамне , М. В. Милованова

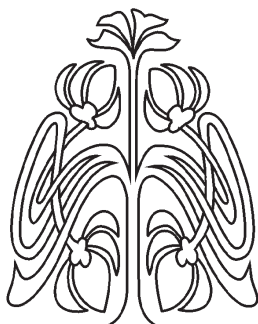
Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Шамне Николай Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

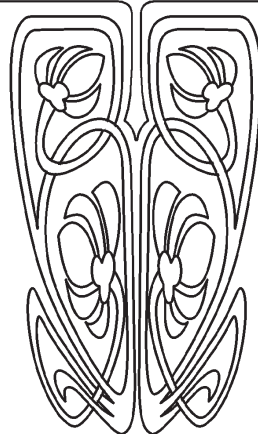
Милованова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты переводоведения: адекватность перевода поэтических текстов в рамках языковой пары «русский язык – немецкий язык» на примере перевода романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Описываются основные сложности при переводе поэтических текстов: необходимость адекватной передачи не только содержания, но и художественной формы, разнородность исходного и переводящего языка, а также учет культурно-языкового пространства, особенно применительно к текстам прошедших эпох. В качестве материала исследования были взяты указанное произведение А. С. Пушкина и его переводы на немецкий язык: один из ранних переводов начала XX в. Теодора Комишо и последний на сегодняшний момент перевод Виктора Приба. Выделяется три группы лексики, вызывающей наибольшие трудности при переводе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: славянизмы, русизмы, маркеры эпохи. Проводится сопоставление приведенных переводов. В частности, анализируются отдельные примеры перевода славянизмов, выполняющих функцию поэтизмов либо используемых для создания определенного стилистического эффекта; русизмов, передающих культурно-исторические реалии, а также выполняющих стилистические функции; маркеров эпохи, представляющих собой единицы и выражения, которые ассоциируются с определенным хронологическим периодом, в данном случае – с пушкинской эпохой. Устанавливаются различные способы передачи реалий, явлений и фактов другой культуры: адаптивный перевод, приближающий перевод, динамическая эквивалентность, прагматическая эквивалентность, генерализация; отдельно выявляются случаи семантического искажения, невыраженной стилистической тональности и лакуарности. Делается вывод о целесообразности использования приема лингвокультурного комментирования при переводах объемных поэтических произведений.

Ключевые слова: перевод, способы перевода, поэтический текст, славянизмы, русизмы, маркеры эпохи

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Шамне Н. Л., Милованова М. В. Лингвосоциокультурные аспекты перевода поэтических текстов прошедших эпох (на примере переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 124–134. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>, EDN: APWBXZ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguo-sociocultural aspects of the past eras' poetic texts translation (on the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* German translations)

N. L. Shamne ✉, **M. V. Milovanova**

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetskii, Volgograd 400062, Russia

Nikolay L. Shamne, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Marina V. Milovanova, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of translation studies: the adequacy of poetic texts translation within the language pair “Russian – German” using the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* translation. The paper describes the main difficulties in translating poetic texts: the need for adequate conversion of both the content and the artistic form, the heterogeneity of the source and target languages, as well as the cultural and linguistic space considerations, especially with regard to texts from past eras. The material of the study was the above-noted work of A. S. Pushkin and its translations into German: one of the early translations of the 20th century by Theodor Komischo and the latest translation to date by Viktor Prib. The research distinguishes three groups of vocabulary that cause the greatest difficulties in translating the novel by A. S. Pushkin *Eugene Onegin*: Slavisms, Russianisms, markers of the era. A comparison of the provided translations is carried out. In particular, the article analyzes individual examples of Slavisms translations that function as poeticisms, or are used to create a certain stylistic effect; Russianisms that convey cultural and historical realities and also perform stylistic functions; markers of the era, units and expressions that are associated with a particular chronological period, in this case the Pushkin's era. The article establishes various ways of translating realias, phenomena and facts of another culture: adaptive translation, approximating translation, dynamic equivalence, pragmatic equivalence, generalization. It also identifies cases of semantic distortion, unexpressed stylistic tonality and lacunarity. The study concludes that it is advisable to use the technique of linguistic and cultural commentary when translating large volumes of poetry.

Keywords: translation, ways of translation, poetic text, Slavisms, Russianisms, markers of the era

For citation: Shamne N. L., Milovanova M. V. Linguo-sociocultural aspects of the past eras' poetic texts translation (on the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* German translations). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 124–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>, EDN: APWBXZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из актуальных проблем теории и практики перевода продолжает оставаться проблема перевода поэтических текстов, поскольку здесь перед переводчиком стоит сложная задача: адекватно передать не только содержание, но и художественную форму произведения с целью сохранения эстетического воздействия на адресата. Как в свое время заметил немецкий журналист и переводчик Вильгельм Эмануэль Зюскинд, переводчик в области художественной литературы сам должен обладать писательским талантом [1, р. 85]. Художественный перевод – это воссоздание произведения словесного искусства на основе другого языкового материала [2, S. 47]. Таким образом, переводчик несет ответственность не только за адекватность передачи содержания, но и за то, чтобы стиль, тон, настроение были правильно воспроизведены. Поэтому он

должен владеть не только соответствующим иностранным языком, но прежде всего родным языком, особенно литературным, причем с учетом его исторического развития.

Проблема перевода художественных текстов неоднократно обсуждалась в научной литературе, прежде всего, в двух аспектах: с точки зрения возможных способов преодоления времени и пространства и с точки зрения формы и содержания с учетом различных языковых систем [3–6].

Особые трудности в практике перевода вызывает разнородность исходного и переводящего языка, например аналитических языков (немецкий язык) и синтетических языков (русский язык), особенно применительно к поэтическим текстам, где требуется также соблюдение рифмы. Переводчик при работе с поэтическими текстами постоянно сталкивается с множеством ассоциаций, многогранностью образов, богатой идиоматикой и стилистикой, в

результате буквальность перевода практически невозможна. Однако, перефразируя В. Зюскинда, который также много говорил о проблеме литературного перевода [7], подчеркнем, что если автор оригинала пользовался всем богатством своего родного языка, следовательно, переводчик также должен использовать все имеющиеся в его языке возможности.

Авторы художественных произведений любых эпох пишут для читающей аудитории своего времени, своего языкового ареала и своей культуры. Поэтому художественный текст отражает как личность автора, так и пространственно-временной континуум, в котором он находится. Именно это и создает принципиальные проблемы перевода, ведь система «я–здесь–сейчас» (личный, пространственный и временной дейксис по К. Бюлеру [8]) оригинального текста должна стать понятной для читателей другого времени, места и культурно-языкового пространства. Как подчеркивают К. Бюриг и Й. Ребайн, переводчик выполняет две роли: слушателя на исходном языке и говорящего на целевом языке [9].

Таким образом, исходя из лингвистических и прагматических аспектов перевода, наиболее трудными оказываются переводы художественных текстов прошедших эпох. В этом плане особенно важным является перевод текстов, входящих в золотой фонд русской культуры, поскольку именно они отражают так называемый русский дух. И если говорить о поэзии, то следует обратиться прежде всего к проблеме перевода текстов А. С. Пушкина.

Материал и методы исследования

В 2024 г. мы отмечали 225-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Любой язык за такой длительный период времени, безусловно, изменяется. Переводы первой половины XX в., конечно же, будут отличаться от современных. Как сказал специалист в области литературного перевода Фридман Апель, перевод никогда не бывает законченным [10, S. 132].

С учетом обозначенной проблематики рассмотрим лингвистические и культурно-исторические аспекты перевода произведений А. С. Пушкина на немецкий язык на примере романа «Евгений Онегин» (фрагменты) [11]. Таким образом, цель исследования – сопоставить

исходный текст с целевыми текстами (переводы 1947 г., 2018 г.) в рамках языковой пары «русский язык – немецкий язык».

Отдельно заметим, что поэтических переводов романа «Евгений Онегин» на немецкий язык не так и много, учитывая время его создания. Одним из наиболее известных и распространенных является перевод Теодора Комишо – немецкого слависта, переводчика русской классики, исследователя. Первый перевод появился в 1916 г., затем периодически выходили переиздания и редакции (1923, 1938, 1947, 1958, 1965 гг. и др.). Другие переводы – Манфред фон дер Ропп и Феликс Зелински (1972 г.), Рольф-Дитрих Кайль (1980 г.), Ульрих Буш (1981 г.), который попытался сохранить пушкинскую рифму; Сабина Бауманн с соавторами – сохранение строк, но без учета рифмы. И наконец, последний перевод – Виктора Приба (2018 г.).

Материалом исследования послужили ранние переводы Теодора Комишо (издание 1947 г.) [12] и последний перевод романа – перевод Виктора Приба (2018 г.) [13].

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – элементы метода компонентного анализа, сопоставительный метод, метод контекстуального и стилистического анализа.

Результаты

В рамках обозначенной темы остановимся на трех группах лексики, представленных в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: славянизмы, русизмы и маркеры эпохи, которые и вызывают, прежде всего, трудности в процессе перевода и напрямую связаны с лингвосоциокультурными аспектами.

1. *Славянизмы.* Данная группа лексики широко представлена в творчестве А. С. Пушкина. По мнению Б. А. Успенского, славянизмы являются у Пушкина «знаками той или иной культурно-идеологической позиции, которая определяет перспективу повествования» [14, с. 174]. Рассмотрим отдельные примеры.

1.1. Славянизмы могут выступать в характерологической функции, создавая романтическую окраску образа. Рассмотрим переводы фрагмента из текста (о Ленском).

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Он верил, что друзья готовы За честь его приять оковы, И что не дрогнет их рука Разбить сосуд клеветника (гл. 2, VIII) [11, с. 39]	Er glaubte dran, dass sich die Freunde Für seine Ehr' zu sterben freuen, Es wird nicht zittern ihre Hand Zu schlagen den Denunziant (Друзья будут рады умереть за его честь, и их рука не дрогнет ударить доносчика) (здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.) [13, S. 45]	Er glaubte, treue Freunde ließen Sich gern für ihn in Ketten schließen Und seien hilfreich jederzeit Zu Beistand in Gefahr bereit (Верные друзья охотно позволяют ради него заковать себя в цепи и будут всегда готовы помочь ему и поддержать в опасности) [12, S. 288]

Однако в переводах на немецкий язык романтически возвышенная окраска не прослеживается так ярко. В. Приб использует приближающий перевод, производя определенные лексические трансформации, в данном случае выражение *приять оковы* заменено на близкое (в переводе «умереть за его честь»), но в оригинале речь идет не о смерти, а о несвободе, заточении, т.е. долгих мучениях; в переводе Т. Комишо этот смысл передан более точно. Выражение *разбить сосуд клеветника* у обоих переводчиков представляет собой адаптивный перевод, который не передает глубокий смысл оригинала. Церковнославянское выражение «разбить сосуд клеветника», по мнению Ю. М. Лотмана, выступает в значении «разбить оружие клеветы» [15, с. 593]. В словаре

И. И. Срезневского, а также в Словаре русского языка XI–XVII вв. *сосуд* в качестве одного из значений имел значение «орудие, инструмент», причем И. И. Срезневский отдельно выделяет переносное значение [16, т. 3, ст. 834–835; 17, вып. 26, с. 228]. В данном случае выражение не означает физической расправы, а предполагает, что друзья вступятся за его честь и «разобьют» клевету. Но в переводах, как мы видим, это не находит отражения.

1.2. В ряде случаев славянизмы используются для создания определенного стилистического эффекта, например выражают иронию. По словам В. В. Виноградова, в такого рода случаях представлено явление «иронического сцепления семантических неравноностей» [18, с. 238]. Приведем фрагмент характеристики Онегина.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг; Но в чем он истинный был гений, Что знал он тверже всех наук, Что было для него измлада И труд, и мука, и отрада, Что занимало целый день Его тоскующую лень, – Была наука страсти нежной... (гл. 1, VIII) [11, с. 14]	Wo er im Geiste doch war heiter, Was er so wusste tief und breit, Seit Kindheit trieb ihn wie Verrückten, Zu tun und Schmerz gab, machte glücklich Und seine träge Faulheit Beschäftigte die ganze Zeit, War Lehre holder Leidenschaften... (С детства его нечто заставляло как сумасшедшего делать то, что приносило ему боль и счастье...) [13, S. 10]	Noch Weitres dieser Art zu melden, Erübrigt sich und führt zu weit. Doch was den Genius meines Helden Mehr dartat als Gelehrsamkeit, Was ihm seit frühen Jugendtagen Zur Quelle ward von Lust und Plagen, Wodurch er sich zur Leidenschaft Aus leerem Nichtstun aufgerafft – War – daß er um die Triebe wußte... (То, что с ранней юности стало для него источником наслаждений и мучений...) [12, S. 259]

В данном контексте рядом с нейтральной и разговорной лексикой (*недосуг, лень*) славянизм *измлада* усиливает иронию по отношению к главному герою, который больше всего преуспел в любви. Отметим, что в переводе В. Приба, напротив, представлена обиходно-бытовая конструкция *Seit Kindheit* (с детства), в данном случае перевод Т. Комишо в большей степени приближен к оригиналу, поскольку выражение *seit frühen Jugendtagen* (с ранних юных лет) относится к высокому стилю, однако ирония в обоих переводах не отражена, поскольку

стилистический контраст не прослеживается.

1.3. Славянизмы используются также как поэтизмы, в такого рода случаях они передают определенную культурно-идеологическую позицию автора. Так, А. С. Пушкин сознательно поэтизирует деревню, крестьянский быт и на этом фоне контрастно, непоэтично рисует помещичий быт. Заметим, что за использование славянизмов в бытовых контекстах А. С. Пушкин, как известно, подвергался критике современных литераторов. Приведем фрагмент текста и переводы.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь; Его лошадка, снег почуя, Плетется рысью как-нибудь; Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая; Ямщик сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке (гл. 5, II) [11, с. 94–95]	1) Der Winter!.. Bauer bahnt in Eile Im Schnee auf Schlitten seinen Weg. Laut schnarchend, traben seine Gäule, Für Schnee sich freuend unterwegs. Ein Schlittenzelt flitzt wagemutig, Im Schnee macht Spuren, neue Routen. Jamschik sitzt schneidig auf dem Bock Mit rotem Schal aufm Schaffellrock (Зима! Крестьянин торопливо прокладывает себе дорогу через снег на санях. Его лошади несутся рысью и громко храпят, радуясь снегу) [13, S. 120]	1) Winter ...! Der Landmann hat im Schlitten Nun wieder herrlich freie Bahn; Sein Rößlein stampft mit kurzen Tritten, Die Nüstern blähend, durch den Plan. Wie prächtig die Kibitka drüben Dahinsaut, daß die Flocken stieben; Der Kutscher, der die Zügel führt, Im Pelz, mit rotem Gurt umschnürt. (Зима! У селянина вновь чудесный свободный путь. Его лошадка идет коротким шагом, раздувая ноздри, по ровной местности) [12, S. 353]
2) В избушке распевая, дева Прядет, и, зимних друг ночей, Трежит лучинка перед ней (гл. 4, XLI) [11, с. 89]	2) Die Jungfrau spinnt, fühlt sich geborgen Und singt. Ein Kienspan hellt die Nacht, Ein Freund, der über Winter wacht (Дева прядет, чувствует себя защищенной и поет...) [13, S. 113]	2) Jetzt schnurrt das Spinnrad, Mägde singen, Und durch das niedre Stübchen streut Der Kienspan Winters Heimlichkeit (И вот мурлычет прялка, горничная поет...) [12, S. 346]

В данном случае в первом примере перед нами – поэтичный высокий слог (*торжествуя, обновляет путь, бразды пушистые* и т.д.). В переводе В. Приба полностью отсутствует эта поэтичность, торжественность не выражена, более того, переводчик допускает ряд фактологических ошибок: представлено множественное число Gäule – лошади, которые, в отличие от оригинала, радуются снегу. Помимо этого на ямщике (передано транслитерацией) – «красный шарф» (буквально), т.е. неверно переведены реалии, можно сказать маркеры эпохи (об этом мы будем говорить ниже). Т. Комишо предлагает приближенный перевод, в результате прилагательных и поэтичной номинации лошади – *Rößlein* выражена определенная приподнятость, однако реалии, хотя и переданы максимально

близко, все-таки обнаруживают неточности, поскольку *Pelz* – это не тулуп, а шуба.

Во втором примере поэтизм *дева* передан точно в переводе В. Приба, немецкий эквивалент *Jungfrau* также имеет книжную окраску; в переводе Т. Комишо представлена семантическая трансформация, поскольку эквивалент указывает на пространство (крестьянский быт) и социальный статус – *Mägde* (горничная, прислуга, работница и т.п.), т.е. здесь перед нами прагматическая эквивалентность, установка на адресата, соответственно, поэтика остается не выраженной.

В данной группе мы рассматриваем проблему передачи на немецкий язык славянизмов, но на контрасте с предыдущими примерами приведем описание помещичьего быта, которое автор намеренно дает в сниженном контексте.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
В глуши что делать в эту пору?.. Читай: вот Прадт, вот W. Scott. Не хочешь? – поверяй расход, Сердись иль пей, и вечер длинный Кой-как пройдет, а завтра тож, И славно зиму проведешь (гл. 4, XLIII) [11, с. 90]	Verbleib' wie Einsiedler zu Hause Und lies: da Walter Scott, hier Pradt! Das willst du nicht? – Dann prüfe hart Die Bücher, trink, lass Abend sausen, Ein Tag vergeht dann zwei, dann drei... So ist der Winter schnell vorbei (Сиди дома, как отшельник, и читай: вот Вальтер Скотт, здесь Прадт! Ты этого не хочешь? – Тогда проверяй внимательно книги, пей, пусть вечер промчится, Потом пройдет день, затем два, затем три... И так зима быстро закончится) [13, S. 114]	Da heißt es denn zu Hause bleiben Und mit dem Pradt und Walter Scott Und Rechnungskram, du lieber Gott, Sich irgendwie die Zeit vertreiben, Bis stumpf und dumpf nach langer Frist Der Winter überstanden ist (Так что придется оставаться дома с Прадтом и Вальтером Скоттом и с хламом счетов, Боже мой, чтобы как-то скоротать время до окончания скучной и унылой зимы) [12, S. 347–348]

В представленном фрагменте А. С. Пушкин использует просторечные, разговорные выражения: *вот, кой-как, тож*, иронизируя над жизнью высшего общества в деревне. В переводах данные оттенки прослеживаются слабо: у Т. Комишо бесцельность и атмосфера скуки передана с помощью переводческой компенсации – введения в текст оборота *du lieber Gott*, у В. Приба в большей степени перевод приближен к оригиналу, поскольку используется разговорная безглагольная конструкция *da Walter Scott, hier Pradt!* Однако перевод окончания фрагмента не передает всей иронии описываемой ситуации.

Таким образом, анализ переводов показал, что передача дополнительных смысловых от-

тенков, окрасок славянизмов остается либо полностью не отраженной, либо отраженной частично.

Обратимся ко второй группе – русизмам.

2. В рамках группы *русизмов* рассмотрим отдельные примеры, в составе которых присутствует разговорная лексика.

2.1. Употребление разговорной лексики, так же как и славянизмов, может носить иронический характер. В частности, в следующем примере, приведенном в таблице, сочетание разговорной лексемы простонародного характера с книжной лексикой при описании главного героя выражает иронию автора.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Онегин был, по мнению многих (Судей решительных и строгих), Ученый малый, но педант (гл. 1, V) [11, с. 13]	Onegin war, nach Meinung vieler (Gericht mit strengen Utensilien), Gelehrter, aber auch Pedant (Онегин был, по мнению многих... Ученый, но и педант) [13, S. 8]	Onegin war nach Ansicht vieler (Berufner Kenner, streng subtiler) Ein kluger Kopf, wenn auch Pedant (... Умница, хотя и педант) [12, S. 257–258]

Лексема *малый* в значении существительного представлена в словаре В. И. Даля: «парень, молодец; молодой человек; слуга, прислужник» [19, т. 2., с. 763], т.е. обозначает человека из народа. В сочетании с лексемами *ученый* и *педант* как раз и выражена ирония. Однако в переводе В. Приба, как мы видим, представлена лакуна, в результате данные смысловые оттенки остаются не переданными. Перевод Т. Комишо приближен к оригиналу, здесь используется частичный эквивалент – синонимичное выражение *Ein kluger Kopf* – *умница*, имеющее разговорную окраску.

2.2. Интерес представляет следующий пример с использованием диалектной лексемы *зюзя*: «псковское слово зюзя и его варианты... значат “свинья”, известно и другим говорам» [20, с. 275]. Как отмечает Ю. М. Лотман, *как зюзя пьяный...* – «выражение из гусарского языка. Специфически “гвардейский язык”, имевший, впрочем, характерные подразделения по родам войск и даже полкам, отличался особым синонимическим богатством в описании состояния и стадий опьянения. Выражение ввел в поэзию Д. Давыдов» [15, с. 669]. Приведем характеристику Зарецкого.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
И то сказать, что и в сраженьи Раз в настоящем упоеньи Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого сваясь, Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: драгой залог! (гл. 6, V) [11, с. 114]	Man muss auch sagen: In den Schlachten Erwies er oft zum Tod Verachten, Er stürzte mutig mal direkt Von dem Kalmykenpferd in Dreck, Besoffen, und war von Franzosen Gefangen, ein wertvolles Pfand! (... он мужественно упал с калмыцкого коня в грязь, пьяный, и был пленен французами) [13, S. 148]	Auch einst im Krieg als Reiterhelden Und fiel, berauscht fürs Vaterland, Kopfüber in Franzosenhand – Ein teurer Fang! (И однажды на войне, будучи героем на коне, упал, опьяненный сражением за отечество...) [12, S. 376–377]

В данном фрагменте автор смеется над своим героем, который попал в плен, так как был пьян. В. Приб использует лексему *besoffen*, которая выражает степень сильного опьянения и является грубой сниженной

единицей, таким образом, степень опьянения передана адекватно, однако остается не выраженным культурно-исторический оттенок, т.е. явление так называемого гвардейского языка времен Пушкина. Перевод Т. Комишо

представляет собой семантическое искажение, поскольку в данном случае, напротив, в качестве эквивалента приведена форма от книжного глагола *berauscht* – «опьяненный» (за отечество), т.е. перед нами неадекватный перевод.

2.3. В ряде других случаев также в процессе перевода обнаруживается явление семантического искажения, связанное с незнанием реалий другой культуры, ее традиций, обычаев. Приведем пример описания русского быта, «примет старины», т.е. традиций.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины; У них на масленице жирной Водились русские блины; Два раза в год они говели; Любили круглые качели, Подблюдны песни, хоровод; В день Троицын, когда народ Зевая слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три (гл. 2, XXXV) [11, с. 51]	Sie pflegten Sitten der Epoche In ihrem Leben, im Gebrauch. Sie aßen in der Fastnachtswoche Die Pfannenkuchen täglich auch. Sie mochten jährlich zwei Mal Fasten, Herum auf Karussellen hasten, Auch Tanz im Reigen, Volksgesang. Sie machten fromm am Pfingsten Gang Mit andrem Volk zu Gottesdiensten, Mit Andren gähnten tüchtig dort, Paar Tränen fließen aufs Morgenrot. (Они соблюдали обычаи той эпохи В своей повседневной жизни. Также ели на масленичной неделе Блины ежедневно. Они постились два раза в год, Катались на каруселях, Также танцевали в хороводе, пели народные песни. Они благочестиво ходили в Пятидесятницу С другими людьми на церковные службы, С другими там тяжело зевали, Роняли несколько слез на рассвете) [13, S. 60–61]	Sie hielten sich im schlichten Rahmen Altbiederer Art behaglich frisch; Stets in der Fastnachtswoche kamen Die fetten Plinsen auf den Tisch, Und zweimal jährlich ging man beichten. Der Mummenschanz und Christmarkt reichten Zu ihrer Kurzweil völlig aus. Am Pfingsttag, wenn im Gotteshaus Die Bauern gähnend Messe hören, Vergossen sie so rührsam nett Paar Tränchen auf ihr Pfingstbukett. (Они держали себя в простых рамках Старомодного бидермайерского стиля, комфортно-свежего; Всегда на масленичной неделе На стол подавались жирные блины, Два раза в год ходили на исповедь. Переодевания с масками и рождественской ярмарки было достаточно для их развлечений. В день Пятидесятницы, когда в церкви Крестьяне зевают, слушая мессу, Проливали трогательно, мило Несколько слез на букет Пятидесятницы) [12, S. 301–302]

В данном случае русизмы передают народные традиции, перед нами некая «картинка», понятная прежде всего носителю языка. Обратим внимание на следующие единицы и выражения: 1) *водились русские блины*; в Словаре русского языка XI–XVII вв. глагол *водиться* в качестве одного из значений имеет «быть в обычае, обыкновении» [17, вып. 2, с. 253], которое в современном русском языке имеет разговорный оттенок. В переводах: *ели / подавались*; 2) безэквивалентное сочетание *подблюдны песни* – это песни, которые входили в обряд святочных гаданий. В переводах: *народные песни / –* (лакуна), во втором переводе – динамический перевод; 3) *говели* – в переводах *Fasten* (соблюдали пост) / *beichten* (исповедавались). В данном случае следует обратить внимание на важность глагола *говеть* при передаче народных традиций, его значение шире близкого глагола *поститься* и означает также не только воздержание от пищи, но и духовное воздержание [17, вып. 4,

с. 51–52]; 4) *пучок зари* – в первом переводе грубая ошибка, поскольку *заря* переведена как *рассвет*. Как указывает Ю. М. Лотман, ссылаясь на исследование А. Б. Зерновой, «*заря* или *зоря* – вид травы, которой в народной медицине приписывается целебное действие. Во время троичского молебна девушки, стоящие слева от алтаря, должны уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток. Этот пучок тщательно собирается после и считается залогом того, что в это лето не будет засухи» [15, с. 608]. Во втором переводе представлено не собственно название травы, а передано функциональное назначение объекта – букет, который предназначался на Троицын день (Пятидесятницу).

2.4. В качестве отдельных случаев, вызывающих особые трудности в процессе перевода, следует привести намеренное употребление просторечных, нелитературных вариантов, например, описание святочных гаданий – служанки гадали и обещали барышням «мужьёв

военных и поход». Комментируя данный фрагмент, Ю. М. Лотман отмечает, что в отдельном печатном издании главы было «мужей», но в издании 1833 г. Пушкин изменил форму на простонародную, введя тем самым в текст точку зрения гадающих служанок [15, с. 608]. В переводе данные стилистические и смысловые оттенки не переданы: *Versprochen... Den Bräutigam vom Militär* (обещали... женихов-военных) / *Ein schmucker Krieger* (воина-красавца).

Другим примером может быть народно-разговорное обращение *Ах, братцы!*, которое выступает «в разговорно-фамильярном обращении к лицам мужского пола» [21, т. 1, с. 161], однако в данном случае, исходя из эмоционально приподнятого контекста (радость автора, что он возвращается в Москву из Михайловского), выражен также ласковый оттенок в обращении. В обоих переводах приведенная конструкция не передана – в первом эквивалентом выступает *Ach, Leute!* (Ах, люди), во втором обращение отсутствует.

Итак, рассмотренные и другие фрагменты показывают, что русизмы, в составе которых

могут быть стилистически окрашенные единицы, единицы, обозначающие реалии русского быта и традиций, при переводе зачастую теряют свою стилистическую окраску, либо, напротив, передаются неадекватно, или в тексте перевода присутствует лакуна, в результате остаются не выраженными соответствующий культурно-исторический фон и культурно-идеологические установки автора.

Наконец, обратимся к третьей группе, в состав которой мы включили так называемые маркеры эпохи, которые могут быть включены в том числе в предыдущие группы.

3. Единицы, которые можно отнести к *маркерам эпохи*, широко представлены в романе «Евгений Онегин». Под маркерами эпохи в данном случае мы понимаем единицы и выражения, которые ассоциируются с определенным хронологическим периодом, в нашем случае – с периодом Пушкина. Рассмотрим в качестве примеров отдельные фрагменты.

3.1. Выделим единицы, обозначающие средства передвижения и реалии, с ними связанные.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовых, Всеvyšней волею Зевеса Наследник всех своих родных (гл. 1, II) [11, с. 10–11]	1) So dachte nun ein Junggeselle, Geeilt im Staub mit Dreigespann , In Zeuses Willen höchst beseligt Als Erbe vom Verwandten-Klan (тройка) [13, S. 6]	1) So machte seine bittren Glossen In Extrapost ein junger Fant, Dem als der Sippe letztem Sprossen Das Glück der Erbschaft vorbestand (скорая почта) [12, S. 256]
2) Встает купец, идет разносчик, На биржу тянется извозчик, С кувшином охтинка спешит... (гл. 1, XXXV) [11, с. 24–25]	2) Stehn auf die Händler, Hausierer, Die Kutschen fahren Börsentiere, Die Milchmagd ist mit Krug zu sehn... (Встают торговцы, разносчики, повозки тянут биржевые лошади (животные), видна молочница с кувшином...) [13, S. 24]	2) Der Kaufmann rüstet, Boten fliegen, Zur Börse rollt's von Droschkenzügen, Die Milchmagd stapft, so schnell sie kann, Durch knarrend frischen Schnee heran (Собирается купец, летят посланники, катятся дрожки на биржу, молочница топаёт ножками как можно быстрее) [12, S. 271]
3) В возок боярский их впрягают, Готовят завтрак повара, Горой кибитки нагружают, Бранятся бабы, кучера (гл. 7, XXXII) [11, с. 144]	3) Und spannt sie ein vor jeden Schlitten, Das Frühstück macht bereit der Koch, Die Wagen sind geladen schließlich, Mit Weibern schimpfen Kutscher noch. (И запрягают их в каждые сани, Повар готовит завтрак, Повозки наконец загружены, Кучера все еще ругаются с женщинами) [13, S. 190]	3) Und schirrt sie an die Schlittenstränge. Die Köche packen Zehrung ein, Man staut die Lasten im Gedränge, Die Kutscher fluchen, Weiber schreien (И привязывают их упряжью к саням. Повара упаковывают еду. Груз складывается в кучу, Кучера бранятся, женщины кричат) [12, S. 411]

В первом приведенном фрагменте отражена особая система передвижения: через равное расстояние на дороге стояли почтовые станции со свежими лошадьми. В первом переводе представлен эквивалент *Dreigespann* – тройка, в

данном случае осуществляется конкретизация, поскольку неслуживший Онегин, как и Пушкин, – чиновник 13-го класса, следовательно, имел право лишь на трех лошадей [15, с. 540]; во втором переводе передана скорость движения.

Во втором примере эквивалент лексеме *извозчик* отсутствует в обоих переводах, вместо этого приводятся средства передвижения – повозки / дрожки (трансформации: лексическое опущение и лексическая замена). Обратим также внимание на перевод такой лексемы, как *разносчик* – в данном случае во втором переводе использовано книжное слово *Boten* – «гонец, посланник», которое не передает значения уличного разносчика. И наконец, в третьем примере представлено

такое средство передвижения, как *боярский возок*, в комментариях Ю. М. Лотмана – экипаж, составленный из кузова кареты, поставленного на сани [15, с. 540]. Однако в переводах используется такая трансформация, как генерализация, в качестве эквивалента – *сани*, т.е. эквивалент не передает специфики данного средства.

3.2. Отдельно можно выделить маркеры эпохи, относящиеся к организации пространства и быта.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) ...для гостей Ночлег отводят от сеней До самой девицы. (гл. 6, I) [11, с. 112]	1) Und für die Gäste, kaum noch wach, Bereitet Plätze man vom Dach Bis Flur zu ihrem Schlafen (и для гостей готовят места для сна от крыши до коридора) [13, S. 146]	1) Inzwischen wird bis unters Dach In jedem Winkel von Gemach Ein Heer von Betten aufgeschlagen (и между тем до потолка в каждом уголке комнат армия подготовлен- ных кроватей) [12, S. 374]
2) Усеян площадками кругом, Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят, Мелькают профили голов И дам и модных чудаков (гл. 1, XXVII) [11, с. 21]	2) Geschmückt mit Lampen drum herum, Steht schönes Haus, das glänzt und brummt. In dessen Fenstern Schattenwogen (Украшенный лампами кругом, стоит красивый дом, который блестит и гудит. В его окнах качаются тени) [13, S. 20]	2) Besät mit Lampen flammt die Pracht Der stolzen Hausfront durch die Nacht, Und an den Fenstern, Schatten malend (Усыпанный лампами, сверкает ве- ликолепием гордый фасад дома в ночи, рисуя на окнах тени) [12, S. 268]
3) Всё было просто: пол дубовый, Два шкафа, стол, диван пуховый, Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы отворил: В одном нашел тетрадь расхода, В другом наливки целый строй, Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года: Старик, имея много дел, В иные книги не глядел (гл. 2, III) [11, с. 37]	3) Ganz schlicht war alles: Eichendiele, Zwei Schränke, Tisch und Stühle, Kein Fleckchen Tinte irgendwo Die Schränke öffnet' Eugen, wo Er fand ein Heft für Ausgaben, Der Fruchtlüköre stolzes Soll, Mit Apfelwasser Krüge voll, Kalender, Jahr acht Ausgabe: Der Alte, haltend viel in Sicht, In andre Bücher blickte nicht (Все было очень просто: дубовые половицы, Два шкафа, стол и стулья... тетрадь расходов, гордое присутствие фруктовых ликеров, Кувшины, полные яблочной воды, Календарь восьмого года выпуска) [13, S. 42]	3) Ein schlichtes Zimmer: eichne Diele, Zwei Schränke, Sofa, Tisch und Stühle, Kein kleinster Tintenfleck zu sehn. Die Schränke prüfend fand Eugen: Hier Wirtschaftsbücher, dort die Spender Des Seelentrostes: Schnaps, Likör Und Apfelwein, ein ganzes Heer; Von Anno acht den Volkskalender... (Простая комната: дубовый пол, Два шкафа, диван, стол и стулья... здесь книга расходов, там «поставщики» для утешения души: шнапс, ликер, сидр – целая армия, и испокон с восьмого года народный календарь Ни единого чернильного пятна не видно...) [12, S. 285–286]

В первом случае нас интересует *девица* – помещение в барском доме для горничных и дворовых девушек [21, т. 1, с. 617]. Однако оба перевода представляют собой динамический перевод, поскольку передана общая идея того, что занято было все пространство, эквивалент отсутствует. Однако заметим, что само пространство передано неверно, так как у Пушкина – от самого входа до комнаты в глубине, в отдалении (*девица*); в переводах – с верхних этажей до коридора / в каждом уголке комнат до потолка.

Во втором фрагменте, согласно комментариям Ю. М. Лотмана, *плошки* – это плоские блюда с укрепленными на них светильниками или свечками. Плошками, расставленными по карнизам, иллюминировались дома в праздничные дни [15, с. 577]; эквивалент *Lampen* не передает полностью данную реалию. Прилагательное *цельные* (окна) также имеет значимость в контексте, так как указывает на определенное положение в обществе, поскольку «цена стекла определялась его величиной. Использование

для окон огромных стекол, делавших излишними оконные переплеты, составляло дорогостоящую новинку, которую могли позволить себе лишь немногие» [15, с. 577]. Но в переводах представлена лакуна.

В третьем фрагменте описание помещичьего быта также выполняет определенную смысловую нагрузку. Диван, набитый пухом, в те времена был маркером известной степени комфорта, т.е. в свое время (1770-е гг.) дом дяди Онегина был обставлен в соответствии с требованиями моды [15, с. 588]. *Календарь осьмого года* – это Адрес-календарь – ежегодное справочное издание, содержащее общую роспись чинов Российской империи. В переводах отмечены: семантическая избыточность – Т. Комишо в качестве эквивалента лексеме *наливки* дает ряд единиц *Schnaps, Likör*; семантическая недостаточность – в обоих вариантах отсутствует релевантное прилагательное *пуховый* (диван); а также неверно переданная реалия в переводе Т. Комишо – *Volkskalender* (народный календарь).

Маркеры эпохи, безусловно, выполняют значимую роль в произведении, поскольку передают дух эпохи, определенное время и определенное пространство, выражая зачастую тонкие смысловые оттенки. В переводах, как мы видим, представлены при передаче данных явлений различные трансформации, среди которых частотны генерализация, лакунарность.

Заключение

Итак, как показал анализ переводов, в большей степени стремление передать дух и время пушкинской эпохи характерно для известного перевода Теодора Комишо. Однако, тем не менее, и здесь мы обнаруживаем не всегда последовательную передачу смысловых оттенков, стилистических нюансов, что, в первую очередь, связано с культурно-историческими аспектами перевода. Скорее всего, идеальный перевод в данном случае невозможен, в тексте всегда обнаружатся моменты, которые потребуют субъективного решения. Такие сложные поэтические произведения, как роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», на наш взгляд, должны сопровождаться комментариями лингвокультурного характера, тем более если переводчик избирает стихотворную форму перевода, а не прозаическую. Как говорил современник А. С. Пушкина Петр Андреевич

Вяземский, который также занимался переводами, в переводе надо пытаться сохранить «запах, отзыв чужбины» [22, с. 34]. Перевод поэзии, особенно знаковой, это очень ответственная деятельность, которая требует от переводчика не только очень уверенного владения языком оригинала исходного текста и литературным языком перевода, но и полного погружения в настроение произведения, понимания стилистики текста и техники стиха.

Список литературы

1. Süsskind W. E. Die Erfahrungen eines literarischen Übersetzers // *Lebende Sprachen*. 1959. Vol. 4, № 3. P. 85–85. <https://doi.org/10.1515/les.1959.4.3.85>
2. Sprachkunst und Übersetzung / Hrsg. von H.-A. Koch. Bern : Peter Lang International Academic Publishers, 1983. 203 S. (Gedenkschrift Ernst Sander).
3. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
4. Баишева К. Б. Особенности художественного перевода поэтического текста // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. 2019. № 2 (35). С. 22–25.
5. Науменко О. В. Особенности поэтического перевода // *Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : междунар. сб. науч. ст. Вып. 4*. Нижний Новгород : ООО «Альба», 2014. С. 113–118. EDN: UALRGF
6. Belushi Al. A., Zid M. B. The Untrodden Way: Unexplored Challenges in Poetry Translation // *English Language and Literature Studies*. 2016. Vol. 6, №. 4. P. 51–61. <https://doi.org/10.5539/ells.v6n4p51>
7. Süskind W. E., Vring G. von der, Radecki S. von, Kemp F., Krolow K., Leishman J. B., Plard H., Okara G. J., Scheibe E. Die Kunst der Übersetzung. München : R. Oldenbourg, 1963. 205 S. (Bayerische Akademie der Schönen Künste).
8. Бюлер К. Теория языка : репрезентативная функция языка : пер. с нем. / общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; вступ. ст. Т. В. Булыгиной, А. А. Леонтьева. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 501 с.
9. Bühlig K., Rehbein J. Reproduzierendes Handeln. Übersetzen, simultanes und konsekutives Dolmetsch im diskursanalytischen Vergleich. Hamburg : Universität Hamburg, SFB Mehrsprachigkeit, 2000. 70 S.
10. Apel F., Kopetzki A. Literarische Übersetzung. 2, vollst. Neu bearb. Aufl. Stuttgart : J. B. Metzler, 2003. 152 S. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05076-2>
11. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. Т. 4 : Евгений Онегин ; Драматические произведения. М. : Гослитиздат. 1960. 597 с.

12. Puschkin A. S. Gedichte, Poeme, Eugen Onegin. Übers. v. Th. Commichau, hg. v. W. Neustadt. Berlin : SWA – Verlag, 1947. 452 S.
13. Eugen Onegin : poetische Übersetzung des Versromans «Evgenij Onegin» v. A. S. Puschkin ins Deutsche. Übers. v. V. E. Prieb. Berlin : GOL, 2018. 165 S.
14. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
15. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин : Биография писателя ; Статьи и заметки, 1960–1990 ; «Евгений Онегин» : Комментарий. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. С. 472–762.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Изд-е Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук : в 3 т. 1893–1902.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
18. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Учпедгиз. 1938. 448 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М. ; СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
20. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Нева, 2005. 800 с.
21. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / гл. ред. В. В. Виноградов ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : ГИС, 1956–1961.
22. Вяземский П. А. От переводчика // Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. А. Мильчиной ; «Адольф» в пер. П. А. Вяземского. М. : ОГИ, 2006. С. 29–34.

Поступила в редакцию 03.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 03.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 135–141

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 135–141

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

Научная статья

УДК 821.112.2.09

Внутренняя речь персонажа как способ проникновения «воображаемого» в «реальное» (на материале рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка»)

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова ✉

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Россия, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15

Алексеева Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

Фролова Вера Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Аннотация. Статья посвящена установлению специфической роли внутренней речи в художественном тексте как инструмента внедрения нереального в реальный мир на примере короткого рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка». Авторы опираются на идею речевых позиций во внутренних диалогах героини с отсутствующими или потенциальными собеседниками; на концепцию деятельностного молчания, которое фактически означает воплощение замысла героини; на идею о перестраивании сущности «я» в сложно организованном процессе автокоммуникации. Авторы исследования используют метод сплошной выборки, собственно лингвистический анализ текста и метод литературоведческого анализа художественного текста. В исследовании ставится цель раскрыть роль внутренней речи в изменении видения персонажем действительности, в проникновении «нереального» в «реальное». Подробно анализируется содержательное наполнение монологической и диалогической форм внутренней речи в художественном тексте. Особое внимание уделяется многообразию адресатов во внутренних диалогах, выбор которых, как показывает анализ, чаще всего крайне отрицательно воздействует на самовосприятие и самооценку главной героини, разрушая ее «самость». Выявляются ассоциативные ряды, сравнения с неодушевленными объектами, возникающие в интраперсональной коммуникации как следствие качественной трансформации сообщения, например сравнение с соломенным чучелом, символизирующим все отжившее и ушедшее. Прослеживается нарастание деперсонификации героини рассказа, что происходит также с помощью переосмысления и перестраивания системы личных местоимений, где опорное местоимение внутренней речи «я» заменяется индифферентным местоимением «она». Героиня утрачивает свою «самость», теряет индивидуальные черты, и «воображаемое» приближается к «реальному».

Ключевые слова: немецкий язык, внутренняя речь, «реальное», «нереальное», деперсонификация, сравнение, личные местоимения, М. Л. Кашнитц

Для цитирования: Алексеева М. Г., Фролова В. А. Внутренняя речь персонажа как способ проникновения «воображаемого» в «реальное» (на материале рассказа М. Л. Кашнитц «Соломинка») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 135–141. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The inner speech of a character as a way of penetrating the “imaginary” into the “real” (based on the material of the story by M. L. Kashnitz *The Straw*)

M. G. Alexeeva, V. A. Frolova ✉

I. N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovskiy Ave., Cheboksary 428015, Russia

Marina G. Alexeeva, margennal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2626-1087>

Vera A. Frolova, frvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8097-0060>

Abstract. The article deals with establishing the specific role of inner speech in a literary text as a tool for introducing the unreal into the real world, based on the example of the short story by M. L. Kashnitz *The Straw*. The authors rely on the idea of speech positions in the heroine's internal dialogues with the absent or potential interlocutors; on the concept of active silence, which in fact means the actualization of the heroine's idea; on the idea of restructuring the essence of the “I” in a complex process of autocommunication. The authors of the study use the continuous sampling method, the linguistic analysis of the text itself and the method of literary analysis of the literary text. The research aims to reveal the role of inner speech in changing how the character perceives the reality, in the penetration of the “unreal” into the “real”. The content of the forms of monologue and dialogue of inner speech in a literary text is analyzed in detail. Special attention is paid to the diversity of addressees in internal

dialogues, the choice of which, as the analysis shows, most often has an extremely negative effect on the self-perception and self-esteem of the main character, destroying her "self". Associative series, comparisons with inanimate objects that arise in intrapersonal communication as a result of qualitative transformation of the message are revealed, for example, a comparison with a straw scarecrow symbolizing everything obsolete and gone. There is an increase in the depersonification of the heroine of the story, which also occurs through reconsidering and restructuring of the system of personal pronouns, where the basic pronoun of the inner speech "I" is replaced by the indifferent pronoun "she". The heroine loses her "self", loses individual traits, and the "imaginary" approaches the "real".

Keywords: German language, inner speech, "real", "unreal", depersonification, comparison, personal pronouns, M. L. Kaschnitz

For citation: Alexeeva M. G., Frolova V. A. The inner speech of a character as a way of penetrating the "imaginary" into the "real" (based on the material of the story by M. L. Kaschnitz *The Straw*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 135–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-135-141>, EDN: AQWNAO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Статья посвящена определению роли внутренней речи в актуализации «воображаемого» на материале короткого рассказа немецкоязычного автора Марии Луизы Кашнитц «Соломинка» (Marie Luise Kaschnitz "Der Strohalm") из серии рассказов «Длинные тени» ("Lange Schatten") [1, с. 111–121]. Объектом нашего исследования является внутренняя речь главной героини, представленная в диалогической и монологической формах. Диалогическая природа человеческого сознания, непреходящая ценность интраперсональной коммуникации обуславливают актуальность исследования. Целью статьи является попытка раскрытия потенциала внутренней речи персонажа художественного текста в активизации «нереального» и его внедрении в реальную действительность. Установление и комплексный анализ средств, обеспечивающих подобную активизацию «нереального», составляют новизну исследования. Комплексное изучение роли внутренней речи литературного персонажа в аспекте демонстрации трансформационных процессов, касающихся самовосприятия и самооценки, обуславливает теоретическую значимость работы. Результаты исследования могут найти свое практическое применение в таких лингвистических дисциплинах, как интерпретация художественного текста и лингвистика текста.

В работе предпринимается попытка раскрытия специфической роли внутренней речи в художественном тексте, проявляющем черты психологизма, в тексте, изображающем внутреннюю жизнь человека, смену душевных состояний, анализирующем свойства личности. Специфическая роль внутренней речи в рассматриваемом художественном тексте заключается, с нашей точки зрения, в том, что она выступает в качестве связующего элемента между реальностью и воображением, находится в позиции двоемирия, активизирует

нереальное и способствует его проникновению в реальную действительность.

Для достижения поставленной цели в работе использовались теоретические и практические методы исследования: анализ теоретических источников, метод сплошной выборки художественного текста, лингвистический анализ контекстуальных блоков художественного текста, метод литературоведческого анализа текста.

Опираясь на классические работы М. Я. Блоха, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, мы предполагаем, что полифония внутренних монологов и внутренних диалогов в рассказе «Соломинка», смещение вектора в системе личных местоимений (с первого лица на третье лицо), сопровождающееся соответствующими деперсонификацией, ассоциациями и сравнениями с неодушевленными объектами, перестраивает личность главной героини, необратимо меняет ее сущность, впускает воображаемый мир в мир реальный.

Понятие внутренней речи связано, прежде всего, с фундаментальными психолингвистическими исследованиями. Так, Л. С. Выготский раскрывает в своей фундаментальной работе «Мышление и речь» развитие представлений ученых об этом феномене, определяет внутреннюю речь как вербальную память, как прямую речь, как все то, что предшествует моторному акту говорения [2, с. 314–316]. Ключом к пониманию внутренней речи выступает по Л. С. Выготскому эгоцентрическая речь, а также такая характеристика внутренней речи, как преобладание смысла слова над его значением. Принципиально важным является и использование внутренней речи как средства изменения и развития когнитивных функций [2, с. 319–353]. Значительный вклад в исследование внутренней речи внесли также отечественные психологи П. Я. Гальперин [3], Н. И. Жинкин [4], А. Р. Лурия [5] и А. А. Леонтьев [6].

Современные исследования, как отечественные, так и зарубежные, анализируют феномен внутренней речи с точки зрения лингвистического, литературоведческого, медицинского, психологического и смежных подходов. Так, С. Маккарти-Джоунс и Фелихо анализируют разновидности внутренней речи в психологическом аспекте, описывают ее формы и функции, например оценивающую и мотивирующую, устанавливают, что актуализация данных функций указывает на состояние тревоги и беспокойства опрошенных информантов (цит. по: [7, с. 64]). О связи определенных эмоциональных состояний (тревога, уныние, депрессия, гнев), заниженной самооценки и появлении внутренней речи свидетельствуют и результаты других психологических экспериментов (цит. по: [7, с. 65–66]). С. Ю. Лаврова и Л. А. Ермакова подвергают лингводискурсивному анализу вербализованную внутреннюю речь персонажа художественного произведения с целью выявления специфики организации внутренней речи персонажа как базового способа создания художественного дискурса [8]. Роль внутренней речи в функционировании языка, особенности и свойства этого явления исследует М. А. Корниенко [9].

Художественный текст, исследуемый в настоящей статье с использованием методов лингвистического и контекстуального анализа текста, принадлежит циклу рассказов М. Л. Кашнитц, написанному в 1960 г. Для этих рассказов характерны поэтичность, тонкий психологизм, внутренняя напряженность и философская глубина [10]. Писательница демонстрирует глубокое знание психологии человека, в ряде ее рассказов – “Gespenster“, “Eines Tages, Mitte Juni“, “Eisbären“ – психологическое граничит с мистическим, эмоциональное состояние героев выступает в них как детерминанта внешних, на первый взгляд никак не связанных с героями событий. Психологизм рассказа «Соломинка» проявляется, прежде всего, в способе изображения душевных состояний главной героини посредством определенного художественного приема – внутренней речи (см. подробнее определение *Психологизма и Внутреннего монолога* [11]). Здесь следует отметить, что внутренняя речь, изображаемая авторами художественных текстов, представляет собой, как правило, зафиксированный в форме «чужой речи» нормативно обработанный материал [8, с. 98], поскольку как психолингвистический

феномен внутренняя речь практически не поддается воспроизведению [12, с. 6]. Короткий рассказ М. Л. Кашнитц написан почти полностью в форме внутренней речи – монологической и диалогической. При внешней статичности и минимальном количестве реальных действий главной героини, переживающей возможную измену своего супруга, рассказ обнаруживает высокую динамичность, быструю сменяемость душевных состояний персонажа. Воображаемому отводится доминирующая позиция в ткани повествования, ведь при наличии двух реальных диалогов женщины со своим мужем более десяти диалоговых ситуаций актуализируются лишь в воображении героини.

Героиня рассказа находит в книге письмо, адресованное, как ошибочно она предполагает, ее супругу Феликсу. После прочтения первой из четырех страниц письма героиня погружается в хаос идущих сплошным потоком мыслей, который М. Л. Кашнитц мастерски изображает в форме внутренней речи. Большая часть внутренней речи представлена в рассказе в форме внутреннего монолога, «вкрапления» же внутренних диалогов, выстроенных по типизированным, стереотипным моделям, придают тексту высокую степень правдоподобия и внутреннюю динамику.

Рассмотрим содержание внутренних монологов и диалогов главной героини художественного текста более подробно. В соответствии с классификацией М. Я. Блоха и Ю. М. Сергеевой внутренний монолог в рассказе имеет актуальный персональный (ведется от первого лица) характер (см. подробнее [12, с. 29–35]), лишь воспоминания героини о празднике проводов зимы имеют ретроспективный характер [1, с. 114]. Героиня рассуждает сама с собой о предательстве мужа, пытается осмыслить отношения с ним, всматриваясь в свои мысли и чувства, вглядываясь и в свое отражение в зеркале, проходит путь внешней и внутренней рефлексии [1, с. 112]. Рассуждения героини об устройстве квартирного пространства после предстоящего расставания с мужем, мысли о необходимости выхода на работу отличаются обдуманностью и «выношенностью» (см. также [12, с. 35]): «...и при этом я подумала, квартиру он должен оставить мне, это было бы справедливо, в конце концов не может же он укладывать ее в мою постель, <...> Если я сохраню квартиру за собой, я смогу сдавать одну из комнат, переднюю, например, тогда можно будет поставить в угол

диван для сна, у меня как раз есть симпатичное покрывало. Шкаф нужно будет поставить в глубину комнаты, встроить в него полки для белья и купить плечики. Лампа с зеленым абажуром, ах нет, цвет не подойдет, нужно перетянуть абажур» (здесь и далее перевод наш. – *Авт.*) [1, с. 113]; «Я могу работать на моем прежнем месте, я давно могла бы выйти на работу» [1, с. 114].

Из внутреннего монолога становится очевидным, что героиня не довольна своей ролью в социуме и в семье, бытовые вопросы, такие как перетяжка абажура и замена обоев на другие, радующие взгляд, не кажутся здесь мелочью, не достойной внимания, они свидетельствуют о глубоком внутреннем диссонансе. В рассказе можно выделить также один случай использования проспективного внутреннего монолога (см. также М. М. Федорчук, цит. по: [12, с. 38]) – воображаемый уход героини из дома и поиски ее мужем. Такой монолог способствует созданию «мнимой» действительности, является «опережающим отражением» предполагаемых действий и ситуаций. Героиня рассуждает здесь о том, как она могла бы провести вечер этого злополучного дня: «Я могла бы поехать в город и посидеть в одном из кафе, ... том, в котором много зеркал, где сто тысяч раз отражается та же самая покинутая женщина, то есть я. Я могла бы листать там журналы, курить. Так можно было бы скоротать пару часов, потом можно было бы пойти в кино, один сеанс и еще один сеанс, до самой ночи. А потом ночью Феликсу пришлось бы звонить в полицию, наверное, ему было бы так неловко это делать» [1, с. 115]. Интраперсональная форма и содержание этого отрывка вскрывают чувство глубокого одиночества героини, невозможности интерперсонального общения с кем бы то ни было, чувство, «когда некуда больше пойти».

Внутренний диалог в рассказе «Соломинка» органично включается в монологическое повествование, намеренно не выделяется автором привычными кавычками, поскольку внутренний диалог – это продолжение тематических мыслительных комплексов из внутренних монологов. Описывая внутренний диалог, М. Я. Блох вводит понятие «речевая позиция», в соответствии с этим лингвист определяет понятие внутреннего диалога как воспроизведение индивидуумом в собственной речи различных речевых позиций, взаимодействующих между собой [12, с. 44]. Высокую интенсивность внутренних диалогов в рассказе можно объяснить,

следуя положениям М. Я. Блоха, отсутствием значимого собеседника, а также потребностью личности героини в общении и одновременной избирательностью этой потребности [12, с. 52–53]. В качестве адресатов внутренних диалогов (или «речевых позиций») выступают отсутствующие или потенциальные собеседники главной героини, которые, как правило, реально существуют, могут обнаруживать собирательные черты или являются нежелательными партнерами по коммуникации (см. подробнее об адресатах [12, с. 163]).

Всего в коротком рассказе зафиксировано одиннадцать воображаемых диалогов и два реальных диалога героини и ее мужа. Внутренние диалоги героини отличаются краткостью, прозрачностью и предельной искренностью (ср. также [12, с. 44]), чего нельзя утверждать о реальном общении супругов – о телефонном разговоре и беседе вечером: «Я точно помню, что я хотела ему сказать, ... но в это же мгновение такая тоска навалилась на меня из-за всего этого: печальное кафе, река и полиция, и у меня вырвались совершенно другие слова: Ах, это ты. (Фальшь в каждом звуке!) Что ты говоришь, ты не придешь на обед? (Я не могу подобрать правильный тон!) Да нет, я поняла, прекрасная погода сегодня. Не об этом речь, ты говоришь? Нет, конечно, не об этом. Я странная? В смысле странная? Нет, ничего не произошло. По крайней мере ничего, что могло бы тебя заинтересовать. Почему нет? Думаю, ты знаешь лучше, чем я» [1, с. 116]. В реальных диалогах нет места откровенному общению между супругами: «...а когда Феликс вернулся домой, я засмеялась и сказала, я так раздраженно разговаривала с тобой по телефону, голова ужасно разболелась, но слова богу, все прошло» [1, с. 117].

Молчание и замалчивание произошедшего – вот цель героини, она полагает, что произнесение вслух делает зло реальным, осязаемым: «...и Феликс ничего не должен заметить, ни в коем случае, и ни за что я не хотела заговаривать о письме, потому что я знала, слова – это что-то ужасное, и когда чему-то придают словесную форму, вот тогда это и становится явью» [1, с. 112]. Однако один раз «подуманное» также не проходит бесследно, оно небезобидно, оно изменяет и самого мыслящего человека, и его окружение. Феномен молчания (и замалчивания) подробно анализирует в своей монографии К. А. Богданов. С его точки зрения, молчание высвобождает мысль, которую человек огра-

ничивает словом. В романтической поэтике молчание может быть результатом полноценности подлинного переживания, и что важно, проживания действительности. Более того, молчание открывает дорогу к подлинной и еще более «действительной» действительности [13, с. 42, 44, 46]. Героиня рассказа М. Л. Кашнитц напрасно боится вербализации нежелательных событий, ведь, например, в фольклорно-этнографическом контексте, для того чтобы причинить вред, достаточно, как оказывается, лишь помылить последний (см. подробнее [13, с. 179]).

Внутренние диалоги рассказа «Соломинка» представляют собой самую пеструю картину адресантов и адресатов сообщения, но более чем в половине из них воображаемым коммуникативным партнером выступает супруг героини Феликс, образ которого является для нее самым значимым. Героиня представляет себе диалоги супруга с новой избранницей: «Он, наверное, потому опоздал, что сидел с ней в каком-то баре и пил что-то, и именно в эту минуту он бросил взгляд на часы и сказал: Скоро два часа, мне пора домой» [1, с. 114]; «Приготовить кровать ко сну, этому она должна тоже научиться, и бога ради, не забыть как следует взбить перину и захватить грелку, ну что ты, дорогая, я же не старик, зачем она мне» [1, с. 112].

Героиня мысленно переживает сцены прощания с супругом, она то настраивает себя на легкомысленный тон и вынужденную жизнерадостность («Но это ничего не значит, он же не видит меня. Он только слышит меня, а мой голос такой нежный и радостный. Что ты говоришь? Ты не придешь сегодня на обед? Я расстроена? Ну, нет, конечно. Нет, все в порядке. Я даже рада. <...> У тебя все хорошо, любимый? У меня? Замечательно. Такой прекрасный день. До вечера, да <...> Да, именно так я хотела это сказать, так легко и непринужденно. И в таком же тоне я хотела разговаривать с ним, когда он вернется домой» [1, с. 113]), то хладнокровно отпускает супруга в его новую счастливую жизнь («Конечно, я хотела его отпустить. Пожалуйста, уходи, удачи тебе. Я смогу и без тебя прожить. И квартира мне эта не нужна, и денег мне от тебя не надо» [1, с. 114]).

Особого внимания заслуживает внутренний диалог героини с мужем в ситуации скоропостижной смерти последнего. Героиня сравнивает, если вообще допустимо такое выражение, что же лучше для нее – уход супруга из семьи или его уход из жизни, и приходит к

мысли, что сочувствие посторонних, например соседей, было бы для нее более терпимым, если бы она осталась вдовой, а не покинутой женой-неудачницей: «Сочувствие – это как теплый бульон с капельками жира на поверхности, это ужасное самомнение, и вообще, кто такая эта госпожа Зайденшпиннер, чтобы иметь право сочувствовать мне. В случае смерти, да, так уж и быть, пусть сочувствуют, здесь участвует сам Господь Бог, никто не считает тебя неудачником, твой супруг отходит в мир иной со словами на устах, ты была для меня всем, и это всё было прекрасно» [1, с. 115].

Два внутренних диалога героини – сама героиня в роли госпожи и ее воображаемая служанка, утешающая госпожу из-за измены мужа, и обычный, ни к чему не обязывающий обмен репликами с коллегами эмоционально нейтральны, не внушают героине чувство вины и отверженности: «Не принимайте близко к сердцу, таковы все мужчины, мой был не лучше, или просто: бедная моя госпожа» [1, с. 111]; «Доброе утро, господин Шнайдер, много писем сегодня? Доброе утро, фройляйн Лили, как ваш зуб, все еще болит? Боже мой, неужели они не могут прибавить отопление? Что я хотела сказать, празднование дня рождения нашего директора...» [1, с. 114].

Актуализация всех остальных речевых позиций во внутренних диалогах – и покинутая Херта («После стольких лет супружеской жизни всегда я была ему хорошей женой, понимаете?» [1, с. 115]), и тетя Эмили с тетей Анной из глянцевого журнала с их бесполезными советами для оживления супружеских отношений («Может, по бокалу вина, любимый, так хочется сегодня праздника...» [1, с. 113]), и пересуды соседей («Вы уже слышали, бедная женщина...» [1, с. 115]) – крайне негативно влияют на героиню рассказа. Это разрушающее воздействие можно, на наш взгляд, раскрыть, взяв за основу положения Ю. М. Лотмана. В передаче коммуникации в системе «Я – Я» при сохранении одного и того же носителя информации ранг сообщения повышается. Сообщение приобретает новый смысл благодаря добавочному второму коду и сдвигу контекста. Как полагает Ю. М. Лотман, в канале «Я – Я» происходит качественное изменение информации, что приводит к перестройке самого «Я» [14, с. 24–25]. Передавая самому себе информацию, «Я» внутренне перестраивает и свою сущность, поэтому, слыша и слушая критические замечания в свой адрес, примеряя

на себя роль брошенной Херты, героиня сама вживается в эту новую роль. Этому способствует и то, что исходный текст превращается по Ю. М. Лотману в асемантическое сообщение, в сложно построенный организатор беспорядочно возникающих ассоциаций разного уровня [14, с. 35]. Сообщение-1 не уничтожается Сообщением-2, но здесь обязательно имеет место возрастание информации, ее приращение [14, с. 42].

Ассоциативные ряды в сознании героини, погруженном в процесс интраперсонального общения, запускают воссоздание образов счастливых событий прошлого, оживление воспоминаний, которые в изменившихся условиях начинают модифицироваться. В ассоциативном ряду с солнечной февральской масленицей появляется образ соломенного чучела, которое выбрасывают в конце праздника в глубокий колодец или сжигают как символ зимы, как знак всего отжившего. Именно с этим чучелом начинает сравнивать себя обманутая героиня [1, с. 114].

Опираясь на концепцию Т. В. Чернышевой, обнаруживающей у сравнений функцию моделирования смысловой организации текста, функцию актуализации «подтекстовых смыслов» [15], мы придаем описываемому сравнению первостепенное значение в анализируемом художественном тексте (о феномене сравнения, о сравнениях со значением персонификации, о компаративных конструкциях см. также [16, 17]).

Деперсонифицированное (см. подробнее [18]) сравнение с чучелом закрепляется в сознании героини, в телефонном разговоре с мужем она чувствует, как будто чучело говорит «из нее»: «Снова этот ужасный оскорбительный тон, нет, я вовсе не хотела так разговаривать, это оно из меня говорило, соломенное чучело, такое ничтожное, такое отвратительное» [1, с. 116]. Деперсонификация поддерживается и сравнением героини самой себя с желтым цветком-хищником, заманивающим мужа в ловушку-капкан с помощью еды по рецепту тетушки Эмили из женского журнала: «Я желтый цветок со странным соцветием и длинным красным язычком, и сейчас он снова должен попасться мне на удочку, чуть-чуть закусок, тунец с горошком, будет сделано, тетушка Эмили, спасибо за прекрасный совет» [1, с. 115]. Самовосприятие и самооценивание героини под напором негативных сравнений и деперсонификации падают до критического минимума.

Деперсонификация теснейшим образом связывается в интраперсональном общении главной героини с изменением акцентов в си-

стеме личных местоимений: местоимение «она» (sie) начинает вытеснять местоимение «я» (ich), героиня ощущает себя третьей лишней в любовном треугольнике: «...и именно в эту минуту он бросил взгляд на часы и сказал: Скоро два часа, мне пора домой. Она ждет, подумала я. Она это я. Меня нельзя заставлять ждать. Меня бояться. Но это не самое главное. Самое главное здесь третье лицо. Я третье лицо, лишнее здесь, разрушитель спокойствия, “она”» [1, с. 114].

С точки зрения М. А. Корниенко, специфика внутренней речи заключается в том, что ее «держат» опорные сверхзначащие слова, которые переосмысливаются в процессе автокоммуникации [9, с. 85]. Такими словами-опорами выступают в рассказе, как мы предполагаем, именно местоимения «я» (ich) – «она» (sie), слияние которых в одной воображаемой точке обеспечивает перевоплощение героини, ее деперсонификацию, утрату собственного «я», видение себя через призму ненавидящих ее, как героине кажется, счастливых любовников. Если рассуждать с позиции, предложенной Ю. С. Степановым, т. е. расположить высказывания на оси «я»-предложения, «он»-предложения, «оно»-предложения, то можно наблюдать чисто грамматическую трансформацию: местоимение «я» как высшая ступень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка [19, с. 165], переходит в процессе внутренней речи героини в третье лицо «он(а)», которое может связываться с именем существительным любого вида и типа – личным и вещным, индивидуальным и общим, прямым и трансформированным. Субъектом «он»-предложений могут выступать по Ю. С. Степанову как названия людей, животных, так и растений, абстрактных существей [19, с. 167]. С утратой «я» стираются и индивидуальные черты героини, ее самости (см. подробнее [20, с. 106–108]), героиня меняется, воображаемый мир проникает в реальную действительность так неотвратно, что признаки воображаемого невозможно не заметить: «Все время после полудня я пыталась выбраться из мрачного колодца, к вечеру мне это почти удалось, поэтому, когда Феликс вернулся домой, я засмеялась и сказала, я так раздраженно разговаривала с тобой по телефону, голова ужасно разболелась, но, слава богу, все прошло. Точно все прошло, ответил Феликс, ты так и светишься. И тут он вдруг спросил: А это что еще, и вытянул что-то из моих волос, длинную светлую соломинку – скажите на милость, откуда она здесь взялась?» [1, с. 118].

Неслучайно рассказ заканчивается тем, что супруг героини, ничего не подозревающий о переменах, произошедших всего за один день с его женой, находит в ее волосах соломинку. Финал рассказа остается открытым, неизвестно, победит ли воображаемое, переродится ли оно, например, в психическое заболевание героини (см. также о динамическом отношении между реальностью и воображением [21, с. 113–115]) или же уступит место реальному, оставив лишь пугающие воспоминания о своем вторжении.

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренняя речь главного персонажа в коротком рассказе М. Л. Кашнитц «Соломинка», содержащая примеры деперсонификации, сравнения с неодушевленными предметами, избыливающая ассоциациями, отличающаяся транспозицией в системе личных местоимений, стимулирует сближение нереального и реального. Внутренняя речь персонажа может занимать, соответственно, промежуточную двойственную позицию между двумя мирами.

Список литературы

1. Кашнитц М. Л. Рассказы = Erzählungen. М. : Айрис-пресс, 2004. 138 с. (Немецкий клуб. Oberstufe).
2. Выготский Л. С. Мышление и речь: психологические исследования. М. : Лабиринт, 1996. 416 с.
3. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. № 4. С. 55–60.
4. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество (Избранные труды). М. : Лабиринт, 1998. 364 с.
5. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 320 с.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
7. Кольцова Е. А., Карташкова Ф. И. Функциональные особенности внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 4. С. 55–73. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04>, EDN: RZMVTZ
8. Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») // Научный диалог. 2021. № 6. С. 92–112. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-92-112>, EDN: ICDNZQ
9. Корниенко М. А. Природа и особенности внутренней речи: культурфилософский аспект // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 81–90. <https://doi.org/10.17223/22220836/31/8>, EDN: XZIOBF
10. Большая российская энциклопедия / науч.-ред. совет : Ю. С. Осипов [и др.]. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2054748> (дата обращения: 30.07.2024).
11. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб. : Паритет, 2006. 314 с.
12. Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Прометей, 2011. 180 с.
13. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. Homo tacens. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1998. 350 с.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. 464 с. (Язык. Семиотика. Культура).
15. Чернышева Т. В. Смысломоделирующие функции сравнений в рассказах Г. Д. Гребенщикова: опыт функционально-стилистической интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 30–41. <https://doi.org/10.17223/18137083/62/3>, EDN: YTJOWM
16. Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово. ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-3-7>, EDN: AUJMIL
17. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2019.1.3>, EDN: YTSCLKD
18. Косарина А. А., Федотова А. Е. Прием деперсонификации и олицетворения в произведениях англоязычных писателей конца XIX и начала XXI века на примере произведений Ч. Диккенса, Дж. Г. Балларда и Ч. де Линта // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2013. № 5 (97). С. 143–147. EDN: RCPGAJ
19. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М. : Наука, 1981. 362 с.
20. Корепина Н. А. Семантика личного местоимения первого лица // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2–1 (32–1). С. 106–110. EDN: TYCPHR
21. Янь Куань. Динамика двоemiрия в романах Г. Газданова раннего периода творчества // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 2. С. 109–116. EDN: RDTGKW

Поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 16.10.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 142–150

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 142–150

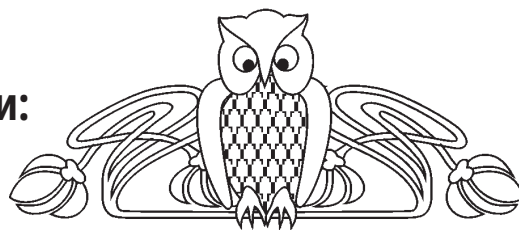
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-142-150>, EDN: EAEZVV

Научная статья

УДК 811.111'27'37'38

Отказ в англоязычной коммуникации: тактики защиты приватности

Е. М. Дубровченко

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21

Дубровченко Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи, dubrovchenko@tut.by, <https://orcid.org/0009-0006-0981-7801>

Аннотация. Статья посвящена анализу отказа в англоязычном общении с позиций прагмалингвистики. Во введении обоснована актуальность выбранной темы, указаны материал, методы и выдвинута гипотеза. Объектом исследования являются высказывания со значением отказа, которые выступают в функции защиты приватного пространства. Цель работы состоит в выявлении коммуникативных тактик отказа, обеспечивающих защиту приватного пространства, и языковых средств их реализации. Научная новизна работы заключена в рассмотрении отказа как способа защиты приватности и уточнении особенностей его функционирования в англоязычном общении. В основной части работы предложен обзор работ по теме исследования, определяются основополагающие термины: «коммуникативная дистанция», «приватность», «коммуникативная тактика», «отказ». Описаны типы отказа, основные характеристики и коммуникативные ситуации, в которых реализуется отказ. В результате исследования разработана типология прагмалингвистических пар, в которых функционирует отказ с целью защиты приватности: предложение – отказ, приглашение – отказ, просьба – отказ, совет – отказ, запрос информации – отказ. Выделены основные тактики отказа, характерные для каждой выделенной прагмалингвистической пары. Выявлены языковые средства, реализующие указанные тактики отказа. Сделан вывод, что отказ позволяет регулировать уровень доступа к приватной информации и устанавливать границы в общении. В заключении подведены итоги, отмечена роль отказа в англоязычном общении и намечена перспектива дальнейшего исследования. Область применения полученных результатов исследования: курс лекций по общему языкознанию, спецкурсы по прагмалингвистике, спецкурсы по анализу дискурса и интерпретации текста, а также практический курс английского языка как иностранного.

Ключевые слова: прагмалингвистика, приватность, отказ, речевой акт, дружеская дистанция, социальная дистанция, коммуникативная тактика, коммуникативная ситуация

Для цитирования: Дубровченко Е. М. Отказ в англоязычной коммуникации: тактики защиты приватности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-142-150>, EDN: EAEZVV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Refusal in English communication: Tactics of privacy protection

E. M. Dubrovchenko

Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova St., Minsk 220034, Belarus

Elena M. Dubrovchenko, dubrovchenko@tut.by, <https://orcid.org/0009-0006-0981-7801>

Abstract. The article deals with the refusal in English communication from the perspective of pragmalinguistics. In the introduction the author justifies the relevance of the chosen topic, indicates the material and methods and formulates a hypothesis. The object of study is utterances conveying refusal which function as a means of protecting private space. The aim of the research is to reveal the communicative tactics of refusal which provide the protection of private space as well as the linguistic means of their implementation. The scientific novelty of the work lies in the analysis of refusal as a means of privacy protection and specification of its functioning in English communication. In the main part of the article a review of existing research on the topic is given and the key terms of the research such as “communicative distance”, “privacy”, “communicative tactics”, and “refusal” are defined. The author describes types of refusal, the main characteristics and communicative situations in which refusal is realized. As the result of the research, a typology of pragmalinguistic pairs has been developed: offer – refusal, invitation – refusal, request – refusal, advice – refusal, information request – refusal. The main tactics of refusal which are common for each pragmalinguistic pair were identified. Language means implementing these refusal tactics were revealed. The author concludes that refusal allows to regulate access to private information and set boundaries in communication. The conclusion summarizes

the findings, highlights the role of refusal in English communication, and suggests perspectives for further research. The application of the research results includes lectures on general linguistics, specialized courses on pragmalinguistics, specialized courses on discourse analysis and text interpretation, as well as practical courses of English as a foreign language.

Keywords: pragmalinguistics, privacy, refusal, speech act, friendly distance, social distance, communicative tactic, communicative situation

For citation: Dubrovchenko E. M. Refusal in English communication: Tactics of privacy protection. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-142-150>, EDN: EAEZVV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность работы обусловлена интересом лингвистов к проблемам речевого взаимодействия, значимостью коммуникативной дистанции в общении, потребностью обозначения личного пространства в коммуникативном процессе и необходимостью раскрытия роли отказа в обеспечении приватности. Цель данного исследования состоит в анализе реплик, представляющих собой отказ, а также в выявлении языковых средств защиты личного пространства в англоязычной разговорной речи.

В качестве материала исследования были взяты тексты англоязычных художественных произведений, опубликованных с 1977 по 2020 г., и фрагменты видеофильмов, вышедших с 1985 по 2021 г. Единицей исследования является диалогическое единство, которое включает иницилирующую реплику, выступающую в роли стимула к отказу, и ответную реплику, представляющую собой отказ. В ходе исследования было проанализировано 280 диалогических единств. В работе используется следующий комплекс методов: 1) метод наблюдения; 2) дефиниционный анализ; 3) метод дискурсивного анализа речи; 4) метод интроспекции.

Объектом исследования являются высказывания со значением отказа, употребляемые в функции защиты приватного пространства. Гипотеза предпринятого исследования состоит в том, что отказ может выступать в качестве одного из способов защиты личного пространства, позволяющего ограничивать доступ к личной информации и обозначать границы в общении.

Обзор литературы

Одним из ключевых понятий данного исследования является понятие коммуникативной дистанции. Мы опираемся на типологию дистанций, предложенную американским антропологом Э. Холлом. Ученый выделил четыре дистанции: интимную, дружескую, социальную и публичную. Выделенные дистанции характе-

ризуют социальную интеракцию, каждая из них имеет близкую и дальнюю фазы [1, р. 116–125]. Коммуникативная дистанция – «область пересечения физического, социального и психологического пространства» [2, с. 70]. Физическое пространство – это расстояние между коммуникантами в определенной ситуации общения. Социальное пространство задается социальным статусом и ситуативными ролями говорящих. Психологическое пространство характеризуется межличностными отношениями и степенью психологической близости. Нам представляется, что противоположные точки коммуникативной дистанции располагаются в сфере публичности и сфере приватности. Публичная сфера открыта для взаимодействия с другими людьми, приватная сфера является закрытой, доступ в нее ограничен. Под приватностью мы понимаем «осознание человеком своей личной сферы» [3, с. 91]. Приватная сфера включает в себя не только определенную территорию, которую коммуникант считает своей, но и информацию о своем настроении, здоровье, интересах, чувствах, отношениях, мнениях, работе [4, с. 352]. В нашем исследовании анализируются высказывания со значением отказа в англоязычном общении на дружеской дистанции (между людьми, хорошо знающими друг друга) и на социальной (между малознакомыми людьми, которые являются представителями определенных институтов).

Коммуниканты могут изменять коммуникативную дистанцию в зависимости от типа дискурса, коммуникативных ролей, социальных статусов участников общения и отношений с собеседником, а также содержания передаваемой информации. Когда в приватную сферу вторгаются против воли человека, естественной реакцией является попытка эту сферу защитить. Одним из способов защиты приватного пространства является отказ.

В толковых словарях отказ трактуется, как производное от глагола *отказать* [5, с. 51; 6, с. 462]. Толкование 1, «отвергать просьбу, не соглашаться, не хотеть или не мочь исполнить что-то желание, не уступать» [5, с. 51], сформу-

лированное В. Далем, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что отказ зависит как от субъективных, так и объективных причин. Субъективные причины включают намерение или желание коммуниканта выполнить какое-то предписывающее действие. Объективные причины представлены внешними обстоятельствами, которые не зависят от воли человека и препятствуют выполнению предписывающего действия.

Современные исследования подтверждают актуальность лингвистического описания отказа в речевом взаимодействии. В. М. Боброва и Т. И. Стеклова рассматривают отказ как жанр негативной реакции [7, 8]. О. В. Бычихина анализирует особенности жанра отказа с позиций прагматики [9, 10]. С. О. Симонова исследует выражение косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе [11]. Я. В. Боргер, Н. Б. Ершова и И. Б. Бирюк рассматривают речевой акт отказа как один из видов речевых актов негативной реакции [12–14]. Т. В. Нестерова характеризует интенции отказа в обиходном общении [15]. О. В. Зуга выявляет особенности реализации речевого акта отказа в конфликтном тексте [16]. М. А. Пашенко сосредоточивает внимание на стратегическом аспекте данного речевого акта [17]. Изучение речевого акта в сопоставительном аспекте проводят А. В. Литвинова [18] и Т. В. Сорокина [19].

В лингвистике отказ понимается практически однозначно. О. В. Бычихина определяет отказ как «речевой жанр реактивного регистра речи, имеющий по преимуществу диалогическую природу, функционирующий в условиях непосредственного речевого общения в качестве первичного речевого жанра, вызываемый по преимуществу репликами директивного или комиссивного типа, способный выступать в качестве элементарного речевого жанра или осложненного другими высказываниями» [10, с. 8]. Т. В. Нестерова дает следующие дефиниции отказу: «1) речевое действие, которое содержит негативную реакцию (несогласие, отрицание) на просьбу, требование, приказ, флирт, предложение (в том числе предложение “руки и сердца”), совет (непрошенный); 2) речевое действие, при котором говорящий субъект заявляет о своем отказе от услуг других лиц, от самих лиц, а также от каких-либо замыслов, намерений; от дальнейшего совершения действий, поступков; от каких-либо предметов; от своих слов, ранее рассматривавшихся им как приемлемые, а в на-

стоящий момент – нет» [15, с. 59]. Таким образом, отказ представляет собой вербальную негативную реакцию на директивные или комиссивные высказывания.

Отказ представляет собой нежелательное и неприятное для адресата действие. Сглаживание неловкой ситуации, вызванной отказом, осуществляется с помощью вежливости. Выбор и количество вежливых слов зависят от социальных характеристик коммуниканта: «...чем выше социальные признаки адресата и чем более он “чужой”, тем больше вежливости потребно в соответствующих дискурсивных действиях отказа» [20, с. 163].

По способу сообщения информации отказ может быть прямым и косвенным. Прямой отказ, т.е. недвусмысленное выражение нежелания говорить на какую-то тему или совершать какое-то действие, нарушает Принцип Вежливости Дж. Лича [21], а следовательно, может вызывать неприятные эмоции. Косвенный речевой акт предполагает расхождение в том, что говорится, с тем, что имеется в виду, т.е. «буквальное значение предложения и смысл, подразумеваемый данным говорящим в данной ситуации, расходятся» [22, с. 107]. Смысл или иллокутивная сила косвенных речевых актов «выводится адресатом по правилам имплицатур» [23, с. 29]. Косвенный речевой акт отказа используется с целью избежать ссоры в коммуникации и не обидеть собеседника.

По критерию категоричности отказ может быть категоричным и некатегоричным. Категоричный отказ не допускает возражений. Для снижения категоричности при отказе используется мотив отказа [24, с. 209].

В зависимости от способа передачи смысловых значений выделяют эксплицитный и имплицитный отказ. «Эксплицитно выраженная негация в речевых актах вытекает из буквального содержания высказывания, при этом намерение коммуниканта представлено явно и недвусмысленно» [14, с. 113]. Имплицитный отказ позволяет адресату самостоятельно определить истинное коммуникативное намерение адресанта и, таким образом, снимает ответственность говорящего за его слова.

О. В. Бычихина выделяет следующие типы высказываний со значением отказа: а) *прямой / косвенный* отказ; б) отказ *на реальную / прогнозируемую реплику*, в) отказ *себе / другим*; г) *коммуникативно оправданный / коммуникативно неоправданный* отказ; д) *категоричный / некатегоричный* отказ; е) *полный / частичный*

отказ; ж) *мотивированный / немотивированный* отказ. Исследователь утверждает, что эти типы пересекаются, и поэтому «одно и то же высказывание может быть охарактеризовано по нескольким параметрам» [10, с. 6].

В зависимости от типа инициальной реплики речевые акты отказа можно разделить на следующие группы: отказ как реакция на приказ или требование; отказ как реакция на просьбу; отказ как реакция на предложение [12, с. 14]. Т. И. Стексова подчеркивает, что в стандартных коммуникативных ситуациях отказ не может выступать в качестве реакции на приказ, поскольку человек, выражающий приказ, обладает определенными полномочиями, и отношения между адресантом и адресатом являются асимметричными [8, с. 223]. Анализируя манипулятивные речевые акты отказа, Т. В. Нестерова выделяет следующие прагматические пары, в которых функционирует отказ: просьба – манипулятивный отказ, требование – манипулятивный отказ, предложение – манипулятивный отказ, флирт – манипулятивный отказ и др. Автор отмечает, что отказ может сопровождаться невербальными средствами, такими как интонация, жест, мимика и др. [15, с. 59].

Спектр тактик отказа широк и зависит от многих факторов. Под речевой тактикой, вслед за О. С. Иссерс, мы понимаем «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [25, с. 111].

Результаты исследования

В данном исследовании мы рассмотрели 280 ситуаций, в которых отказ служит способом защиты приватного пространства, и выделили следующие прагматические пары: *предложение – отказ, приглашение – отказ, просьба – отказ, совет – отказ, запрос информации – отказ*.

Рассмотрим тактики защиты приватного пространства в каждой из выделенных пар.

Предложение – отказ

Отказ от предложения может реализовываться при помощи тактики указания на свои чувства и ожидания.

Babysitter (Vicky): I don't wanna say that I was triggered by your daughter, but I'm uncomfortable. Boundaries are important to me, especially in a work situation.

Professor Kim: Yes, of course.

Babysitter: Clearly, there are no boundaries in this house.

Professor Kim: Oh. Please. No, Vicky. We totally have boundaries (The Chair).

Причиной отказа становится ощущение дискомфорта на рабочем месте. Няня прямо заявляет об этом профессору Ким и подчеркивает, что для нее важно соблюдение границ приватного пространства, а в доме профессора Ким данное условие не выполняется.

Следующими тактиками защиты приватного пространства выступают ссылки на физическое состояние и нагрузку на работе, а также ссылка на неподходящее время.

"You really aren't going to agree to this, are you? Not now, and not ever." Emily intertwined her fingers and appeared to be exerting intense effort to keep her hands on the lap. She had the wiry anticipation of a tiger about to spring.

<...> "It's just more than I can handle right now, Em. I know you can understand that. I'm trying to stay on top of everything at work, I lost weeks and weeks to puking and exhaustion, and this baby is coming like a freight train in just a few more months. I have so much to do to get ready. It would be a lousy time to sell to anyone, much less to her..."

"So, no. You're saying no, right?" Emily's devastation was palpable.

<...> but because she was Andy and she hated conflict, despised disappointing people, she said, "I'm not saying no forever, just no for right now."

A glimmer of hope flashed across Emily's face (Weisberger L. Revenge Wears Prada: The Devil Returns).

Участники коммуникативной ситуации – девушки приблизительно одного возраста и одного социального статуса: подруги и соучредители. Смысл отказа Энди продать компанию может быть извлечен из аргументов большой занятости и плохого самочувствия, а также при помощи темпоральных маркеров.

Для обоснования отказа участники коммуникации могут ссылаться на объективные условия или правила, которые необходимо соблюдать. Таким образом, они снимают с себя вину за отказ, поскольку не могут принять предложение по не зависящим от них причинам.

This time Olive's phone rang. "Hello? Oh, hi, sweetie." She continued to nod and murmur and at one point she giggled like a teenager. "Don't be naughty, Clint! I'm here with a reporter. No, you can't. It's a girl's day! Okay. Love you too" (Weisberger L. Revenge Wears Prada: The Devil Returns).

Оливия категорично отказывается от предложения своего жениха приехать, указывая

на то, что присутствие мужчин противоречит условиям мероприятия, а для смягчения отказа она использует апелляцию к чувствам.

Приглашение – отказ

В большинстве проанализированных примеров отказ от приглашения выражается посредством ссылки на имеющиеся планы.

“Oh, come with me, please? It’ll be so fun, I promise. I’ll introduce you to some real hotties, Andy, you’ll see. <...> Besides, it’s Marshall’s party – it’s got to be great,” James crooned, leaning against my desk as I checked my e-mail. <...>

“I would, you know I would, but I’ve had these plans with my boyfriend tonight since before Christmas,” I said. “We’ve been planning on going out to a really nice dinner together for weeks, and I canceled on him last time.”

“So see him after! Come on, it’s not every day you get the chance to meet the single most talented colorist in the civilized world, is it? <...> for chris-sake – you can’t beat that. Say yes.” He squinted his face into exaggerated puppy eyes, and I had to laugh.

“James, I’d really, really like to – I’ve never even been to the Plaza. But I really can’t change these plans. Alex made reservations at this little Italian place right by his apartment and there’s no way I can reschedule” (Weisberger L. The Devil Wears Prada).

Диалог происходит между коллегами, они общаются на сокращенной коммуникативной дистанции и обращаются друг к другу по имени. Отказ Энди некатегоричный, она не использует «нет» и пытается смягчить отказ, ссылаясь на планы, которые не может изменить. Говоря о планах, Энди пытается быть искренней и сообщает, какие именно это планы. Несмотря на желание пойти на вечеринку, где будут присутствовать известные люди, Энди ставит свои отношения с молодым человеком в приоритет.

Распространенной тактикой отказа с целью защитить свое приватное пространство является указание на свои чувства, желания и потребности.

“Where are you staying – Nick and Ilse’s?”

“No. I’ve got a little place in Hammersmith” (the first place that occurred to him, associated, now, with homelessness). “Bedsit.”

“Oh Stick...come and stay with us!”

He had a fleeting vision of the all-blue spare room, and Greg’s forced smile.

“Luce, I’m happy where I am. I just want to get on with work and be on my own for a bit” (Galbraith R. The Cuckoo’s Calling).

В данном примере разговор происходит между братом и сестрой. Страйк прибегает к имплицитному отказу (*Luce, I’m happy where I am*), а также прямо сообщает о своих желаниях. Данные тактики позволяют отказаться от приглашения без использования «нет», что способствует сохранению отношений и не вызывает у сестры чувства обиды.

В официальном общении отказ от приглашения сопровождается извинением.

“Miranda kindly requests your presence at a dinner party this Friday evening.” <...> “Great, well then it’s settled. Cocktails at seven, dinner at eight.”

Andy opened her mouth to respond, but no words came out. After what felt like an eternity of silence, Andy said, “I’m sorry, I won’t be able to make it this Friday” (Weisberger L. Revenge Wears Prada: The Devil Returns).

В данной ситуации Энди приходится отказаться человеку более высокого статуса, поэтому она приносит свои извинения. Энди не принимает приглашение, поскольку чувствует себя некомфортно в присутствии Миранды, для нее более значимым является ощущение спокойствия.

В ситуациях разностатусного общения коммуникант с более высоким статусом может дать категоричный отказ.

Gabriel Gibbins: Can we talk?

*Professor Kieting: **There’s nothing we can talk about** (How to Get Away with Murder).*

Данный пример иллюстрирует категоричный отказ без объяснения причин. Аннализа Китинг – профессор, Габриэль Гиббинс – студент, сын ее покойного мужа. Профессор Китинг недвусмысленно дает понять, что она не только сейчас не хочет разговаривать с Габриэлем, а вообще исключает возможность общения с ним, заявляя об отсутствии общих тем для обсуждения. Категоричный отказ позволяет ей защитить приватное пространство и оградить себя от неприятных разговоров и объяснений.

Просьба – отказ

Отвечая отказом на просьбу, участники общения могут использовать тактику обобщения.

Marty: What are you writing?

George: Stories. Science fiction stories about visitors...coming down to Earth from other planets.

Marty: Get out of town! I didn’t know you did anything creative. Let me read some! [Протягиваем руку и берем страницы]

George: No, no. I never let anyone read my stories.

Marty: Why not?

George: What if they didn't like them? What if they told I was no good? I guess it would be pretty hard for somebody to understand (Back to the Future).

Участники анализируемой коммуникативной ситуации приблизительно одного возраста, а также одного пола и статуса. Марти очень удивлен тем, что Джордж пишет рассказы, и выражает желание прочитать их, однако Джордж не позволяет и забирает страницы. Джордж прибегает к обобщению, чтобы не обидеть собеседника своим отказом, и поясняет, что никому не разрешает их читать. Для большей убедительности Джордж придумывает разные причины отказа: ссылается на то, что рассказы могут не понравиться (*What if they didn't like them?*), боится критики (*What if they told I was no good?*), говорит, что они слишком сложны для понимания (*I guess it would be pretty hard for somebody to understand*). В итоге он добивается своего: защищает свое приватное пространство, и результаты его творчества остаются при нем.

В ситуациях официального общения коммуниканты используют тактику указания на невозможность выполнения просьбы и тактику извинения, которая позволяет сделать отказ менее категоричным.

He turned it over in his hand. "The crystal is dilithium. It's very rare. See these notches here? They suggest that this fits into a larger unit. The metal itself is ... My God, I've never seen anything like it!" His voice was charged with excitement. "Can you let me have this for a few days? I would like to do some spectrographic studies on it."

"I'm afraid that's impossible," Robert said.

"But ..."

"Sorry." Robert took back the piece of metal (Sheldon S. The Doomsday Conspiracy).

В приведенном примере Роберт, агент СБР, отказывает профессору и не отдает ему необычный металл для исследования. Для смягчения отказа он использует *I'm afraid* и приносит свои извинения. Его реплики краткие, четкие, исключая двусмысленность.

Совет – отказ

Совет предполагает следование линии поведения, которую говорящий считает правильной в определенной ситуации и которая может не соответствовать желанию, настроению или возможностям адресата. Отказываясь от совета, адресат защищает свое приватное пространство, оставляя право на выбор за собой.

Одной из тактик отказа следовать совету является указание на отсутствие необходимости.

"Oh, I see. You're a bit—you look a bit pale. You don't think you could have done something serious, do you? I could get a cab—maybe you should see a doctor."

"No need for that. Have we still got any of those painkillers lying around?" (Galbraith R. The Cuckoo's Calling).

Адресат считает свое физическое состояние вполне удовлетворительным и уверен, что сам справится с возникшей проблемой.

В качестве тактики защиты приватности может выступать ссылка на объективные обстоятельства, препятствующие следованию совета.

At breakfast Walther said, "I think we should take a vacation. It will be good for us to get away."

"But, Walther, the children are too young to travel."

"I'm talking about the two of us."

She shook her head. "I couldn't leave them" (Sheldon S. The Bloodline).

В приведенном примере адресат не может последовать совету, поскольку дети очень маленькие и нуждаются в материнской заботе. Женщина понимает, что не сможет чувствовать себя спокойной и отдыхать, не зная, как будут заботиться о ее детях в ее отсутствие.

Заслуживает внимания тактика встречного вопроса.

ALEC: I think you should sell but I have an ax to grind.

WALTHER: Why bother yourself with this? You can go off anywhere you like and enjoy your money (Sheldon S. The Bloodline).

В данной ситуации, выслушав совет, собеседник задает встречный вопрос и предлагает ответный совет. Т. В. Нестерова отмечает, что встречный вопрос является вторжением в зону приватности собеседника [15, с. 61].

Отвечая на совет отказом, коммуниканты часто прибегают к сарказму.

"You shouldn't be calling me."

She laughed. "You never used to worry about things like that. Don't tell me that Elizabeth has tamed you already" (Sheldon S. The Bloodline).

Хелена отвечает колким замечанием на совет Риса, намекая на отрицательное влияние Элизабет на его поведение. И. Б. Бирюк отмечает, что «отказ на совет практически не предусматривает употребление речевых формул извинения, сожаления, благодарности и т.д.» [14, с. 114].

Запрос информации – отказ

Отказ отвечать на вопросы личного характера во многих ситуациях выражается прямо.

Mr. Trask: Now, can you tell me who did it?

Charlie Simms: **No, sir, I can't** (Scent of a Woman).

В данном примере Чарльз отказывается отвечать директору, защищая своих одноклассников и скрывая информацию об их поступке. Для смягчения отказа он использует вежливое обращение *sir* и модальный глагол (*can't*).

Распространенным ответом на запрос информации личного характера является краткий ответ "*Nothing*".

George Wills, Jr: What did he say?

Charlie Simms: **Nothing** (Scent of a Woman).

Такой ответ свидетельствует о том, что Чарльз не хочет рассказывать Джорджу о содержании своего разговора с директором.

Еще одним типичным прямым ответом на личный или «неудобный» вопрос является фраза "*It's none of your business*", которая позволяет коммуниканту обозначить границы своего личного пространства.

"You and Cullen, huh?" You and the freak. I guess, if a rich guy is that important to you...<...>

"**That's none of your business, Mike.**"

Defensive. So it's true. Crap. "I don't like it."

"You don't have to," she snapped (Meyer S. Midnight Sun).

Белла прерывает обидные комментарии Майка относительно своих личных взаимоотношений, ее ответ звучит резко и указывает на бестактность заданного вопроса и последующего комментария.

В ряде ситуаций, несмотря на то, что неуместный вопрос ставит адресата в неловкое положение и вызывает неприятные эмоции, он пытается вежливо отказать в предоставлении запрашиваемой информации.

Professor Schmidt took the object in his hand, and as he examined it, his expression changed. "Where ... where did you get this?"

"**I'm afraid I can't say.** Do you know what it is?" (Sheldon S. The Doomsday Conspiracy).

Употребление фразы (*I'm afraid*) указывает на то, что далее будет сказано что-то неприятное для собеседника. Роберт считает, что не может делиться секретной информацией, касающейся расследования, и отказывает профессору.

Во многих коммуникативных ситуациях собеседник уходит от ответа на поставленный вопрос.

"Yes, but this article is due on Friday and I haven't even begun editing it yet!" <...>

"Will you tell me what it's about?"

"Saturday," she said, halfway out of the lounge. "**I'll bore you with all the details then**" (Weisberger L. Revenge Wears Prada: The Devil Returns).

В данном примере отказ сопровождается обещанием, что позволяет сгладить неприятную ситуацию.

Следует отметить, что объем статьи не позволяет проанализировать все тактики защиты приватного пространства при помощи отказа, поэтому список тактик открыт для дополнения.

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие языковые средства, реализующие рассмотренные тактики отказа:

- отрицательная частица – *not*;
- отрицательные местоимения – *no, nobody, no one, nothing, none, neither*;
- указательные местоимения – *this, that, these, those*;
- существительные с семантикой места – *boundaries, place, office, home, house, apartment*;
- существительные с семантикой времени – *time, moment, tonight, Friday, Saturday, week, month*;
- существительные, обозначающие планы и необходимость, – *plans, reservations, need*;
- существительные, обозначающие коммуникативную ситуацию, – *situation, mess*;
- глаголы, обозначающие предпочтения, – *fancy, like, love, enjoy, prefer, want*;
- глаголы, обозначающие переживания, – *bother, worry*;
- глаголы, обозначающие управление ситуацией, – *handle, try, reschedule, change, let, stop*;
- глаголы, обозначающие умственную деятельность, – *know, understand, guess*;
- глаголы, описывающие речевое поведение, – *talk, discuss, ask*;
- модальные глаголы и их эквиваленты – *can, could, be able to, should, have to*;
- прилагательные, описывающие чувства и физические состояния, – *comfortable, uncomfortable, happy, unhappy, sad, triggered, tired*;
- прилагательные, описывающие поведение собеседника, – *naughty, nosy*;
- наречия-интенсификаторы – *really, very, extremely, highly, incredibly, very much, immensely, clearly, especially*;
- наречия частотности – *never, ever, forever*;
- наречия времени – *right now, already*;
- устойчивые выражения – *on one's own, ill at ease, stay on top*;
- речевые формулы сожаления – *I'm sorry but..., I'm afraid ..., unfortunately*;
- маркер вежливости – *please*.

Заключение

Отказ является важным коммуникативным средством, позволяющим защищать свое личное пространство или личное пространство третьих лиц. Отказ представляет собой вербальную негативную реакцию на директивные или комиссивные высказывания. Он позволяет регулировать уровень доступа к личной информации и устанавливать границы в общении, защищать право на выбор друзей, рода занятий, места жительства, право на свое мнение или отношение к чему-либо.

Отказ с целью защиты личного пространства реализуется в следующих прагматических парах: предложение – отказ, приглашение – отказ, просьба – отказ, совет – отказ, запрос информации – отказ.

Отказ от предложений выражается при помощи следующих тактик: указания на свои чувства и ожидания, ссылки на физическое состояние, ссылки на нагрузку на работе, ссылки на неподходящее время, ссылки на объективные условия или правила, которые необходимо соблюдать.

Отказ от приглашения реализуется посредством ссылки на имеющиеся планы, указания на свои чувства, желания и потребности, тактики извинения, указания на отсутствие общих тем разговора.

Ответ отказом на просьбу выражается при помощи тактики обобщения, указания на невозможность выполнения просьбы и тактики извинения.

Отказ следовать совету вербализуется такими тактиками, как указание на отсутствие необходимости, ссылка на объективные обстоятельства, препятствующие следованию совета, встречный вопрос, сарказм.

Отказ отвечать на вопросы личного характера во многих ситуациях выражается прямо, а также при помощи ухода от ответа и тактики обещания.

Анализ диалогических единств позволил установить, что в английском языке наряду с основными средствами выражения отказа *no* и *not* широко используются следующие языковые средства: отрицательные местоимения (*nothing, none, etc.*); указательные местоимения (*this, that, etc.*); существительные, обозначающие границы, место и время (*boundaries, place, Friday, etc.*); существительные, обозначающие планы и коммуникативную ситуацию (*reservations,*

mess, etc.); глаголы, выражающие предпочтения (*want, love, etc.*) и переживания (*bother, worry*); глаголы, обозначающие управление ситуацией (*reschedule, change, etc.*) и умственную деятельность (*understand, guess, etc.*); глаголы, описывающие речевое поведение (*discuss, ask, etc.*); модальные глаголы и их эквиваленты с отрицательной частицей (*can't, couldn't, be able to*); прилагательные, описывающие чувства и физическое состояние (*uncomfortable, tired, etc.*), а также коммуникативное поведение (*naughty, nosy*); наречия-интенсификаторы (*really, highly, etc.*), наречия частотности (*never, ever, etc.*) и времени (*right now, already*); устойчивые выражения (*on one's own, etc.*); речевые формулы сожаления (*I'm sorry but..., I'm afraid..., etc.*), а также маркер вежливости (*please*).

Полученные результаты предлагают новый взгляд на прагматические аспекты диалогического взаимодействия и обогащают понимание тактик обеспечения приватности в англоязычном речевом взаимодействии. Перспектива исследования состоит в изучении коммуникативных тактик отказа на материале русского языка и установлении культурных различий в восприятии личной сферы.

Список литературы

1. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York : Anchor, 1969. 217 p.
2. Дубровченко Е. М. Трансформация коммуникативной дистанции в приватном общении // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2021. № 9 (455), вып. 126. С. 69–76. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10910>
3. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабова Я. В. Иная ментальность. М. : Гнозис, 2005. 352 с. EDN: UGQAOX
4. Основы теории коммуникации : учебник / под ред. М. А. Василика. М. : Гардарики, 2003. 615 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 12 т. Т. 8. М. : Мир книги, 2003. 416 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
7. Боброва В. М. Отказ и возражение как жанры негативной реакции // Семантические и прагматические аспекты высказывания : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. И. Стексова. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ин-т, 1991. С. 61–65.
8. Стексова Т. И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18, вып. 3 (39). С. 219–228. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSCX

9. Бычихина О. В. Функционирование речевого жанра отказа в процессе автокоммуникации // Речеведение в теоретическом и прикладном аспекте : тезисы респ. конф. / отв. ред. Е. В. Скворецкая. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 1998. С. 7–10.
10. Бычихина О. В. Высказывание со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 21 с. EDN: ZMUOOT
11. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с. EDN: QHJGND
12. Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 22 с. EDN: ZMTPRL
13. Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5–6 (27–28). С. 296–299. EDN: OJLHET
14. Бирюк И. Б., Потёмкин А. Н. Прагматический анализ речевых актов негативной реакции // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2018. № 2 (52). С. 112–116. EDN: UXAOKS
15. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2010. № 2 (219). С. 57–65. EDN: MVQGQN
16. Зуга О. В. Особенности реализации речевого акта отказа в конфликтном тексте // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 182–188. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-23>, EDN: TBBZUR
17. Пащенко М. А. Стратегический аспект коммуникативного акта отказа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 21 с. EDN: QIGZDL
18. Litviniva A V. Differences in the implementation of refusal speech act in American and Russian communicative cultures // Issues of Applied Linguistics. 2021. Iss. 43. P. 37–61. <https://doi.org/10.25076/vp.1.4.3.02>
19. Сорокина Т. В. Статусная дистанция в отказе: вежливые отказы в русском и новогреческом языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 49–54. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2024.1075>, EDN: UZEMUT
20. Формановская Н. И. В последнее время... : юбилейный сб. ст. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2012. 280 с.
21. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London, NY : Longman, 1983. 250 p.
22. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
23. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е. В. Падучевой. М. : Прогресс, 1985. С. 3–42.
24. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с. EDN: QODCTF
25. Иссерс О. В. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с. EDN: UFGTFJ

Поступила в редакцию 30.07.2024; одобрена после рецензирования 28.09.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 30.07.2024; approved after reviewing 28.09.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 151–158

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 151–158

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-151-158>, EDN: GFAEMF

Научная статья

УДК [659.1:61]:811.161.1'38

Речевое воздействие на адресата в медицинской рекламе (на примере рекламы вакцины против COVID-19)

Кан Кумсук

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105, корп. 42

Кан Кумсук, аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся, kangks0831@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4680-3469>

Аннотация. В статье проводится анализ особенностей медицинской рекламы как источника речевого воздействия на адресата в медицинской рекламе на примере рекламы вакцины против COVID-19. Материалом послужили креолизованные рекламные тексты (всего проанализировано более 50 примеров), относящиеся к тематике коронавируса, извлеченные из открытых ресурсов сети Интернет за период пандемии, а также данные свободного ассоциативного эксперимента (60 анкет респондентов в возрасте от 18 до 22 лет). В исследовании применялись прием сплошной выборки, описательный метод с элементами интерпретационного анализа, метод ассоциативного эксперимента. Отмечается, что наиболее характерные для текстов медицинской рекламы следующие образы и сценарии: акцент на сохранении собственной жизни и здоровья и здоровья близких; акцент на повышенном риске для старшего поколения; акцент на коллективной ответственности; акцент на помощи врачам; апеллирование к авторитетам (публичным личностям); акцент на добровольном принятии решения; акцент на положительном имидже вакцины. Выявлено, что представленные креолизованные тексты медицинской рекламы содержат вербальный и невербальный компоненты, позволяющие не только привлечь внимание целевой аудитории, но и сформировать комплекс знаний и представлений о самом заболевании и о необходимости вакцинации. Подчеркивается, что апеллирование к ключевым характеристикам, типичным для русского национального сознания (ответственности, гуманизму, желанию помочь), использование образов врачей и публичных личностей, подчеркнутый характер добровольности вакцинации стали основой успешной рекламной кампании, реализованной в Российской Федерации во время сложных периодов распространения эпидемии. Доказывается, что использование в рекламе известных лозунгов и ярких изображений служит действенным инструментом привлечения внимания целевой аудитории к проблемам здравоохранения, значимым для каждого члена общества. Результаты работы могут представлять интерес для преподавателей, обучающихся, а также для всех интересующихся креолизованным текстом и медицинским рекламным текстом.

Ключевые слова: гипотеза адресата, медицинская реклама, медицинский дискурс, креолизованный текст, вербальный текст, невербальный текст, вакцинация, COVID-19

Для цитирования: Кан Кумсук. Речевое воздействие на адресата в медицинской рекламе (на примере рекламы вакцины против COVID-19) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 151–158. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-151-158>, EDN: GFAEMF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech influence on the addressee in medical advertising (on the example of an advertisement of a vaccine against COVID-19)

Kang Kumsuk

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Kang Kumsuk, kangks0831@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4680-3469>

Abstract. The article analyzes the features of medical advertising as a source of speech influence on the addressee in medical advertising using the example of an advertisement of a vaccine against COVID-19. The material consisted of creolized advertising texts (in total more than 50 examples were analyzed) related to the topic of coronavirus, obtained from open Internet sources during the pandemic, as well as data from a free associative experiment (60 questionnaires of respondents aged 18 to 22 years). The study used a continuous sampling technique, a descriptive method with elements of interpretive analysis, and the method of associative experiment. It is noted that the following images and scenarios are most characteristic of medical advertising texts: emphasis on preserving one's own life and health and the health of loved ones; emphasis on increased risk for the older generation; emphasis on collective responsibility; emphasis on helping doctors; appealing to authorities (public figures); emphasis on voluntary decision making; emphasis on the positive image of the vaccine. It was revealed that the creolized texts of medi-

cal advertising contain verbal and non-verbal components that allow not only to attract the attention of the target audience, but also to form a complex of knowledge and ideas about the disease itself and the need for vaccination. It is emphasized that appealing to key characteristics typical of the Russian national consciousness (responsibility, humanism, desire to help), the use of images of doctors and public figures, and the emphasis on the voluntary nature of vaccination became the basis of a successful advertising campaign implemented in the Russian Federation during difficult periods of the spread of the epidemic. It is proved that the use of well-known slogans and bright images in advertising serves as an effective tool for attracting the attention of the target audience to health problems that are significant for every society member. The results of the work may be of interest to teachers, students, as well as to anyone interested in creolized text and medical advertising text.

Keywords: addressee hypothesis, medical advertising, medical discourse, creolized text, verbal text, non-verbal text, vaccination, COVID-19

For citation: Kang Kumsuk. Speech influence on the addressee in medical advertising (on the example of an advertisement of a vaccine against COVID-19). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 151–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-151-158>, EDN: GFAEMF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные реалии обусловили повышенный интерес к медицинскому дискурсу вообще и медицинской рекламе в частности. Желание каждого отдельного человека и общества в целом сохранить здоровье и жизнь в эпоху эпидемий, катаклизмов и военных конфликтов определило значимость развития медицины и отражения ее новых возможностей в современном медиаполе. Широкий спрос, породивший массовое предложение, стал причиной распространения медицинской рекламы, направленной на конкретную целевую аудиторию: потребителей товаров и услуг медицинской направленности.

Целью статьи является установление особенностей медицинской рекламы как источника речевого воздействия на массового адресата на примере рекламы вакцины против COVID-19.

Кроме целевой аудитории существует несколько направлений рекламы медицинских услуг: реклама здоровья и красоты; реклама медицинских услуг и профессионализма врачей, предоставляющих эти услуги, техническое оснащение клиники; реклама лекарственных средств, ориентированных на профессиональное медицинское сообщество и потребителей [1]. Именно авторы рекламных сообщений наиболее адекватно воспринимают ожидания целевой аудитории, формируют гипотезу адресата и экстраполируют нужную информацию посредством разных видов рекламных текстов. Л. Р. Дускаева также считает, что у субъекта речи есть цель, коррелирующая с жанровой гипотезой адресата, в частности, в информационных жанрах (запросы аудитории и взаимодействие с ней) [2, с. 50]. Следует отметить, что понятие «гипотеза адресата» во многом определяется учетом гипотетической реакции адресата и является «видовым по отношению к более широкому понятию – диалогичность, которое выступает как “фундаментальное свойство медиадискурса”» [3, с. 32].

По справедливому мнению Е. В. Слойцевой, «развитие главного аргумента в основном рекламном тексте строится на целом ряде различных приемов: это может быть указание на высокое качество предмета рекламы, апеллирование к рациональному началу, обращение к эмоционально-чувственному восприятию, использование известных образов и социально-значимых стереотипов, подчеркивание исключительно выгодных условий продажи, а также прямое убеждение в необходимости приобретения» [4, с. 80].

Активное развитие рынка медицинских товаров и услуг определяет тот факт, что успешной может быть только та кампания, которая наиболее эффективно использует в своей деятельности рекламные ресурсы, учитывает особенности потенциального адресата, его цели, ценности и ожидания. Как отмечает Е. С. Складар, «сравнительно небольшой по объему рекламный текст не только информирует потенциального покупателя о продукции, но и действует на человека на сознательном и бессознательном уровне» [5, с. 112]. Комплексный анализ рекламных текстов позволил прийти к выводу о наличии трех ключевых направлений медицинской рекламы: 1) реклама, направленная на поддержание красоты и здоровья; 2) реклама, демонстрирующая профессионализм определенных клиник и врачей; 3) реклама лекарственных средств. При этом бесспорным представляется тот факт, что адресат медицинской рекламы также не является универсальным и непосредственно зависит от того, какое из направлений медицинской рекламы его интересует в наибольшей степени.

По справедливому замечанию лингвистов, основой воздействия рекламных текстов на массового адресата являются эмоции, социальные установки и картина мира. З. И. Трубина, говоря о креолизованном тексте, отмечает, что чело-

век активно взаимодействует с окружающим миром посредством двух основных каналов связи – зрительного и слухового, однако зрительный обладает большей функциональной способностью влиять на эмоциональный фон, а креолизованный текст наилучшим образом позволяет представлять информацию посредством взаимодействующих между собой образной и вербальной систем [6, с. 167]. Именно легкость моделирования эмоций посредством языковых и неязыковых ресурсов делает медицинскую рекламу ценным объектом лингвистического исследования в контексте выявления специфики восприятия адресатом тех или иных рекламируемых товаров и услуг. Как справедливо замечает С. М. Копачевская, «в погоне за эффектностью реклама часто манипулирует различными социальными общественными установками, такими как хорошее самочувствие, самоуважение, самооценка, самоутверждение, общественное мнение» [7, с. 52].

Установки адресата рекламных текстов обусловлены потребностями человека и определяются его картиной мира. В современных лингвистических исследованиях в наиболее общем виде установки адресата подразделяются на эмоциональные и рациональные. В соответствии с данным подходом можно прийти к выводу, что установка на здоровье относится к рациональным, т.е. «направленным к разуму человека и вызывающим познавательную потребность» [8, с. 116]. Данный тезис в полной мере коррелирует с недавними реалиями, связанными с эпидемией COVID-19. Как известно, 31 декабря 2019 г. Всемирная организация здравоохранения была проинформирована об обнаружении случаев пневмонии, вызванной неизвестным возбудителем, 3 января китайские службы сообщили ВОЗ о 44 случаях пневмонии в городе Ухань провинции Хубэй. С каждым днем распространение COVID-19 приобретало все более масштабные формы и вызывало в мировом сообществе все большую панику. Потенциально тяжелая острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом SARS-CoV-2, представляла собой опасное заболевание, которое могло протекать в форме острой респираторной вирусной инфекции как легкого течения, так и в тяжелой форме. Высокая смертность, колоссальный процент заболевших с тяжелой формой течения заболевания обусловили необходимость скорейшего создания вакцины в разных точках земного шара.

Россия стала первой страной в мире, одобрившей общедоступную вакцину против COVID-19, и второй после Китая, начавшей вакцинацию населения (вакцинация в России началась в Москве 5 декабря 2020 г.). Однако по сравнению с большинством других европейских государств прививочная кампания в России шла медленно, в основном по причине недоверия населения к вакцинам и государству. Данный факт обусловил необходимость масштабной рекламной кампании, проводимой на уровне государства и учитывающей широкий спектр особенностей потенциального адресата – многомиллионной поликультурной Российской Федерации, включающей граждан всех возрастов, регионов и социальных классов. Говоря о форме рекламного текста, большинство исследователей отмечают, что «текст рекламы состоит из вербального рекламного текста, который в большинстве случаев сопровождается невербальным компонентом, к которому может относиться и стиль оформления шрифта, и логотип, и иллюстрация» [9, с. 12]. Анализ показал, что наиболее эффективно в период интенсификации кампании по вакцинации были использованы креолизованные тексты, включающие одновременно визуальную и текстовую составляющие. Изучая креолизованные тексты в медицинском дискурсе, Л. А. Гаппарян отмечает, что «медицинские тексты содержат большое количество невербальных компонентов, в первую очередь, изображений, которые, заменяя собой большой объем текста, являются средством языковой экономии» [10, с. 208]. Именно визуальная реклама, как будет доказано ниже, стала основой моделирования той «мягкой силы», которая делала вакцинацию в глазах адресата более привлекательной и менее опасной.

Абсолютно справедливо утверждение М. Б. Ворошиловой, что «наибольшее внимание исследователей современной визуальности привлекает соотношение словесного (вербального) и визуального (невербального) компонентов, в частности в пределах текстов печатных средств массовой информации» [11, с. 11–12]. Для подтверждения данного тезиса обратимся к анализу фактического материала.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о следующих образах и сценариях, моделируемых в анализируемых креолизованных текстах: акцент на сохранении собственной жизни и здоровья и здоровья близких; акцент

на повышенном риске для старшего поколения; акцент на коллективной ответственности; акцент на помощи врачам; апеллирование к авторитетам (публичным личностям); акцент на добровольном принятии решения; акцент на положительном имидже вакцины.

Так, наиболее популярными представляются креолизованные тексты, ключевой стратегией которых выступает акцент на сохранении собственной жизни и здоровья. В большей мере действенными, как нам кажется, являются креолизованные тексты, основанные на сопоставлении легких здорового человека и человека, больного коронавирусом (рис. 1).

Рис. 1. Билборд с текстом: «Минздрав предупреждает: коронавирус убивает!» (цвет онлайн)

С целью выявления понимания креолизованного текста (роли визуального и вербального оформления) в языковой картине мира современного носителя русского языка обратимся к анализу результатов проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие респонденты в возрасте от 18 до 22 лет. Общее число участников эксперимента – 60 человек, целевая аудитория – студенты 1–3-го курсов. Эксперимент проводился в письменной форме и включал следующие вопросы: а) понятен ли Вам смысл креолизованного текста; б) какой из компонентов (вербальный или визуальный) привлекает больше внимания, назовите его.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют заключить, что креолизованный текст понятен всем и имеет очень мощное воздействие на потенциального адресата, поскольку и визуальное, и вербальное оформление несет имплицитный компонент 'угроза', что отметили

80% респондентов. Среди наиболее частотных реакций отмечалась реакция на текст билборда: «Минздрав предупреждает: коронавирус убивает!». Важными составляющими данного текста здесь выделены: 1) компонент «коронавирус убивает» написан крупным шрифтом, привлекающим внимание; 2) конструкция завершается восклицательным знаком, что, с одной стороны, направлено на привлечение внимания, с другой, свидетельствует о максимальной угрозе; 3) текст написан на черном фоне; 4) кроме глагола «убивать» с интегральным компонентом 'лишить жизни', используется глагол «предупреждать», интерпретируемый в словарях в одном из значений так: «Заранее известить о какой-л. опасности; предостеречь» [12, с. 234]. Не менее действенной представляется и визуальная составляющая, демонстрирующая, как было отмечено ранее, сопоставление легких здорового и больного коронавирусом человека.

Важной составляющей русского национального сознания являются ответственность за старшее поколение и за тех, кто нуждается в защите и опеке. С опорой на данный тезис строятся два типа креолизованных текстов:

1) креолизованные тексты, настраивающие потенциального адресата на вакцинацию старшего поколения (рис. 2):

Рис. 2. Билборд с текстом: «Вам за 60 ПРИВИВАЙТЕСЬ прямо сейчас!» (цвет онлайн)

На билборде, включающем только цвета государственного флага, размещается следующий текст: «Вам за 60 ПРИВИВАЙТЕСЬ прямо сейчас!». Обратим внимание на следующие вербальные компоненты: цифра 60 и «прививайтесь» выделены более крупным шрифтом, целью которого является привлечение внимания потенциального адресата; конструкция

«прямо сейчас» написана на красном фоне, что, безусловно, также направлено на привлечение внимания и сигнализирует о повышенной опасности; как и на билборде, анализируемом ранее (см. рис. 1), конструкция завершается восклицательным знаком, что подчеркивает эмоциональность обращения.

2) креолизованные тексты, апеллирующие к коллективной ответственности: каждая отдельная личность несет ответственность за здоровье всей нации. Обратимся к примеру (рис. 3).

Рис. 3. Иллюстрация с текстом: «Остановим пандемию вместе! Наш долг – сделать прививку!»

Так, на иллюстрации на фоне рук врачей, готовящихся сделать инъекцию, и иллюстраций, отсылающих к вирусу COVID-19, фиксируется текст «Остановим пандемию вместе! Наш долг – сделать прививку!». Использование наречия «вместе», притяжательного местоимения «наш» и существительного «долг» апеллирует к коллективной ответственности и успеху, возможному лишь при наличии совместных усилий. Зафиксированный в нижнем левом углу тезис «Вакцинация – самый эффективный способ защиты от инфекционных заболеваний» показывает, что эпидемия

может быть побеждена и здоровье нации в руках каждого представителя нации.

Важное место среди прочих креолизованных текстов занимают те, которые акцентированы на помощи врачам. Именно врачи в период COVID-19 становятся национальными героями, беззаветно служащими людям и государству и нуждающимися в помощи (рис. 4, 5).

Как видно из представленных выше примеров, креолизованные тексты с акцентом на помощи врачам можно разделить на два типа:

1) креолизованные тексты, фиксирующие фотографию конкретного врача с уточнением его личных и профессиональных данных (см. рис. 4). На подобных билбордах, кроме данной информации, фиксируется фраза: «Сделай прививку от коронавируса. Сохрани жизнь и здоровье!». Подчеркнем, что такие билборды были размещены в различных городах Российской Федерации, отличаясь друг от друга лишь фотографией и данными врача, работавшего именно в этом городе;

2) креолизованные тексты, фиксирующие обобщенный образ врачей (медицинские маски не дают возможности разглядеть их лица, а персональные данные на билборде отсутствуют). Текстовая составляющая креолизованного текста формулируется так: «Помоги нам спасти жизни. Сделай прививку от коронавируса!».

Обратим внимание на тот факт, что на всех билбордах, апеллирующих к образу врача, содержится конструкция «Сделай прививку от коронавируса!». При этом глагол «сделай», реализованный в контексте в форме повелительного наклонения, связан непосредственно с личностью профессионала, понимающего, к чему призывает массового адресата и что ему рекомендует.

Рис. 4. Билборд с текстом «Сделай прививку от коронавируса. Сохрани жизнь и здоровье!»

Рис. 5. Билборд с текстом «Помоги нам спасти жизни. Сделай прививку от коронавируса!»

Еще одним частотным типом креолизированных текстов является тот, который апеллирует к авторитету (публичной личности). Популярность подобных билбордов обусловлена тем, что знакомые с экранов люди (актеры, певцы, политики) вызывают у массового адресата особое доверие (рис. 6).

Рис. 6. Билборд с фото Владимира Машкова со следующими словами: «Я сделал прививку от коронавируса. А Вы?»

Как видно из приведенного выше креолизованного текста, известный актер и общественный деятель Владимир Машков, фотография которого размещена на билборде, обращается к массовому читателю со следующими словами: «Я сделал прививку от коронавируса. А Вы?». Подчеркнем, что это единственный тип из выделенных нами креолизированных текстов, где используется местоимение «я». Правомочность его использования обусловлена авторитетом говорящего, его пониманием собственной значимости в глазах массового адресата, высоким уровнем доверия целевой аудитории.

Человек, понимающий добровольный характер своего выбора, делает его более осознанно и испытывает при этом значительно меньший стресс. Данный тезис обуславливает широкое распространение креолизированных текстов, апеллирующих к добровольному принятию решения о вакцинации (рис. 7).

Представленный выше креолизированный текст является, на наш взгляд, весьма показательным. Так, визуальная часть включает картинку производимой инъекции, разрушающей вирус, и логотип государственной организации «Роспотребнадзор», что подтверждает официальный характер данного сообщения. Вербальная составляющая включает одну фразу: «Вакцинация от коронавируса будет добровольной».

Рис. 7. Логотип государственной организации «Роспотребнадзор» с фразой: «Вакцинация от коронавируса будет добровольной»

Еще один тип креолизированных текстов связан с утверждением положительного образа вакцины (рис. 8, 9).

Рис. 8. Информационный плакат с детальным описанием всех этапов вакцинации

Рис. 9. Информационный плакат с детальным описанием всех преимуществ вакцинации

Обратим внимание, что важной составляющей таких креолизованных текстов является его разделение на две условные зоны: заголовочное поле и поле основной информации. Заголовочное поле включает микротекст, привлекающий внимание целевой аудитории и содержащий важные для создания положительного образа слова и конструкции («проверенная защита», «вакцинация от COVID-19 защищает», «7 преимуществ вакцинации от коронавируса»). Поле

основной информации имеет очень подробную детализацию, включающую как иллюстративный, так и текстовый компоненты. Предлагаемая информация может быть двух типов: детальное описание всех этапов вакцинации (см. рис. 8) или детальное описание всех преимуществ, которые дает эта вакцинация (см. рис. 9).

Отдельного внимания заслуживает форма подачи информации, включающая известные советские лозунги (рис. 10, 11).

Рис. 10. Лозунг «А ты готов к вакцинации от коронавируса?»

Рис. 11. Лозунг «Товарищ! Медлить больше нельзя! Спутник от ковида спасет тебя»

Апеллирование к известным лозунгам советского времени является действенным инструментом привлечения внимания целевой аудитории и превращает вакцинацию в «общенародный» процесс, значимый для каждого члена общества.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют сформулировать специфику осмысления исследуемых креолизованных текстов с учетом их прагматического и ассоциативно-образного потенциала. Отмечается, что несмотря на возраст информантов (молодые люди 18–20 лет, в большинстве своем студенты 1–3-го курсов), которые не связаны с советским периодом, они смогли понять и оценить суть и содержание исследуемых креолизованных текстов.

Таким образом, можно сделать вывод, что медицинская реклама в период эпидемии COVID-19 представляла собой значимый источник речевого воздействия на массового адресата. Включая визуальный и вербальный компоненты, медицинская реклама не только привлекала внимание целевой аудитории, но и формировала комплекс знаний и представлений как о самом заболевании, так и о

том, почему необходима вакцинация и как она происходит. Апеллирование к ключевым характеристикам, типичным для русского национального сознания (ответственности, гуманизму, желанию помочь), использование авторитета врачей и образов публичных личностей, подчеркнутый характер добровольности вакцинации стали основой успешной рекламной кампании, реализованной в Российской Федерации во время самых сложных периодов распространения эпидемии. Именно комплексное использование вербальных и визуальных средств стало основой наиболее полного и действенного донесения информации и привлекло широкую целевую аудиторию многонационального и поликультурного государства. В результате исследования выявлено, что период распространения коронавирусной инфекции и методы борьбы с ней в рекламном медиадискурсе могут интерпретироваться как прецедентная ситуация, включающая данный прецедент в рекламное сообщение, зачастую креолизованный текст, построенный на проанализированных образах и сценариях, а также по определенным сюжетно-образным моделям.

Список литературы

1. Алимпиева Д. А., Анохина Е. А., Ермолаева Е. В. Реклама в медицине // Бюллетень медицинских Интернет-конференций, 2016. Т. 6, № 1. С. 241. EDN: VTUJXN
2. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 50–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57>
3. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Флинта, 2018. 438 с.
4. Слойцева Е. В. Язык рекламы и лингвостилистические особенности рекламного текста // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11. С. 76–83. EDN: RZVDFD
5. Скляр Е. С. Вербальные и невербальные особенности текстов медицинской рекламы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 110–112. EDN: VQWWCY
6. Трубина З. И. Лингводидактический потенциал креолизованных текстов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 3. С. 163–174. EDN: GIYVQE
7. Копачевская С. М. Языковые и неязыковые особенности медицинской рекламы на русском радио // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 1 (10). С. 52–59. EDN: PHNRKH
8. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. М. : ИНФРА-М, 2003. 230 с.
9. Ключко К. А. Некоторые проблемы лингвистики рекламного текста и перспективы его исследования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки, 2017. № 1. С. 5–18. EDN: ZAOXQL
10. Гаспарян Л. А. Креолизованный текст в медицинском дискурсе и его дидактический потенциал в обучении иноязычной коммуникации // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения, 2012. № 24–2. С. 206–212. EDN: RNFEQJ
11. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 194 с. EDN: QIRMSX
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2003. 940 с.

Поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 09.10.2024;

принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 09.10.2024;

accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 159–165

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 159–165

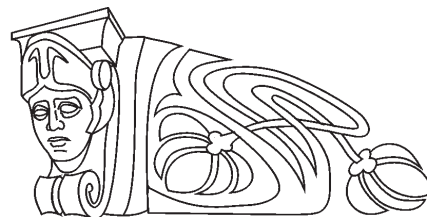
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-159-165>, EDN: HYJEOD

Научная статья

УДК 811.161.1'271.2(470.44-25)

Конкурс «Город без ошибок»: о речевой культуре большого города

А. В. Харитоновна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Харитоновна Анастасия Владимировна, аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, a.v.kharitonova@urfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9942-1730>

Аннотация. В статье анализируется языковой материал, полученный в результате проведенного в 2023 г. конкурса «Город без ошибок», который инициировали филологи Уральского федерального университета. Проведение конкурса вписывается в круг исследований, посвященных интерпретации региональной / городской идентичности как феномена, имеющего ментально-семиотическую природу. Локальный текст, многоаспектность которого является знаковой приметой данного объекта, позволяет обратиться к экспертизе визуальных аспектов городской среды, оценке экологической составляющей городских текстов города. В основу анализа материала положено базовое понятие *речевой культуры*, в разработке которого виден неоценимый вклад саратовских лингвистов. Территориальная общность приобретает в ходе своего развития особенности поведенческого плана. Активность человека в отношении городских текстов формирует самого этого человека в качестве культурно организованного субъекта и рассматривается нами в аспекте его культурно-коммуникативной активности. В корпусе собранного материала насчитывается 300 фотофактов, хронологически и локально фиксирующих речевую ошибку. Полученный в результате акции отрицательный языковой материал позволяет лингвисту провести диагностику речевой компетентности горожанина-современного носителя языка. При анализе собранных единиц учитывались частотность определенного типа ошибки, а также статус письменного городского текста: профессионально подготовленный городской текст (реклама, вывеска магазина, баннер и под.) или рукописная и печатная продукция (листовки, ценники, объявления), которая заполняет городское пространство на короткое время и быстро сменяет друг друга. По частотности преобладали орфографические и пунктуационные ошибки. Нарушение стилистического регистра отмечалось в рекламных текстах.

Ключевые слова: региональная идентичность, локальный текст, конкурс, речевая культура, речевая ошибка, орфографическая ошибка, пунктуационная ошибка, стилистическая неуместность

Для цитирования: Харитоновна А. В. Конкурс «Город без ошибок»: о речевой культуре большого города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-159-165>, EDN: HYJEOD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Contest “Gorod bez oshibok” (“Error free city”): About the speech culture of a big city

A. V. Kharitonova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Anastasia V. Kharitonova, a.v.kharitonova@urfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9942-1730>

Abstract. The article analyzes the linguistic material obtained as a result of the 2023 “Error free city” contest initiated by philologists of the Ural Federal University. The contest fits into the circle of studies devoted to the interpretation of regional/urban identity as a phenomenon that has a mental and semiotic nature. The local text, whose multidimensional nature is an iconic feature of this object, allows us to address the examination of the visual aspects of the urban environment, the assessment of the ecological component of urban texts of the city. The analysis of the material is based on the concept of *speech culture*, which has been developed with the invaluable contribution of Saratov linguists. Territorial community acquires behavioral features in the course of its development. The activity of a person in relation to urban texts forms this person as a culturally organized subject and is considered from the perspective of his cultural and communicative activity. The corpus of collected material contains 300 photo-facts, fixing a speech error chronologically and locally. The negative linguistic material obtained as a result of the event allows the linguist to diagnose the speech competence of a modern urban speaker. When analyzing the collected units, the frequency of a certain type of error was taken into account, as well as the status of the written urban text: a professionally prepared urban text (advertisement, store sign, banner, etc.) or handwritten and printed products (leaflets, price tags, announcements) that fill the urban space for a short time and are quickly replaced. Spelling and punctuation errors prevailed in terms of frequency. Violation of stylistic register was noted in advertising texts.

Keywords: regional identity, local text, contest, speech culture, speech error, spelling error, punctuation error, stylistic irrelevance

For citation: Kharitonova A. V. Contest “Gorod bez oshibok” (“Error free city”): About the speech culture of a big city. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 159–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-159-165>, EDN: HYJEOD
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерпретация городской идентичности «как отражения пространства со всеми его природно-географическими и историко-культурными реалиями» [1, с. 82], как многоаспектного феномена, имеющего ментально-семиотическую природу, требует творческой совокупности методов и приемов. Задача данного исследования – подойти к изучению города как к сложно устроенному пространству, визуальная «разметка» которого эксплицирует представления горожанина о городе как о тексте, отражающем собой бытие культурного человека. При этом позиция горожанина рассматривается в аспекте его культурно-коммуникативной активности.

Неравнодушным отношением к городской речевой культуре объясняется проведение конкурса «Город без ошибок» в Екатеринбурге в 2013 г. по инициативе кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации филологического факультета Уральского федерального университета. Для Екатеринбурга как современного мегаполиса, претендующего на звание столицы Урала, высокий уровень речевой культуры является важной составляющей имиджа города. Организаторам конкурса хотелось показать, что обитатель города может действовать не только как читатель визуальных текстов, но и как их интерпретатор и корректор, поскольку активность человека в отношении городских визуальных текстов формирует самого этого человека в качестве культурно организованного субъекта. Своеобразная экспертиза визуальных аспектов городской среды, оценка экологической составляющей визуальных параметров города в конечном счете была направлена на определение влияния городского текста на мировоззрение и идентичность «городского человека».

Сама сущность региональной идентичности, обеспечивающая ценностную ориентацию личности, предполагающую «чувство места», «малой родины», укорененность человека в пространстве, детерминирует его социокультурную и гражданскую активность. Феномен региональной идентичности связан с тем, что территориальная общность формирует особенности не только ценностного и символического,

но и поведенческого плана. Идентичность – это категория «of everyday social experience, developed and deployed by ordinary social actors» («повседневного социального опыта, разработанная и используемая обычными социальными акторами» – перевод наш. – А. Х.) [2, р. 4].

В отечественной гуманитаристике исследование городского пространства в семиотическом ключе было заявлено представителями тартуско-московской семиотической школы, объединившей таких ученых, как В. Б. Шкловский, В. Н. Топоров, В. Я. Пропп, Ю. М. Лотман, Ю. Н. Тынянов и др. Сборник «Труды по знаковым системам. Вып. 18», выпущенный в 1984 г. [3], посвященный семиотике города, был знаковым для этого направления. В книге были опубликованы работы, ставшие ориентирами для последующих исследований. Ю. М. Лотман, в частности, писал: «...история города включает в себя длительный период, в течение которого он существует только как материальный объект, лишь постепенно накапливая знаковые, символические значения разных планов» [4].

Разноплановость исследования городского текста, наличие «стабильной сетки семантических констант» описания места программируют «этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [5, с. 11]. Идеи, высказанные В. Н. Топоровым о петербургском тексте и сформулированные им в рамках категории сверткостного единства [6], подхватили ученые, обращающиеся к локальному тексту как к способу осмысления регионального разнообразия культуры. В фокус исследовательского внимания попадают в том числе уральский [7, 8] и екатеринбургский [9, 10] тексты.

Рассматривая город как текст, Т. В. Шмелева разворачивает важную для городского пространства идею «мультичности» [11, с. 494], которая явилась для нашего исследования отправной точкой. Автор детализирует разные грани проявления многоплановости:

1) *мультифактурность* города-текста: он материализуется как в устном, так и в письменном измерении; этот текст может быть как прочитан, так и озвучен, произнесен;

2) *мультикодовость*, под которой понимаются коды не только лингвистические (многоязычие как характерная черта современ-

ного мегаполиса), но и множество графических, стиливых трансформаций [12], а также все семиотические коды, связанные с чувственными каналами восприятия города: зрительный, аудиальный, сенсорный, обонятельный;

3) *мультидискурсивность*, которая включает в свой состав, прежде всего, ономастический дискурс, во многом задающий направление восприятия и интерпретации пространства. По принципу дополнения работают рекламный и художественный дискурсы;

4) *мультиавторство* и *мультиадресность*. Город во многом анонимен, так как соединяет многих авторов – официальных и неофициальных. Официальные городские указатели соседствуют с таким стихийным, неофициальным жанром письменной речи, как граффити. «При этом город не просто „низвергает“ авторов, но порождает новое авторство, заставляя читать себя, выступая как автор собственного текста» [11, с. 497]. Т. В. Шмелева приходит к выводу, что город становится саморазвивающейся, самодостаточной, способной к производству новых символов и смыслов системой. Читателем этого текста неизбежно выступает горожанин. Именно он становится текстогенной фигурой для города как локального текста.

Результаты исследования

Отталкиваясь от идеи многофактурности городского текста и активной позиции горожанина, мы рассматриваем визуальную составляющую городского пространства как важное мерило культурного облика города. Горожанин, будучи грамотной языковой личностью, ежедневно прогуливаясь по улицам города, становится читателем и интерпретатором этого текста. А еще замечает ошибки: орфографические, пунктуационные, грамматические, стилистические – любые, которые он помнит из школьного курса русского языка. В этом смысле локальный текст становится источником информации о речевой культуре города.

Включение в терминологический круг исследования понятия *речевой культуры* обращает нас к истокам учения о внутринациональных речевых культурах, созданного саратовскими лингвистами [13]. Вообще вклад в лингвистику русской речи профессора Ольги Борисовны Сиротининой и учеников ее школы трудно переоценить. Пионерский подход саратовских ученых к изучению разговорной речи способствовал становлению отечественной коллокви-

алистики. О. Б. Сиротинина первой высказала мысль о наличии особой разновидности литературного языка – литературно-разговорной речи, характеризующейся особой нормированностью, своими грамматическими моделями и т. п. [14, с. 33]. Профессиональная самобытность, выверенность позиций видна и в области исследований по культуре речи. В основе учения о внутринациональных речевых культурах лежит разграничение понятий *культура речи* и *речевая культура*. По мнению О. Б. Сиротининой, последнее шире понятия *культура речи*, обозначая «отношение человека, общества к культуре речи во всех значениях этого понятия: к процессу выбора, полученному в результате этого выбора набору языковых средств, к этике общения, к знаниям о законах коммуникации и ее нормах, как языковых, так и этических, коммуникативных, риторических, вообще к знаниям о чем-то и к другим людям» [15, с. 128].

Конкурс «Город без ошибок», посвященный речевому облику Екатеринбурга текущего момента, был призван привлечь внимание широкой общественности к речевой культуре публичного представления информации: уличная реклама, плакаты, вывески, объявления, ценники и другие письменные тексты, размещенные в публичных местах и адресованные горожанам. Филологи предложили взглянуть на бытие города как на интересное чтиво. Задача участников – лично сфотографировать ошибочный текст, указав место и время фиксации, а также прокомментировать речевые неудачи любого типа.

По замыслу организаторов, конкурс «Город без ошибок» решал сразу несколько задач. Во-первых, в современной культурно-речевой ситуации российского общества конкурс формирует отношение к русскому языку как безусловной национально-культурной ценности. Во-вторых, присланные участниками фотографии позволяют судить о речевом состоянии Екатеринбурга. Практической задачей конкурса видится речевое совершенствование облика города, поскольку «языковая ситуация должна быть также комфортной для горожанина, как и его социокультурное и экономическое положение» [16, с. 49–50]. В-третьих, основная аудитория мероприятия – молодые уральцы, прежде всего студенты УрФУ. Участие в конкурсе способствовало формированию их речевой зоркости, совершенствованию личной коммуникативной компетенции – необходимой составляющей профессиональной подготовки студента.

Конкурс «Город без ошибок» проводился во второй раз, впервые он проходил десять лет назад. У организаторов была возможность сравнить результаты своеобразного мониторинга речевых ошибок. В корпусе собранных материалов 2013 г. оказалось свыше 300 фотофактов. В ходе первого конкурса было собрано 500 единиц. Мы убедились, что город в год своего 300-летия стал чище в языковом отношении, ошибок стало гораздо меньше.

Полезность такого рода конкурсов проиллюстрируем одним примером. Ошибки в цен-

тре города обычно у всех на виду. В 2013 г. на остановке у Главпочтамта на центральной улице Ленина висела металлическая табличка с яркой орфографической ошибкой – **Главпочтампт** (рис. 1). Об этом языковом казусе в свое время писала и местная «Областная газета», но табличку с ошибочной надписью снимать не спешили. После широко представленной выставки ошибок в ходе проведения конкурса указатель с ошибкой сняли, заменив новым названием остановки *Площадь труда* (рис. 2). Мы считаем это заслугой проведенного мероприятия.

Рис. 1. Указатель остановки городского транспорта (2013 г.)

Рис. 2. Указатель остановки городского транспорта (2023 г.)

Полученный в результате акции отрицательный языковой материал позволяет лингвисту провести диагностику речевой компетентности горожанина-современного носителя языка. Языковые ошибки интересны тем, что они являются выражением живого, функционирующего языка, позволяющего выявить зоны риска в области нормирования, и своеобразной реакцией языкового сознания пользователя на несовершенство нормы.

При анализе собранных единиц мы учитывали: 1) частотность того или иного типа ошибки; 2) статус письменного городского текста: профессионально подготовленный и выверенный текст (реклама, вывески магазинов, баннеры и под.) или рукописная и печатная продукция (листовки, ценники, объявления), которая заполняет городское пространство на короткое время и быстро сменяет друг друга.

Общий взгляд на собранный корпус выявил частотность орфографических и пунктуационных ошибок в небрежно оформленных текстах быстрого реагирования, которые грешат ошибками и опечатками. Представленный на рис. 3 текст объявления, размещенный на одной из остановок

городского транспорта, иллюстрирует целый ряд таких недочетов: опечатки – пропуск букв

Рис. 3. Объявление, размещенное на остановке автотранспорта

(строительная бригада, без выодных, вранды), набор орфографических ошибок – *матерял, закасчик, сайденг, пенсионером*, связанных с нарушением разных типов орфограмм.

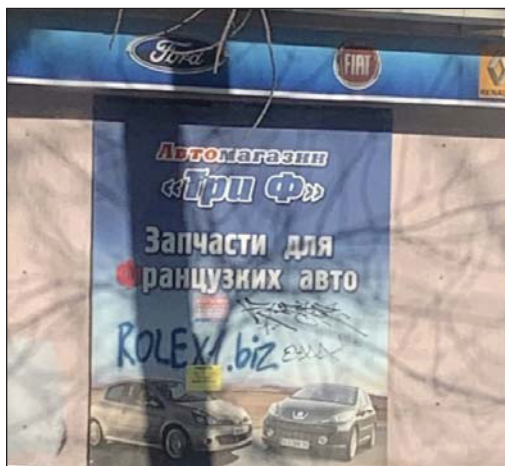

Рис. 4. Реклама на здании автомагазина

Орфографические девиации (*французкие авто, специализированный магазин*) были найдены и в профессионально подготовленных письменных текстах (рис. 4, 5).

Рис. 5. Вывеска винного магазина

Орфографические ошибки в городском тексте представлены рядом разновидностей, отражающих неоднородность орфографического материала. Собранный материал показал заполненность всех трех групп ошибок, выделенных В. Ф. Ивановой [17, с. 147]: собственно орфографические (*Шинаманташ; Цветы дочке; Нет не чего лучше, когда вы возвращаетесь; контроллеры*), графико-орфографические (*Срочно требуются уборщици*), грамматико-орфографические (*Шаурма с курицей; Автозапчасти Масла фильтра; Уважаемые пассажиры! Во избежания падения держитесь за поручни*). Слова, написание которых необходимо запомнить, в городском тексте часто относятся к заимствованной лексике (*ингридиенты, картофельные ростисы; крыло по-пикински; парикмахерская*).

Отметим, что активизация языкового сознания молодых уральцев не ограничилась только поиском ошибок в городском пространстве. На электронную почту конкурса регулярно поступали фотофакты, сопровождаемые комментариями к ошибкам в иронической стихотворной форме. Такие комментарии можно рассматривать как имплицитное выражение оценки горожанами уровня речевой культуры Екатеринбурга:

*Что там промчалось, промелькнуло?
Быть может, это был мираж?
По словарю и сердцу полоснуло.
Да, это был Шинаманташ.*

Правила правописания слов в зависимости от принадлежности к части речи усваиваются носителями языка с разной степенью успешности. В зоне орфографического риска находится правописание страдательных причастий совершенного и несовершенного вида, прилагательных с суффиксами -н- / -ин- (*шашлык свиной; шаурма куринная; специализированный магазин; Продается гараж благоустроенный*).

Употребление прописной / строчной буквы в современных «Правилах русской орфографии и пунктуации» [18] регламентируется кратко и объясняется наличием у нее двух функций – выделение начала предложений в тексте и выделение имен собственных и наименований. Но для современной речевой практики характерно немотивированное употребление прописных букв в тех позициях, которые не оговорены в правилах: *С Днем Знаний! Уважаемые Гости!!! У нас порядок Такой: поел – убрал за собой!*

«В наивной картине мира пишущего складывается устойчивое представление об особой орфографической значимости прописной буквы: это сильная, маркированная буква, способная подчеркивать весомость и важность называемого предмета» [19, с. 52]. Психологический характер ошибочного употребления прописной буквы в этом случае обусловлен экстралингвистическими факторами, проявляющимися в равнодушии автора текста к изображаемому явлению действительности. Такое употребление отчасти регламентируется

в § 203 указанного Справочника: «С прописной буквы могут писаться некоторые нарицательные существительные в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл: *Родина, Отечество, Отчизна, Свобода, Добро, Честь, Человек, Учитель, Мастер* и т. п.» [18, с. 130].

Пунктуационные ошибки – одни из самых частотных в письменных текстах быстрой сменяемости. Пунктуация в этих текстах – часто не просто способ изложения информации сообразно языковым нормам, а, прежде всего, возможность реализации авторских задач коммуникантов, направляющих внимание адресата на смысловые доминанты текста. В качестве примера приведем объявление в транспорте с орфографической и пунктуационной ошибками: **За не пристегнутого пассажира, водитель ответственности не несет.**

Подчеркивая важную роль письма в русском языке зарубежья, А. Зеленин отмечает, что «орфография – один из базовых компонентов культурного пространства, дающих индивиду ощущение социальной и психологической стабильности и чувство языкового комфорта» [20, с. 26]. Данное суждение можно проецировать и на пространство родного города.

Гуляя по улицам города, участники конкурса «Город без ошибок» внимательным взором выхватывали разное. Конечно, глаз останавливался на неудачных рекламных текстах, оценке их стилистической уместности.

Так, стилистически спорным оказался слоган рекламы, приглашающий в один из медицинских центров г. Екатеринбурга на операцию по удалению катаракты. Слоган *Ух-ты, ах-ты – нету катаракты!* создан на базе отсылки к известной шутилой частушке *Ух-ты, ах-ты, все мы космонавты / На своей работе мы всегда в почете*. Опора на прецедентный текст помогает положительно коннотировать предложенную рекламу. Но, с другой стороны, общеизвестно, что в публичной речи не принято шутить на темы болезней, и номинаторы урбанонимов очень внимательно относятся к наречению аптек, медицинских центров, больниц, создавая наименования только с положительными ассоциациями.

Конечно, создание любого рекламного текста требует мастерства и творческого подхода. В корпусе присланных фотофактов мы встретили тексты с нарушением орфографических норм, которое можно интерпретировать как речевой прием. Так, языковой игрой можно объяснить

ошибку в слогане *Тарапись пробовать*, рекламирующем бургер *Чикен тартар*. Также мотивирована и ошибка в названии обувного магазина *Параход*, окказиональная членимость которого позволяет выявить тематически связанные с обувью лексемы *пара* (обуви) и *ход*. Креативность современного рекламного текста все чаще опирается на речевые трансформации графико-орфографического облика слова.

Заключение

Подводя итоги наблюдений над речевой культурой большого города, еще раз подчеркнем значимость языковой чистоты на его улицах, сославшись на выступление на круглом столе Госдумы в 2011 г., посвященном законодательной инициативе по учреждению Дней русского языка и культуры, доктора филологических наук В. Ю. Троицкого, который сказал: «Будем помнить: состояние речи – это состояние мысли, состояние мысли – это состояние сознания, состояние сознания – это предпосылки поступков. Поступки – это сущность поведения людей. Сущность поведения людей – это судьба народа» [21].

Высказанная мысль о связи состояния речи – через ряд взаимообусловленных речевых шагов – с судьбой народа подтверждает мысль о многоаспектном характере региональной, а далее – национальной идентичности. При этом общее направление работ данной проблематики характеризуется единой антропоцентрической направленностью: языковое сознание и речевое поведение носителя языка в рамках регионального сообщества находятся в центре внимания исследований. Национальная идентичность, разновидностью которой является региональная, характеризуется наибольшим количеством ярко выраженных вербальных манифестаций. Одним из языковых выражений региональной идентичности является обращение к речевой культуре родного города.

Список литературы

1. Головнева Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 81–88. EDN: QCCUVN
2. Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. P. 1–47. <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>

3. Труды по знаковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту : Тартуский ун-т, 1984. 140 с. (Ученые записки Тартуского государственного ун-та. Вып. 664).
4. Лотман Ю. М. От редакции // Труды по знаковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту : Тартуский ун-т, 1984. С. 3.
5. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с. EDN: QIRNEL
6. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту : Тартуский ун-т, 1984. С. 4–29.
7. Литовская М. А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 2 : Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции» (Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г.). Екатеринбург : УрО РАН ; ИД «Союз писателей», 2006. С. 66–76.
8. Соболева Е. Г. Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 2 : Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции» (Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г.). Екатеринбург : УрО РАН ; ИД «Союз писателей», 2006. С. 95–103.
9. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие. Пермь : Изд-во ПермГУ, 2012. 140 с. EDN: QIRUQN
10. Никулина М. П. Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 120 с. (Очерки истории Урала. Вып. 15).
11. Шмелева Т. В. Город как текст: Bydgoszcz/Быдгощ // *Dzielo literackie jako dzieło literackie* = Литературное произведение как литературное произведение / pod red. A. Majmieskulow. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. С. 493–507.
12. Балахонская Л. В. Графическая трансформация слова как прием вербально-визуального взаимодействия в рекламном тексте // Медиалингвистика : материалы докл. участников VII Междунар. конф. «Язык в координатах массмедиа (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.). СПб. : ООО «Медиапапир», 2023. С. 288–292. EDN: ZMLNSG
13. Гольдин В. Е., Сиротина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25: Проблемы культуры речи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1993. С. 9–19. EDN: YTTION
14. Сиротина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М. : Просвещение, 1974. 144 с.
15. Сиротина О. Б. Речевая культура и культура речи: сходства и различия // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. Т. 9. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 127–132. EDN: PWEZXF
16. Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 8–9 ноября 2007 г.). Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. С. 45–51. EDN: BKIOYG
17. Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. 230 с.
18. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2006. 480 с. (Справочник / Российская акад. наук, Отд-ние историко-филологических наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова).
19. Харченко А. Е. Стилистическая функция метаоператора с большой буквы в современной публицистике // Молодые голоса : сб. тр. молодых ученых / под ред. И. В. Шалиной. Вып. 11. Екатеринбург : ИД «Ажур», 2023. С. 51–57. EDN: LOWRVS
20. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб. : Златоуст, 2007. 380 с.
21. Троицкий В. Экология образования // Слово. 2019. 30 авг. URL: <https://www.gazeta-slovo.ru/publikatsii/ekologiya-obrazovaniya.html> (дата обращения: 02.10.2024).

Поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024;
 принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
 The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024;
 accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 166–173

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 166–173

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-166-173>

EDN: IINHAM

Научная статья

УДК [821.133.1.09-95:82.01] | 16 | +929

Эстетика французского классицизма: между нормой и свободой

А. В. Голубков

¹Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

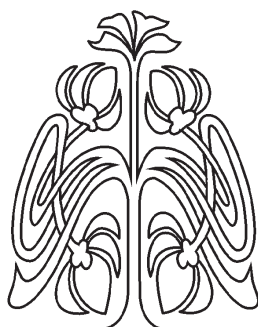
Голубков Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор РАН, ¹ведущий научный сотрудник, ²профессор Школы филологических наук, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению эстетики французского классицизма, которая не только предполагает следование нормативам, но также устанавливает «свободу» в качестве ведущего эстетического компонента произведения. В первой части исследования демонстрируется деформированная логика восприятия классицистической эстетики в отечественной филологической науке, которая, как показывается, во многом следовала сложившимся в течение XIX в. французским идеологическим установкам. Французская концептуализация термина «классицизм» проходила в условиях националистической пропаганды, которая навязывала представления о национальном искусстве «Великого века» как о вневременной норме. В американском литературоведении, тем не менее, с середины XX в. утвердилась стратегия восприятия классицизма как эстетики компромисса, выражающейся в сложном сочетании научных и светских тенденций. В процессе анализа классицистических трактатов, созданных в 1670-е гг. («Разговоры Ариста и Евгения» Д. Буура, 1671; «Поэтическое искусство» Н. Буало-Депрео, 1674; «Размышления о “Поэтике” Аристотеля» Р. Рапена, 1674; «Трактат об эпической поэме» Р. Ле Боссю, 1675 и др.), показывается, что наряду с предписаниями правдоподобия, благопристойности, трех единств разрабатываются эстетические стратегии «невывразимого» (*le je-ne-sais-quoi*), сверхприродного дара (врожденного таланта) как условия творчества. Значительное место уделяется рефлексии вокруг изображения «чудесного» в литературных текстах, которое оказывается значимым элементом декора произведения, а также популяризации категории «возвышенного», во многом связанного с усвоением трактата «О возвышенном» псевдо-Лонгина и его перевода, выполненного братьями Буало. В результате исследования делается вывод, что Буало для разрешения возможных споров вводит важное правило «не всегда следовать правилам», представляющее собой основание классицистической «свободы».

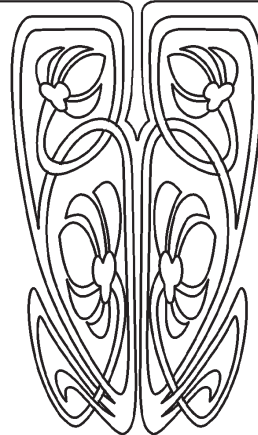
Ключевые слова: Франция, классицизм, эстетика, Н. Буало-Депрео, Д. Буур, Р. Рапен, Р. Ле Боссю, свобода, возвышенное, невыразимое

Для цитирования: Голубков А. В. Эстетика французского классицизма: между нормой и свободой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 166–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-166-173>, EDN: IINHAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Aesthetics of French classicism: Between norm and freedom

A. V. Golubkov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Higher School of Economics – National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia

Andrey V. Golubkov, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Abstract. This article deals with understanding the aesthetics of French classicism, which not only assumes compliance with norms, but also establishes “freedom” as the leading aesthetic component of the text. The first part of the study demonstrates the deformed logic of perceiving classical aesthetics in Russian philological science, which largely followed the French ideological attitudes developed during the 19th century. The French conceptualization of the term “classicism” took place in the context of nationalist propaganda, which imposed ideas about the national art of the “l’âge d’or” as a timeless norm. In American literary criticism, however, since the middle of the 20th century a strategy for the perception of classicism as an aesthetic compromise has been established, expressed in a complex combination of scientific and secular trends. In the process of analyzing the classical treatises created in the 1670s (“Les entretiens d’Ariste et d’Eugène” by Dominique Bouhours, 1671; “L’art poétique” by Nicolas Boileau-Despréaux, 1674; “Les réflexions sur la poétique de ce temps et sur les ouvrages des poètes anciens et modernes” by René Rapin, 1674; “Traité du poème épique” by René Le Bossu, 1675; etc.) we show that not only the prescriptions of “vraisemblance”, “bienséance” and three unities, but also the aesthetic strategies of the “inexpressible” (le je-ne-sais-quoi) and super-natural gift (innate talent) were developed as necessity for creativity. Considerable attention was paid to the reflections about the image of the “miraculous” in literary texts, which turns out to be an important element of the text decoration as well as the popularization of the category of the “sublime” largely related to the assimilation of the treatise “On the Sublime” by pseudo-Longinus and its translation by the Boileau brothers. The conclusion shows that Boileau introduces an important rule “not always follow the rules” to resolve possible disputes, and this rule is the “freedom” of the French classicism.

Keywords: France, classicism, aesthetics, Nicolas Boileau-Despréaux, Dominique Bouhours, René Rapin, René Le Bossu, freedom, sublime, inexpressible

For citation: Golubkov A. V. Aesthetics of French classicism: Between norm and freedom. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 166–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-166-173>, EDN: IHHXAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Тема, вынесенная в название настоящей статьи, нуждается в предварительном прояснении, по крайней мере, для читателя, сформированного отечественной исследовательской традицией, посвященной классицистической эстетике. Соположение в одном ряду классицизма и «нормативности», «регламентации» оказывается вполне привычным и в целом клишированным, однако насколько возможно, в принципе, рассуждать о французском классицизме как эстетике свободы? Цель настоящей статьи – продемонстрировать «внерациональные» основания французской классицистической эстетики, которые оказываются проявлениями свободы, т. е. отрицанием правил – нормативности.

В первом томе академической «Истории французской литературы», вышедшем в 1946 г., С. С. Мокульский отмечал: «Являясь своеобразным художественным эквивалентом картезианского рационализма, французский классицизм подобно ему характеризуется совмещением идеалистических и материалистических тенденций. С одной стороны, он утверждает господство в литературе законов универсального разума и отделяет мысль от материи. С другой

стороны, он объявляет прекрасным только правдивое и призывает к подражанию природе, в которой и заключена подлинная правда» [1, с. 545]. «Вехами» в отечественном осмыслении явления можно считать весь раздел «Классицизм» в первом томе академической «Истории французской литературы», написанный наряду с С. С. Мокульским, М. П. Алексеевым, С. Д. Коцюбинским [1, с. 335–586], книги Ю. Б. Виппера [2], Д. Д. Обломиевского [3], Г. Н. Бояджиева [4], Н. А. Сигал (Жирмунской) [5, 6] и других, а также антологии «Литературные манифесты западноевропейских классицистов» [7] и «Спор о древних и новых», составленной В. Я. Бахмутским и Н. В. Наумовым [8].

Замечание Мокульского, многократно повторенное в последующей отечественной традиции осмысления феномена, во многом сформировало исследовательскую оптику, которая неизбежно фокусировалась на нормативности; многочисленные явления, которые не вписывались в логику рациональности и культа регламента, отсекались или же относились к «барокко», в котором, согласно распространенному мнению, было гораздо больше вольницы. Несмотря на весь жанровый «фетишизм» отече-

ственного литературоведения, который отчасти и способствовал возвышению классицизма как передового (в ущерб барокко) стиля и направления в западноевропейской словесности, не стоит упускать из вида, что возник настоящий термин прежде всего как удобный концепт западного и отечественного литературоведения, а также практики преподавания литературы, он – «продукт истории литературных идей» [9], т. е. ретроспективное понятие, наследующее вольтеровскому «Веку Людовика XIV» (восходящему в свою очередь к «веку Людовика Великого» Ш. Перро).

Узус самого слова «классический» (из которого, собственно, и возникнут термины «классицистский» и «классицистический» в истории литературы) в интеллектуальной культуре XVII в. относительно редок; Р. Зюбер приводит, например, отрывок из обращенного к теоретику театра Ф. Э. д'Обиньяку эссе «Защита Сертория», созданного Ж. Донно де Визе, который признается в негативном восприятии термина даже в дискурсивных практиках, обращенных к Античности: «Вы называете Цицерона классическим автором. Я не удивлен тем, что вы используете слово “классический”, ибо у педантов “класс” настолько засел в голове, что они не могут от него избавиться, даже обращаясь к герцогиням. Я бы мог далее заметить, что Вы образовали это слово от слова “класс”, от которого пахнет галерами, и поэтому в некотором роде вы величаете Цицерона автором галерным» [10, р. 139–140]. В сугубо отрицательном ключе использует слово «классический» П.-О. К. Бомарше во вполне «антиклассическом» «Очерке о серьезном драматическом жанре» (1767), предвещая активное его постулирование как термина романтиками – Ф. Шлегелем («Об изучении греческой поэзии», 1797) и Ж. де Сталь («О Германии», 1810), а также Ж. Ш. Л. де Сисмонди («О литературе Южной Европы», 1813) и, наконец, Стендалем («Расин и Шекспир», 1823).

В начале XIX в. репутация «классицизма» была откровенно плохой: зарождавшийся романтизм испытывал необходимость назвать и описать своего врага и конкурента. Госпожа де Сталь, развивая шлегелевскую идею зависимости литературных форм от состояния общества, привнесла во французскую культуру оппозицию «поэзия романтическая» vs «поэзия классическая», говоря о классике не как о вневременной норме, но конкретном типе эстетического опы-

та, привязанного к определенному периоду (в связи с чем она разоблачала претензии Франции на навязывание собственной культурной модели всему Западу как идеальной). Стендаль более ироничен, когда утверждает, что классицизм архаичен и не приемлет нового, для него классицизм предстает антиномией современному искусству (т. е. романтизму): «Романтизм – это искусство давать народам такие литературные произведения, которые при современном состоянии их обычаев и верований могут доставить им наибольшее наслаждение. Классицизм, наоборот, предлагает им литературу, которая доставляла наибольшее наслаждение их прадедам» [11, с. 238].

В противовес романтическому культу свободы и просвещенческой идеи прогресса в середине XIX в. наблюдается антиромантическая и антипросвещенческая по своему духу «классицистская операция» [12], ставящая цель закрепить тезис о нормативном значении французской литературы XVII в. для западной культуры в целом, и именно в русле настоящего движения «классицизм» как термин был абсолютизирован. Истоки этого процесса обнаруживаются в консервативных кругах Июльской монархии с присущими им антиреспубликанскими взглядами. В 1840–1850-е гг. писатели XVII в. были признаны образцовыми, а сама культура этого периода – апогеем, после которого может случиться лишь упадок. Свидетельством происшедших ревизий и становления канона оказываются труды «История французской литературы» Д. Низара (1844–1861) и «История французской литературы от истоков до 1830 г.» Ж.-К. Деможо (1852): в них эпоха, еще не получившая наименование «классицизм», стала описываться как хронологически четко обозначенный феномен, а логика анализа предполагала разыскание культурного сродства, но не особенностей произведений и манеры их авторов. Дальнейшее утверждение такого редуccionистского подхода и конструирование «классицистского мифа» в учебном и научном дискурсе было связано с внутренней и внешней политикой Франции в XIX в.: упрощения и обобщения стали следствием патриотических и во многом националистических настроений.

«Классицистская операция» нашла свое воплощение в трудах «История французской литературы» Г. Лансона (1894) и «История французской классической литературы» Ф. Брюнетьера (1905–1912), в которых тер-

мин «классицизм» активно использовался как обозначение литературного, культурного, этического и политического феномена. Здесь же внедряется позитивистская в своем основании «растительная модель», предполагающая телеологическое описание литературного процесса, в качестве образцовой признается «школа 1660 года», т. е. литература эпохи начала правления Людовика XIV – Ж. Расина, Мольера, Ж. де Лафонтена и Ж. де Лабрюйера.

В первой половине XX в. такая идеологическая конструкция, возникшая на волне патриотизма, оказывается доминирующей; классицизм превращается в «доктрину», основанную на трех принципах – полезности, подчинения правилам и стремления к универсальности («Становление классической доктрины» Р. Брэ, 1927; «История классической французской литературы» Д. Морне, 1940). Тем не менее, уже Брэ и Морне ставят под сомнение монолитность и единство «школы 1660 года», а А. Адан в пятитомной «Истории французской литературы XVII века» (1948–1955) оказывается перед необходимостью оправдать классицизм и разъяснить его достоинства читателю, воспитанному в иной культурной среде. Концептуальные построения исследователей 1950–1970-х гг. (А. Адан, П. Бенишу, Л. Гольдман) основываются не столько на описании величия «доктрины», сколько на поиске социальных противоречий в духе левых идей. Эта интерпретация классицизма, дополненная обобщениями в духе марксизма, оказывается ведущей в советском литературоведении; как раз в рамках настоящего направления и можно рассматривать общий пафос высказывания С. С. Мокульского, что не отменяет ни в коем случае фундированный характер и высокое качество его исследований.

Интересные для нас в контексте обозначенной «свободы» изменения в аналитической оптике проходят как раз в то же время – в середине XX в. – в американском литературоведении, их симптомом оказывается исследование «Что такое классицизм» А. Пейра (1933, 1965) [13]. В нем предложена лишенная политических и идеологических коннотаций трактовка классицизма, который предстает не столько как «дух XVII века» или прогрессивное направление, но поэтическая особенность отдельной группы писателей, отмеченных схожими антропологическими и философскими воззрениями. Американская школа концентрируется на анализе именно «свобод» классицизма, т. е. не

укладывающихся в общие построения индивидуальных отклонениях от «доктрины» [14–16]. Культовая монография о барокко швейцарского исследователя Ж. Руссе «Французская литература эпохи барокко: Цирцея и павлин» (1954) также способствовала сужению универсального представления о классицизме: барокко с присущим ему культом нестабильности и метаморфозы предстает необходимым дополнением к пониманию неоднозначной сути западного литературного процесса XVII–XVIII вв.: «Мы говорим: порядок, мера, разум, правило – и это классицизм. Теперь мы скажем: беспорядок, скандал, фантазия, свобода. И это будет барокко. Космос и хаос; равновесие и жизненная сила. Это правда, но в то же время это – ложь. Классицизм лишь частично определяется этими ритуальными словами; это также страсть, насилие, свободное творчество, пренебрежение правилами – только если мы думаем о произведениях больше, чем о поэтике, о самих текстах Расина, Мольера, Пуссена или Мансара. Более того, мы рискуем провалить спор, если превратим *барочное* в однозначное опровержение *классического* или если построим историю XVII века как простую игру противоположностей. Барокко и Классика видят друг в друге врагов, но – как в семье: они противостоят друг другу по-братски» [17, р. 242–243] (здесь и далее перевод наш. – А. Г.).

П. Дандре выступил с предложением выделять внутри классицизма две эстетики – научную и светскую, которые, развиваясь автономно и иногда пересекаясь, противостояли не друг другу, но как раз общему врагу – педантизму, т. е. традиционной учености гуманистического толка [18]. Разрыв с педантизмом, школярством, т. е. настоящей гуманистической наукой, который в 1600–1620-х гг. наметился в придворной (Ф. де Малерб) и светской (окружение Рамбуйе) культурах, окажется решающим условием формирования классицизма, в котором эстетическое удовольствие оказывается более значимо, чем эрудиция автора.

Светская прихотливость и серьезная нормативность оказываются неотделимы друг от друга, собственно, уже в первом манифесте французского классицизма – предисловии Ж. Шаплена, традиционно воспринимаемого ригористом (вспомним, что он был одним из авторов «Мнения Французской академии о трагикомедии “Сид”»), к поэме «Адонис» Дж. Марино (1623). В этом тексте, имеющем

фундаментальное значение для понимания стратегий утверждения обогащенного рассуждениями Т. Тассо аристотелизма во французской культуре, Шаплен стремится определить специфику героической идиллии, оперируя терминами, инспирированными «Поэтикой». Не существовавший в Античности жанр (героическая идиллия или мирная эпопея) Шаплен вписывает в аристотелевскую систему, демонстрируя ее универсализм. Шаплен затрагивает важнейшую для нормативной эстетики тему подражания: текст Марино оказывается ярким примером не буквального перевода, но выражением предпочтительной литературной стратегии соперничества с идеальными древними образцами, в результате которого появляется новая традиция (в начале XVII в. литературы Италии и Испании представляли на фоне французской словесности традициями такого небуквального подражания древним).

Бесспорно, именно 1670-е гг. стали «золотым временем» теоретических трактатов, на основе которых впоследствии будет описана доктрина классицизма (наряду с более ранними сочинениями теоретиков «классицизма Ришелье» – т. е. Шаплена, аббата д’Обиньяка, К. Вожла и др.): «Разговоры Ариста и Евгения» Д. Буура (1671), «Поэтическое искусство» Н. Буало-Депрео (1674), «Размышления о “Поэтике”» Р. Рапена (1674) и «Трактат об эпической поэме» Р. Ле Боссю (1675).

Буур выступил теоретиком французского языка и стиля, основанного на чистоте, рациональной понятности, здравом смысле, который отличает его от прочих языков; эти качества происходят, по его мысли, из-за стремления говорящего понравиться слушателю. Величие французского языка и поэзии происходит именно из их простоты и естественности: «Язык французских поэтов не схож с наречием поэтов иноземных, у которых оно так далеко от обычного разговора. Наши музы избавлены от стремления стать свободными и подверженными порывам, как это происходит с музами итальянскими или испанскими, не говоря уже о греческих или латинских: наши музы, говоря я, столь благоразумны и сдержанны, что не позволяют себе никаких излишеств. Они остерегаются отдаваться тем приступам исступления, которое, каким бы божественным оно не было, часто заставляет говорить глупости» [19, р. 75].

Заметим, Буур как раз отстаивает принцип естественности и не сводит творчество к рацио-

нальному акту: замечательные и великие произведения искусства содержат нечто невыразимое («я-не-знаю-что», *je-ne-sais-quoi*) – источник сокровенного обаяния и гениальности: «...это нечто столь деликатное и столь неуловимое, что оно ускользает от самого пронизательного и самого изощренного ума» [19, р. 326]. Боссю в своем рассуждении также указывает на принципиальное отличие французской поэзии от античной: «Самое значительное отличие, каковое являет мне мой сюжет, между античным красноречием и красноречием последних веков, состоит в том, что наша манера выражения проста, уместна и прямодушна, тогда как красноречие древних авторов было полно загадок и аллегорий» [20, р. 5].

Буало, выступая с похвалой первой стихотворной новеллы Лафонтена «Джокондо» (1664), созданной как вольное подражание Ариосто, еще до Буура отмечал («Рассуждение о “Джокондо”», 1665), что «я-не-знаю-что» оказывается невыразимым, создающим все очарование текста – воплощением в литературе кастильоновской *sprezzatura* (естественной эlegantности): «Эти красоты такого рода, что они не показывают себя, их нужно чувствовать. Здесь я-не-знаю-что, что нас очаровывает и без чего красота не имела бы ни очарования, ни самой красоты» [21, р. 316].

Эстетическая рефлексия классицистов, безусловно, предполагает внерациональную «гениальность», «я-не-знаю-что», «вкус». Так, Рапен отмечал, что «тайне, как понравиться» невозможно обучить: «Еще в Поэзии, как и в прочих искусствах, есть некоторые невыразимые вещи, которые невозможно объяснить: эти вещи подобны тайнам. Не существует никаких заповедей, чтобы преподать эти секретные прелести, эти неуловимые чары и все эти скрытые от Поэзии украшения, которые проникают в сердце» [22, р. 93]. Буало начинает свой трактат «Поэтическое искусство» утверждением таланта как базовой необходимости:

Но, знайте, лишь тому, кто призван быть поэтом,
Чей гений озарен незримым горным светом,
Покорствует Пегас и внемлет Аполлон

[23, с. 55].

Общее место классицистической доктрины – утверждение необходимости надрационального природного дара, гениальности, которые для достижения совершенства должны быть дополнены правилами («Не обуздав себя, поэт писать не может» [23, с. 58]), здравым смыслом, тщательной работой:

Смешон тот рифмоплет,
Что по наитию строчить стихи начнет
[23, с. 62].

Спешите медленно и, мужество утруя,
Отделяйте стих, не ведая покоя,
Шлифуйте, чистите, пока терпенье есть:
Добавьте две строки и вычеркните шесть
[23, с. 63].

Рапен рассуждает об итальянских авторах XVI в., которые, по его мнению, слишком полагались на силу своего природного дара; он противопоставляет логику их творчества горациевской и аристотелевской: «Какое огромное количество ошибок совершали Петрарка в своей “Поэме об Африке”, Ариосто в своем “Неистовом Орландо”, кавалер Марино в “Адонисе” и все прочие итальянцы, которым были неведомы правила “Поэтики” Аристотеля, поскольку они не руководствовались ничем иным, кроме собственного таланта и каприза» [22, р. 24]). Рапен, признавая приоритет гениальности («можно стать оратором, будучи лишенным естественности в красноречии, поскольку искусство может восполнить недостаток природы. Но нельзя быть поэтом, лишенным дара: пустое место ничего не сумеет заменить <...>. Тот счастлив, кому природа преподнесла такой подарок» [22, р. 11]), признает: «Суждение без природного дара является холодным и немощным, но природный дар без суждения является нелепым и слепым» [22, р. 3]. Основой классицистического идеала оказывается необходимость контроля суждения (*judicium*) над природным даром (*ingenium*): «Человек, наделенный превосходным талантом, останавливается в точности там, где требуется остановиться, и отважно отсекает все то, что следует отсечь» [22, р. 35].

Для теоретиков классицизма было очевидно, что цель понравиться и вызвать восхищение недостижима при помощи только лишь культивированного в произведении правдоподобия и строгого следования единствам (Буало: «Найдите путь к сердцам: секрет успеха в том, // Чтоб зрителя увлечь взволнованным стихом» [23, с. 77]). «Чудесное» оказывается неотъемлемым атрибутом высоких жанров – прежде всего эпической поэмы (Боссю: «...эпопея есть искусно придуманная речь, предназначенная, чтобы формировать нравы путем скрытого наставления в виде аллегорий важного действия и изложенная в стихах правдоподобным, развлекательным и чудесным образом» [20, р. 14]; Буало: «Еще возвышенней, прекрасней эпопея. //

Она торжественно и медленно течет, // На мифе зиждется и вымыслом живет. // Чтоб нас очаровать, нет выдумке предела» [23, с. 83]; Рапен: «...фабула должна иметь еще два качества, чтобы быть совершенной: она должна быть чудесной и правдоподобной» [22, р. 51]).

Обратим внимание, как представление о чудесном претерпело важное изменение: если до 1660-х гг. (Шаплен, д’Обиньяк) оно реализовывалось в русле *inventio* (нахождения материала), то впоследствии почти исключительно на уровне *elocution* (словесного выражения), т. е. как украшение или же «орнамент» текста – элемент стиля, который нужен для того, чтобы скрасить сухость правдоподобия (Рапен: «Одно лишь правдоподобие слишком темно и немощно для поэзии, но одно только чудесное содержит слишком блеска» [22, р. 52]; «Чудесным является все, что против обычного хода природы. Правдоподобным является все, что соответствует общественному мнению» [22, р. 53]). Для Буало вымысел важен именно из-за своей декоративной функции:

Мы холодны душой к нелепым чудесам
[23, с. 78].

Прекрасных вымыслов плетя искусно нить,
Эпический поэт их может оживить
И, стройность им придав, украсить своевольно:
Невянущих цветов вокруг него довольно <...>
Без этих вымыслов поэзия мертва,
Бессильно никнет стих, едва ползут слова,
Поэт становится оратором холодным,
Сухим историком, докучным и бесплодным
[23, с. 84–85].

Отрицание нелепостей, связанных с магией и превращениями, а также запрет на изображение в таком контексте христианских сцен приводили к тому, что сфера чудесного оказалась ограничена исключительно греко-римской мифологией. Буало и Рапен в связи с этим начинают активно развивать категорию «возвышенного», которая соотносится с неведомым, «я-не-знаю-что» и фиксирует наличие надрациональной привлекательности текста. Возвышенное – признак, который не может быть адекватно объяснен с позиции разума, это интенсивное переживание, которое невозможно достичь посредством традиционных риторических построений.

В 1674 г. Буало издал не только трактат «Поэтическое искусство», но также перевод (начатый его братом Жилем, скончавшимся в 1669 г.) «Трактата о возвышенном» греческого

ритора псевдо-Лонгина (I–III вв., первое изд. в 1554 г.), который в оригинальном виде был знаком Шаплону. Перевод и предисловие к трактату в значительной мере как раз смягчают норматизирующий пафос «жандарма Парнаса». Заметим, что сам Лонгин понимал возвышенное как вмешательство неожиданного: «Цель возвышенного не убеждать слушателей, а привести их в состояние восторга, так как поразительное всегда берет верх над убедительным и угождающим; поддаваться или сопротивляться убеждению – в нашей воле, изумление же могущественно и непреодолимо настолько, что воздействие его происходит помимо нашего желания. Мастерство в нахождении материала и стройный порядок в его расположении с трудом обнаруживаются только во всем произведении, но не в отдельных его частях. Возвышенное же при его удачном применении, подобно удару грома, ниспровергает все прочие доводы, раскрывая сразу же и перед всеми мощь оратора» [24, с. 6].

Классицистическая рефлексия была направлена на теоретизацию вокруг разума и здравого смысла, совершенно не исключавшую при этом невыразимое, возвышенное и вполне тассовское «изумление» (тот же Шаплен упоминает об этом эффекте в предисловии к «Адонису» Марино, а также в «Рассуждении о показывающей поэзии», произнесенном во Французской Академии в 1635 г.). Вариантом изумления как раз и выступило «возвышенное», которое Буало не смешивает с высоким стилем: «Возвышенный стиль всегда требует высоких слов; но возвышенное можно найти в одной мысли, в одной фигуре, в одном обороте речи» [21, р. 338]; у читателя возникает ощущение, что произведение «его возвышает, радует, возносит».

В 10-й части своих «Критических размышлениях о некоторых местах из сочинений ритора Лонгина» (1693–1694) Буало замечает, что «возвышенное» часто состоит в «самой простой манере речи», а в трактате «О великом и возвышенном в природе и различных человеческих состояниях» (1686) Рапен указывает, что иррациональность возвышенного обретается именно при помощи отказа от правил: «Идея совершенства находится над всеми прочими идеями и заключается в возвышенности, о котором искусство и природа ничего не ведают, поскольку она превышает всех

их правил: и человек, будучи с ограниченными сердцем и разумом, способным только лишь на заурядные вещи, не смог бы придумать ничего прекрасного, не поднявшись над самим собой, а также впоследствии удивившись этому. Лонгин прав, когда говорит, что Возвышенное в речи, как его описывают, имеет обыкновение вызывать в том, кто его обнаруживает, восхищение, смешанное с удивлением и изумлением, которые, изменяя душу, радуют ее, восхищают и поднимают» [25, р. 9].

Наши исследования показали, что классицистическая эстетика, таким образом, допускает неопределяемое и невыразимое в качестве одного из своих оснований наряду с постулированием разума, здравого смысла, правдоподобия и единства. Тот же Буало в «Рассуждении об оде» (1693, предпослана «Оде на взятие Намюра»), приводя в пример Пиндара, который «выходит за пределы рассудочности», утверждает важнейшее правило – игнорировать правила: «...наставление, полагающее правило не всегда следовать правилам, выражает тайну искусства, которую нелегко растолковать человеку без всякого вкуса» [8, с. 266].

Список литературы

1. История французской литературы : в 4 т. Т. 1 : С древнейших времен до революции 1789 г. / под ред. И. И. Анисимова, С. С. Мокульского, А. А. Смирнова. М. ; Л. : АН СССР, 1946. 812 с.
2. Bunner Ю. Б. Формирование классицизма во французской поэзии начала XVII века. М. : Изд-во МГУ, 1967. 543 с.
3. Обломиевский Д. Д. Французский классицизм. М. : Наука, 1968. 375 с.
4. Бояджиев Г. Н. Мольер. Исторические пути формирования жанра высокой комедии. М. : Искусство, 1967. 555 с.
5. Сигал Н. А. Пьер Корнель: 1606–1684. Л. ; М. : Искусство, 1957. 123 с.
6. Сигал Н. А. Мольер. Л. : [б.и.], 1958. 39 с.
7. Литературные манифесты западноевропейских классицистов / под ред. Н. П. Козловой. М. : Изд-во МГУ, 1980. 617 с. (Университетская библиотека). EDN: VWKLG7
8. Спор о древних и новых : сб. : пер. с фр. / сост., вступит. ст. В. Я. Бахмутского. М. : Искусство, 1985. 471 с. (История эстетики в памятниках и документах).
9. Bury E. Le classicisme. L'avènement du modèle littéraire français. 1660–1680. Paris : Nathan, 1993. 128 p.

10. Zuber R. Les émerveillements de la raison: Classicismes littéraires du XVIIe siècle français. Paris : Klincksieck, 1997. 321 p.
11. Стендаль. Расин и Шекспир // Стендаль. Собр. соч. : в 12 т. Т. 7. М. : Правда, 1978. С. 215–362. (Библиотека «Огонек». Библиотека зарубежной классики).
12. Stenzel H. Le “classicisme” français et les autres pays européens // Histoire de la France littéraire : 3 t. T. 2. Classicismes : XVIIe – XVIIIe siècle / dirigé par J.-Ch. Darmon, M. Delon. Paris : PUF, 2006. P. 39–77.
13. Peyre H. Qu’est-ce que le classicisme? Paris : Klincksieck, 1965. 313 p.
14. Borgerhoff E. B. O. The Freedom of French Classicism. Princeton : Princeton University Press, 1950. 266 p.
15. Brody J. Boileau and Longinus. Genève : Droz, 1958. 164 p.
16. Brody J. Lectures classiques. Charlottesville : Rookwood Press, 1996. 370 p.
17. Rousset J. La littérature à l’âge baroque en France: Circé et le paon. Paris : J. Corti, 1954. 316 p.
18. Dandrey P. Les deux esthétiques du classicisme français // Littératures classiques. 1993. № 19. P. 145–170. <https://doi.org/10.3406/licla.1993.1744>
19. Bouhours D. Les entretiens d’Ariste et d’Eugène. Paris : J. Le Jeune, 1671. 474 p.
20. Le Bossu R. Traité du poème épique. Paris : Michel Le Petit, 1675. 646 p.
21. Boileau N. Œuvres complètes. Paris : Gallimard, 1966. 1315 p.
22. Rapin R. Les réflexions sur la poétique de ce temps et sur les ouvrages des poètes anciens et modernes. Paris : Claude Barbin, 1674. 172 p.
23. Буало Н. Поэтическое искусство / пер. Э. Линецкой. М. : Гослитиздат, Ленингр. отд-ние, 1957. 231 с. (Памятники мировой эстетической и критической мысли).
24. О возвышенном / пер. Н. А. Чистяковой ; отв. ред. Ф. А. Петровский. М. ; Л. : Наука, 1966. 148 с. (Литературные памятники).
25. Rapin R. Du grand ou du sublime dans les mœurs et dans les différentes conditions des hommes. Amsterdam : Pierre Mortier, 1686. 130 p.

Поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024;

принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 15.10.2024;

accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 174–179

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 174–179

<https://bonjour.sgu.ru>

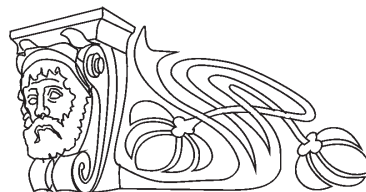
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

Научная статья

УДК 821.111.09-1+821.161.1.09-1+929[Жирмунский+Байрон+Пушкин]

«Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. В 1917–1921 гг., будучи профессором романо-германского отделения недавно открытого (1914) Саратовского университета, молодой Виктор Максимович Жирмунский преподавал общий курс западной литературы и вел семинар «Байрон и его литературные современники». В письме к Б. Эйхенбауму от 29 июля 1918 г. Жирмунский делится с другом планом будущей докторской диссертации о поэтике Байрона и намерением пока сосредоточиться на «большом экскурсе», выросшем из его семинарских занятий, – на исследовании «байронических поэм» Пушкина. По возвращении в Ленинград задуманная и во многом созданная в Саратове книга «Байрон и Пушкин» (1924) была принята в качестве докторской диссертации автора, стала золотым стандартом компаративного литературоведения и переиздается по сей день. Монография рассматривается как методологический прорыв, обеспеченный совмещением традиционного литературоведения с идеями оформлявшегося в тот момент русского формализма. Система доказательств Жирмунского покоится на его доскональном знакомстве с историей русской романтической поэмы, на строгом следовании за текстом. Смелый по тем временам шаг – полное исключение биографических и психологических аспектов из исследования – позволяет ученому вскрыть, что именно заимствуется при литературном контакте с иноязычным источником: мотивная структура, композиционные приемы, формы проявления лирического начала, короче говоря, жанровая модель. Показано, что компаративистские наработки В. М. Жирмунского позволяют видеть в нем раннего предшественника концепций «смерти автора» и интертекстуальности.

Ключевые слова: В. М. Жирмунский, «Байрон и Пушкин» (1924), ранний формализм, сравнительное литературоведение, Саратов

Для цитирования: Кабанова И. В. «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 174–179. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Byron and Pushkin by V. M. Zhirmunsky

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. In 1917–1921, being the first Professor of World Literature at the recently (1914) opened Saratov University, young Victor M. Zhirmunsky taught general courses in World literature – and seminar “Byron’s Contemporaries in Literature”, which concentrated on literary sources for Byron’s poems and their influence on Russian poetry. Zhirmunsky’s letter to B. Eichenbaum of July 29, 1918 contains an outline of his idea for a doctoral thesis on Byron’s poetics with “a long excursion” based on the seminar’s work – a research into “Byronic” Pushkin’s poems. Presented upon his return to Leningrad as his doctoral thesis, *Byron and Pushkin* (1924) proved to set the golden standard in comparative literary studies and to this day is in print. The book is analyzed as a methodological breakthrough, a combination of the approach of academic literary history with the emerging ideas of Russian formalism. Zhirmunsky’s arguments are backed up by his exhaustive reading of Russian Byronic poems, by his following his texts. His bold for the period exclusion of biographical and psychological aspects from his analysis allows him to demonstrate what exactly is transferred from the source to recipient text: the motive structure, narrative construction, ways of manifestation of the author’s position – in short, the genre model. Specifically, Zhirmunsky is shown to be an early forerunner of the concepts of the death of author and intertextuality.

Keywords: V. M. Zhirmunsky, *Byron and Pushkin* (1924), early formalism, comparative literary studies, Saratov

For citation: Kabanova I. V. *Byron and Pushkin* by V. M. Zhirmunsky. *Izvestiya of Saratov University. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 174–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-174-179>, EDN: JPGZMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первый профессор кафедры романо-германской филологии Саратовского университета, фактический ее создатель – академик В. М. Жирмунский (1891–1971). Его обширное творческое наследие продолжает привлекать внимание исследователей. О Жирмунском выходят книги мемуарно-биографического характера [1], ему посвящаются научные конференции [2] и специальные номера и разделы журналов [3–5], он широко фигурирует в книгах по истории отечественной филологической науки XX в. [6, 7]. На смену сухим биографическим справкам с перечислением десятка из сорока его книг, докторских степеней, присужденных ему ведущими мировыми университетами после публикации «Немецкой диалектологии» (1956) в немецком переводе (1962), приходит осмысление подлинных масштабов личности ученого и его вклада в мировую науку. Жирмунский предстает не только «отцом» отечественной германистики, но уникальным ученым, равно свободно чувствовавшим себя в литературоведении, языкознании, диалектологии, в фольклористике, определяется его место как методолога гуманитарного знания. «Современник и участник», говоря словами Д. С. Лихачева, двух русских революций и всей драматической истории России XX в., он сегодня вырисовывается как один из самых значительных отечественных филологов.

Будучи на два года старше В. Б. Шкловского, на три – своего троюродного брата Ю. Н. Тынянова, на четыре – М. М. Бахтина, на пять лет – старше Б. М. Эйхенбаума (в эпоху исторических катаклизмов эта небольшая разница в возрасте окажется столь же важна, как особенности личности), Жирмунский сразу после окончания романо-германского отделения Санкт-Петербургского университета в 1912–1913 гг. успел пройти стажировку в университетах Берлина, Лейпцига, в 1915 г. стал приват-доцентом, с 1916 г. начал читать общий курс в своей alma mater. То есть в сравнении с более молодыми «формалистами» он успел в большей мере впитать традицию академической, университетской филологии, которая его, впрочем, далеко не удовлетворяла. Его ранние занятия немецким романтизмом были внутренне созвучны его представлениям о литературе и литературоведении как особой форме познания, противостоящей плоскому позитивизму XIX столетия, как о мистическом поиске целостности жизни, целостности духа. Поэтому в момент

зарождения ОПОЯЗа Жирмунский увидел в его пафосе созвучность собственным потребностям и разделил те положения формалистов, что касались внимания к слову и конструктивному приему при постижении литературы.

Однако довольно скоро выявились и расхождения. Так, Ю. Н. Тынянов видел в позиции Жирмунского и Виноградова, привносивших в «чистый» анализ поэтического языка широкие историко-литературные категории, «правое крыло» формализма [8, с. 139]. Ближайший друг молодости, Эйхенбаум, уже в письме от 19 октября 1921 г. упрекал его в недостатке «фанатизма» в следовании идеям ОПОЯЗа: «Для меня несомненно, что Опояз, и в частности – Шкловский, сыграли в твоей научной работе очень большую роль. Но с другой стороны, ты не пережил никакого перелома – это верно, и здесь-то мы с тобой и разошлись. Ты принял, усвоил кое-что, прибавив это к тому, что ты сам прежде думал и делал. И вот это-то твое сопротивление, это желание сохранить свое прошлое, свою самостоятельность пугает меня в тебе и вызывает иногда раздражение. Я – несколько фанатик и, может быть, этим тоже иногда раздражаю тебя. Но тут ничего не сделаешь – и меня пугает, что в тебе мало фанатизма» [9, с. 314]. Впрочем, история взаимоотношений Жирмунского с ОПОЯзом изучена уже достаточно подробно [10–14]. Можно сказать, что Жирмунский оказался самым взвешенным и умеренным из русских формалистов. В исторической перспективе, когда основные бои вокруг формализма и структурализма давно отгремели, именно позиция Жирмунского, его синтез академической широты и нового понимания задач науки о литературе, выглядит наиболее соответствующим стержневой линии развития литературоведения XX в. Посмотрим, как этот синтез осуществляется в его раннем труде, который был задуман и частично осуществлен в Саратове, – в монографии «Байрон и Пушкин» (1924).

Внешние обстоятельства пребывания Жирмунского в Саратове наиболее полно воссозданы в работе профессора А. И. Авруса (1930–2017) «Петербургские академики В. М. Жирмунский и Б. П. Никольский в Саратове» [15], к которой надо бы добавить материалы переписки с Константином Васильевичем Мочульским. В Саратов Жирмунского пригласил первый декан историко-филологического факультета С.Л. Франк, и работалось ему в Саратове в

1917–1919 гг. хорошо. Аврус перечисляет курсы и семинарии, которые 26-летний профессор вел для студентов, его публичные лекции, которые становились событиями в культурной жизни Саратова. Его друзей и единомышленников по Санкт-Петербургу разбросали годы революции и Гражданской войны; он поддерживает с ними активную переписку и старается помочь, зовет в Саратов Эйхенбаума, Мочульского, А. А. Смирнова. В мае 1918 г. К. В. Мочульский пишет Жирмунскому, что по его совету он подал документы на конкурсное место профессора-романиста в Саратовский университет: «Боря Эйхенбаум, узнав о моем решении, очень загрустил, что ему приходится уезжать в Томск, а не в Саратов. Мы с ним размечтались и рисовали изумительные картины жизни втроем. Действительно, если бы еще он был с нами – мы бы завоевали всю науку» [16, с. 416]. Молодому Мочульскому в Саратове предпочли более заслуженного романиста из Москвы, профессора Николая Сергеевича Арсеньева; Мочульский же позже попал через Одессу в Софию и Париж.

Эйхенбаум добрался «к дорогому Вите» в Саратов осенью 1918 г. Остановился он на квартире Жирмунского, которую тот снимал в доме Самойлова, на углу нынешних улиц Мичурина и Соборной. Эйхенбаум выступил с докладом на заседании Научного общества Саратовского университета. В том же 1918 г. в Саратове оказался на недолгое время и В. Б. Шкловский, правда, на нелегальном положении. После июльского разгрома партии эсеров, к которой он принадлежал, Шкловский по чужому паспорту укрывался какое-то время в Саратове и Аткарске, все это время работая над статьей «О связи приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» [17, с. 206–215]. Все эти подробности характеризуют то непредсказуемое время, но романтической утопии научно-творческого братства на берегах Волги, поодаль от охваченных революцией столиц, не суждено было осуществиться. В подобной атмосфере, с полной преподавательской нагрузкой и затрудненным доступом к научной литературе, Жирмунский активно занимается германистикой, стиховедением, Байроном и Пушкиным.

Саратовские годы – это по продуктивности и разнообразию интересов даже для Жирмунского с его невероятной трудоспособностью своего рода период «бури и натиска». Анналы Саратовского университета далеко не отражают всего диапазона написанного в эти годы. Он

публикуется в Саратове и в Петрограде, продолжает стиховедческие работы на материале акмеизма, написаны «Задачи поэтики», он рецензирует литературно-критические новинки. Самый обширный его труд этих лет, «Байрон и Пушкин», органично вырос из предшествующих научных интересов Жирмунского.

Еще в свои студенческие годы он посещал, помимо занятий на романо-германском отделении, пушкинский семинарий Семена Афанасьевича Венгерова. В предреволюционном Петрограде он стал известен, прежде всего, благодаря его анализу поэзии акмеистов [18]. В свой первый преподавательский год приват-доцентом, в 1916–1917 уч. г., Жирмунский читал общий курс «История английской поэзии в сентиментально-романтическом веке (1725–1825)» (профессора в Санкт-Петербурге общих курсов тогда не читали, только спецкурсы и вели семинарии). Оказавшись в Саратове в 1917 г. единственным преподавателем романо-германской филологии, Жирмунский читал общий курс западной литературы XVIII–XIX вв. и вел семинарий «Байрон и его литературные современники». Так что его вторая диссертация органично вырастает из всех предыдущих научных занятий: европейский романтизм, Байрон как его ключевая фигура, творчество Пушкина, стиховедение. К этому приложились вспыхнувший в нем в саратовский период интерес к трудам Александра Николаевича Веселовского и новый подход к произведению литературы, вырабатывавшийся в живом общении с Эйхенбаумом и в заочном – с деятелями ОПОЯза.

Разумеется, этот подход не абсолютно нов, восходит к трудам Адольфа Гильдебранда, Отто Вальцеля, Бродера Христиансена, которые всем им были прекрасно знакомы; но только в русском формализме, возраставшем в революционный период, этот кризис классического литературоведения, эта неудовлетворенность импрессионистической критикой была доведена до логического конца, выстроилась в самую стройную систему категорий: материал – форма, поэзия – проза, доминанта, прием. Основоплагающие работы по формализму Шкловского вызывающе-парадоксальны, Эйхенбаума – обаятельно-артистичны; Жирмунский придерживается другого тона. В «Задачах поэтики» (1921), еще одной его саратовской книге, пафос отношения к литературным штудиям как к новой форме жизнестроительства умеряется точностью формулировок и логикой аргументации. Произве-

дение литературы, считает Жирмунский, более точно описывается не привычными методами исторической или социологической критики, а как некое конструктивное целое (тогда не пользовались термином «структура»), которое должно быть сначала понято как единство составляющих его элементов. Только после того, как выявлено соотношение между элементами произведения, набор и функционирование его художественных приемов, эти элементы могут быть соотнесены с внелитературным рядом, с социально-историческими смыслами. Такая процедура гарантирует от вчитывания исследователем в текст произвольных значений. И понимая поэтику как «науку о поэтическом искусстве» [19, с. 15], не как историю идей или эмоциональное «проникновение в образ», а, прежде всего, как постижение искусства слова, инструментом для построения поэтики Жирмунский называет «художественно-исторический метод» [20, с. 16]. Возможности и границы применения этого метода он и испытывает в монографии «Байрон и Пушкин».

Как он сам неоднократно говорил, книга выросла из замысла большой работы о Байроне. Письмо Жирмунского к Эйхенбауму от 29 июля 1918 г.: «Этим летом я усиленно работаю над книгой о поэтике Байрона (докторской диссертацией), где я хочу рассмотреть отношение Байрона к поэтической традиции английского сентиментализма и романтизма: 1. Генезис его лирического стиля по юношеским стихам; 2. “Чайльд-Гарольд” и описательная поэма XVIII века; 3. Лирическая поэма Б<айро>на и ее происхождение из поэмы-баллады Кольриджа и Вальтера Скотта; 4. Байронический герой и герой “страшных романов”. I глава составляла, в общей форме, предмет моего доклада в основанном здесь при университете, под председательством Франка, философско-историческом обществе, а за лето я закончу детальную разработку этой главы. Теперь приступаю к большому экскурсу, который у меня выделился из темы моей книги, и отчасти благодаря работам в семинарии, – о “байронических поэмах” Пушкина. Думается, что вопрос о влиянии Байрона на Пушкина должен быть перенесен, как весь вопрос о влиянии поэта на поэта, из области мировоззрения и психологии человека-Пушкина в область художественного воздействия, главным образом в смысле особенностей формы лирической поэмы, воспринятых Пушкиным у Байрона» [9, с. 303].

От первоначального замысла в «Байроне и Пушкине» воплотился только «большой экскурс». Видно, как по ходу исследования выковывается методология – автор постоянно дает в основном тексте краткие размышления методологического характера. В духе становящегося формализма Жирмунский понимает влияние исключительно как традицию поэтических приемов, ограничиваясь имманентным литературным рядом. Не собираясь последовательно и детально рассматривать обе части книги – сопоставление жанровой матрицы байронической поэмы с «южными поэмами» Пушкина в первой части и усвоение через Пушкина байронической традиции в русской романтической поэме во второй части, – ограничимся тезисами методологического характера.

Во-первых, книга по-новому ставит проблему литературных влияний, их распространения и усвоения. В традиционной компаративистике, восходящей к братьям Гримм, в центре внимания исследователя стоял источник влияния, описывалось исходное произведение, его автор, его место в национальной традиции, а авторы и произведения, подвергшиеся влиянию, очевидно содержащего черты сходства с – сегодняшним языком говоря – претекстом, просто перечислялись. У Жирмунского впервые источник и объект влияния рассматриваются с равным вниманием, равно глубоко вписываются в контекст эпохи и подвергаются равно виртуозному стилистическому анализу. От позитивистской констатации фактов сходства Жирмунский в результате переходит к раскрытию уникальных в каждом случае факторов, которые превращают «влияние» из копирования приема в творческое усвоение, в диалог, в котором позаимствованные художественные приемы начинают функционировать в новом целом иначе, чем в источнике влияния. В саратовские годы Жирмунский по-настоящему открывает для себя идеи А. Н. Веселовского о закономерностях исторической поэтики, о механизмах литературных контактов; готовится почва для его будущей концепции трех типов сравнительно-исторических исследований: историко-типологического, историко-генетического и контактного.

Во-вторых, совершенно новым для диссертационного исследования было исключение из него биографического и психологического элементов, шаг весьма смелый. «Душа Байрона» и «душа Пушкина» для исследователя – неизвестные величины, нерелевантные для

компаративного анализа. Это та же логика, которую полвека спустя обнаружит Ролан Барт в концепции «смерти автора». Рассуждая о том, что в литературе влияют и усваиваются не тематические комплексы или отдельные образы, а исключительно жанровые модели и мотивы, которые трансформируются в процессе переноса в новый язык, в новую литературную традицию, Жирмунский перекликается и с бахтинским утверждением о том, что главным героем литературного процесса являются жанры.

В-третьих, особенно актуально звучит полемика автора с теми, в ком обостренное национальное чувство ведет к отрицанию не только влияния Байрона на Пушкина, но и влияния западных литератур на русскую литературу. В книге содержится всего несколько весьма сдержанных замечаний, в каждом случае конкретно опровергающих тех пушкиноведов-предшественников, которые настаивали на независимости «южных поэм» от «Восточных поэм» Байрона, на том, что не было никакого перелома в творчестве Пушкина от «Руслана и Людмилы» к «Кавказскому пленнику», и даже ставивших под сомнение факт знакомства Пушкина с поэмами Байрона. «Байрон и Пушкин» закладывает в этом смысле фундамент для итоговой работы Жирмунского по этой проблеме, «Пушкин и западные литературы», которая была опубликована в 1937 г. во «Временнике Пушкинской комиссии». Там Жирмунский, опираясь на самоопределение Пушкина как «министра иностранных дел на русском Парнасе» [21, с. 99], выделяет французский и английский этапы его творчества, раскрывает историю преодоления Пушкиным байронизма и его перерождения с Байрона на Шекспира и Вальтера Скотта.

Последнее, что стоит отметить в методологическом плане, – такие специальные аспекты анализа, как приемы композиции, способы проявления лирического начала, характерные мотивы, жанровые трансформации, ведут у Жирмунского к уяснению самой сути новаторства Байрона и Пушкина, различий в их творческих задачах. В результате Жирмунский дает понимание творческих личностей двух поэтов куда более глубокое, чем это возможно сделать при их монографическом анализе.

Вторая часть книги, «Из истории русской романтической поэмы», является исключительным образцом жанрового подхода к литературе. Жирмунский исследует всю толщу литера-

турного процесса: он выявил при сплошном просмотре русской типографской продукции 1820-х–1850-х гг. свыше 200 законченных и фрагментарных произведений в жанре романтической поэмы, показав, что жанровая модель наглядней всего проявляется при ее тиражировании, не в работах гениев, а в работах эпигонов. Эта часть вырастает из опыта саратовского байроновского семинария Жирмунского, но очевидно, что написана она была уже при доступе к фондам Российской публичной библиотеки после его возвращения в Петроград, где он изучил *de visu* полные комплекты русских журналов периода.

«Байрон и Пушкин», представленная в 1924 г. в качестве докторской диссертации и полностью соответствующая академическим нормам письма той поры, в дальнейшем – в отличие от других ранних книг Жирмунского – не ставилась ему в упрек в ходе разного рода «проработочных» кампаний за идеологическую чистоту советского литературоведения. Доступ к постструктуралистским теориям интертекстуальности, к Ролану Барту и Юлии Кристевой, появился у нас только в восьмидесятих годах XX в., а к англоязычным работам по интертекстуальности и принципам формирования литературного канона и того позже. Следует признать, что при всей эффектности эти общепризнанные работы критической теории не отменили компаративистского подхода в том виде, как он разработан Жирмунским. Сильные стороны Жирмунского – широта привлекаемых материалов, тщательность стилистического анализа текстов, обоснованность и взвешенность выводов – и сегодня являются образцом литературоведческого исследования.

За сто лет, прошедших с момента публикации монографии В. М. Жирмунского, сменился язык литературоведения, но при всей терминологической разнице продолжает радовать тонкость и изящество анализа, лаконизм и выверенность теоретических положений. В итоге можно сказать, что в исполненной испытаний творческой судьбе Жирмунского благоприятное стечение обстоятельств в саратовские годы дало ему возможность создать книгу, которая, в отличие от многих литературоведческих работ, востребована по сей день. Ее переиздавали в немецком переводе в 1970 г. в Берлине с новым авторским предисловием, в 1977 г. – в составе семитомника «Избранных трудов» в Ленинградском отделении издательства «Наука».

В 2025 г. издательство URSS предлагает свое третье стереотипное издание этой классики литературоведения. Невозможно учесть количество ссылок на нее в работах славистов, историков романтизма, теоретиков жанра. Таким образом, век спустя «Байрон и Пушкин» В. М. Жирмунского сохраняет свежесть и значительность и наряду с трудами А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина продолжает провоцировать исследовательскую мысль в науке о литературе.

Список литературы

1. Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 400 с. (Филологическое наследие). EDN: VEPEUF
2. Язык. Литература. Эпос: к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского : сб. ст. / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Наука, 2001. 443 с.
3. Жирмунская-Аствацатурова В. В. Германия и немецкая культура в юношеских дневниках В. М. Жирмунского (1903–1905) // Русская литература. 2008. № 1. С. 80–98. EDN: ILHPRB
4. Тураев С. В. Мои встречи с В. М. Жирмунским // Русская литература. 2008. № 1. С. 99–104. EDN: ILHPRL
5. V. M. Žirmunskij // Russian Literature. 2012. Vol. 72, iss. 3–4. P. 271–602.
6. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 592 с., Т. 2. 704 с. EDN: QXGHLV
7. Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. С. Левченко, И. А. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672 с. EDN: ZFXSDZ
8. Тынянов Ю. Н. Рец. на: «Литературная мысль». Альманах II // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 139–141.
9. Переписка Б. М. Эйхенбаума с В. М. Жирмунским / публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум; вступ. ст. Е. А. Тоддеса; примеч. Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига : Зинатне, 1988. С. 256–330.
10. Чудаков А. П., Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Комментарии к статье «Проблемы изучения литературы и языка» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 530–536.
11. Светликова И. Ю. Истоки русского формализма: традиция психологизма и формальная школа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 168 с. (Интеллектуальная история).
12. Comtet R. V. M. Zhirmunskij (1891–1971) et le formalisme russe [V. M. Zhirmunsky and the Russian Formalism] // Slavica Occitania. 2007. Vol. 25. P. 205–224.
13. Дмитриева Е. Е. «Точно <ли> немцы от нас отстают?» Оскар Вальцель и Виктор Жирмунский (эпизод из истории русско-немецких научных связей) // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание / сост. Я. С. Левченко, И. А. Пильщиков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 115–132. EDN: ZGEFLX
14. Полубояринова Л. Н. О некоторых аспектах рецепции немецкого «эстетического направления» в отечественном литературоведении // Terra Aestheticae. 2018. № 2. С. 114–129. EDN: BWMKSD
15. Аврус А. И. Петербургские академики В. М. Жирмунский и Б. П. Никольский в Саратове // История Петербурга. 2002. № 6 (10). С. 16–19.
16. Лавров А. В. Тексты и комментарии. Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Нестор-История, 2018. 528 с. (Современная русистика, т. 7). EDN: GCUUDI
17. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М. ; Берлин : Геликон, 1923. 397 с.
18. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 106–133.
19. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика ; Избранные труды. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 408 с.
20. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 424 с.
21. Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии : в 5 т. / под ред. Ю. Г. Оксмана. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 66–103.

Поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 180–186

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 180–186

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KFJHCS

Научная статья

УДК 821.112.2.09-7|653|

Роль образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии

И. В. Петрушков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Петрушков Илья Владимирович, аспирант, ассистент кафедры романно-германской филологии и переводоведения, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Аннотация. В центре внимания статьи находятся особенности использования образов животных в смеховой литературе средневековой Германии. Материалом исследования служат следующие произведения: «Корабль дураков» («Das narren schyff», XV в.) Себастиана Бранта, «Обманутый муж» («Der verkêrte wirt», XIII в.) Герранта фон Вильдони, «Поп Амис» («Der pfaffe Ameis», XIII в.) Штрикера. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в данных произведениях образы животных являются важным элементом их сюжетной и композиционной организации. Наиболее часто средневековые немецкие авторы обращаются к образам собаки, осла, петуха, рыбы и обезьяны. Животные в Средние века считались низшими существами по отношению к человеку и могли восприниматься как помощники дьявола, поэтому их образы часто использовались для аллегорического изображения человеческих пороков и грехов. Зафиксированные в анализируемых произведениях образы животных обладают широким ассоциативным фоном, в котором находят отражение традиции как народной культуры, так и религиозно-церковной. Это объясняется тем, что мировоззрение средневекового человека основывалось на сочетании христианского учения и народной культуры. Неслучайно также, что лексемы, служащие наименованием большинства из представленных в настоящем материале животных, с течением времени, помимо прямого значения, приобрели переносное (метафорическое) и символическое значения. Результаты проведенного лексико-стилистического анализа позволяют выделить два основных способа использования образов животных при создании комического эффекта в изучаемых произведениях немецких средневековых авторов. Лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты стилистического приёма (сравнение, обыгрывание фразеологизма), который является дополнительным средством и усиливает комический эффект, созданный на уровне сюжета. В то же время лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты композиционного приёма (драматическая ирония). В данном случае образ животного участвует в создании комического эффекта в рамках целого произведения.

Ключевые слова: комический эффект, смеховая литература Германии, образы животных

Для цитирования: Петрушков И. В. Роль образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 180–186. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KFJHCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Animal symbolism and its role in creating comic effect in the satires of medieval Germany

I. V. Petrushkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ilya V. Petrushkov, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Abstract. This study aims to determine the role of animal symbolism in producing comic effect in the satires of medieval Germany. The following satires were taken for this study: “The ship of fools” (“Das narren schyff” 15th century) by Sebastian Brant, “A deceived husband” (“Der verkêrte wirt” 13th century) by Herrand von Wildonie and “Priest Amis” (“Der pfaffe Ameis” 13th century) by Der Stricker. The analysis allows to note that in these pieces the images of the animals are a significant element of the plot and composition structure. The medieval German authors most frequently use the images of the “hund” (dog), “esel” (donkey), “han” (rooster), “vishe” (fish) and “affe” (monkey). People of Middle Ages tended to assume that animals were inferior to people, could be thought to occasionally even have relationships with the Devil, therefore, animal symbolism in poetics helped to create allegory and picture people’s sins. Lexemes that denote animals in the analyzed satires contain a wide range of associations which reflects not only traditions of folk culture, but also those of church and religion. It is explained by the fact that the

worldview of a medieval person was based on the combination of Christianity and folk culture. It is no accident that the lexemes that name the majority of the animals represented in this study, acquired a figurative (metaphorical) and symbolic meanings on top of their literal meaning. The results of the lexical and stylistic analysis showed that there are two main ways of creating comic effect by using animal symbolism in the works of the medieval German authors. Lexemes that denote animals can be used as components of stylistic devices (comparison, playing upon a phraseological unit) which is a complementary tool and emphasizes the comic effect created on the level of the plot. At the same time, lexemes denoting animals can be used as components of composition (dramatic irony). In this instance the animal image takes part in creating the comic effect within the whole text.

Keywords: comic effect, humorous literature of Germany, animal images

For citation: Petrushkov I. V. Animal symbolism and its role in creating comic effect in the satires of medieval Germany. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 180–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-180-186>, EDN: KFJHCS This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Комическое как одна из основных эстетических категорий представляет интерес для человека на протяжении всей его истории. Об этом свидетельствуют, в частности, труды античных философов, таких как Демокрит, Аристотель, Платон. В более поздние периоды данное явление изучали Ф. Бэкон, Т. Гоббс, И. Кант, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, А. Бергсон, В. Раскин, М. Бахтин, В. Пропп, Ю. Лотман, Б. Успенский и многие другие мыслители (см. об этом [1–3]).

Основные подходы к изучению комического можно представить в виде ряда оппозиций: генетика – культура, биология – психология, общество – индивид, субъект – объект. В XX–XXI вв. на первый план вышли междисциплинарные исследования. В центре внимания современных исследователей находятся как объективная, так и субъективная стороны, как общественная, так и индивидуальная составляющие, как физиологические, так и психологические характеристики, как универсальные, так и национальные черты комического (см. об этом [1–3]).

Неслучайно поэтому, что комическое всё чаще становится объектом исследования представителей лингвокультурологического направления, в работах которых первостепенное значение приобретают вопросы, связанные с влиянием особенностей культуры того или иного народа на восприятие и средства репрезентации комического.

Целью настоящей статьи является изучение роли образов животных в создании комического эффекта в смеховой литературе средневековой Германии.

Средневековому мировоззрению было свойственно придавать символическое значение реалиям материального мира, в том числе и животным, населяющим землю. Большой популярностью в Средние века пользовались, например, бестиарии, в которых не только содержались зоологические описания животных, но и подробно объяснялась их символика. При

этом символическое значение животного могло меняться в зависимости от контекста. Этим обусловлена исключительная многозначность, присущая бестиариям, в которых одно и то же животное может использоваться для аллегорического изображения как положительных, так и отрицательных проявлений человеческой природы [4, с. 20–21].

В качестве материала нашего исследования были использованы следующие произведения: «Корабль дураков» («Das narren schyff», XV в.) Себастиана Бранта, «Обманутый муж» («Der verkêrte wirt», XIII в.) Герранта фон Вильдони, «Поп Амис» («Der pfaffe Ameis», XIII в.) Штрикера. Стоит подчеркнуть, что указанные произведения принадлежат к разным этапам существования немецкой смеховой литературы, поэтому мировоззрения, отражённые в анализируемых произведениях, отличаются друг от друга. «Обманутый муж» Герранта фон Вильдони и «Поп Амис» Штрикера относятся к городской литературе позднего Средневековья. «Корабль дураков» Себастиана Бранта принадлежит эпохе становления немецкого гуманизма. Глубокие социально-политические и экономические изменения, произошедшие в обществе в XIII–XV вв., оказали, разумеется, влияние и на характер немецкой смеховой литературы и, в частности, на усиление в ней сатирического начала. Однако благодаря преемственности, свойственной литературному процессу в целом, анализируемые произведения обладают рядом общих черт, к числу которых относится широкое использование образов животных как средства создания комического эффекта.

В рамках статьи термин «образ животного» понимается широко – как совокупность культурных представлений, которые могут быть актуализированы в тексте не только когда животное является элементом сюжетной структуры, но и когда в тексте присутствует только название животного.

Образы животных, встречающиеся в исследуемых произведениях, обладают широким ассоциативным фоном, в котором находят отражение разные традиции народной и христианской культур, восходящие к разным эпохам. Неудивительно поэтому, что многие из этих образов носят амбивалентный характер. Например, такое животное, как собака, в западно-европейской культуре ассоциируется с преданностью, поскольку оно с давних пор является верным спутником человека и помощником на охоте и в хозяйстве. Наряду с этим собака имеет ряд негативных ассоциаций, часть из которых берут свои истоки ещё в античном мире. Среди басен Эзопа, к сюжетам которых часто обращались средневековые авторы, можно выделить «Собаку и её отражение», где образ собаки является аллегорией жадности. В немецком языке существуют фразеологизмы, пословицы и поговорки с зоонимом *der Hund* (собака), которые обладают отрицательными коннотациями: *auf den Hund bringen* (разрушить что-л., разорить кого-л.), *etw. ist unter allem Hund* (всё очень плохо), *Hunde, die viel bellen, beißen nicht* (Собаки, которые много лают, не кусаются)¹.

Немецкий зооним *hund* (собака) можно встретить в сатирической поэме Себастиана Бранта «Корабль дураков». В одной из глав поэмы говорится о людях, способных привести с собой в церковь животных, в частности собаку, нарушив таким образом церковный уклад. Животные создают много шума, который мешает людям молиться. Люди начинают гоняться за животными, забыв о молитве: «*Wer vogel / hund / jnn kyrchen fñrt / Vnd ander lñt / am betten jrrt*» («Кто птицу / собаку в церковь приведёт / И остальным людям / молиться помешает»)²) [5] (здесь и далее выделено нами. – И. П.).

В библейской традиции с собакой сравниваются грешники, которых Царь Соломон называет глупцами: «Как *nёс* возвращается на блевотину свою, так *глупый* повторяет глупость свою» (Притч. XXVI, 11). Апостол Пётр сравнивает с животными лжеучителей: «Они, как бессловесные *животные*, водимые природою, рождённые на уловление и истребление, зловлея то, чего не понимают, в растлении своём истребятся» (2 Пет. II, 12).

¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Hund#1> (дата обращения: 22.09.2024).

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Комический эффект в поэме реализуется за счёт противопоставления таких лексем, как *betten* (молитвы), *syngen* (петь), которые обычно используются для обозначения звуков во время богослужения, и лексем *schrygen* (крики), *schellen* (шум), *eyn klappern* (стук), которые используются для обозначения звуков, издаваемых животными: «*Man darff nit fragen / wer die sygen / By den die hund jnn kylchen schrygen ... Vnd dñt syn schellen so erklyngen / Das man nit betten kan noch syngen / So muß man hüben dann die hætzen / Do ist eyn klappern vnd eyn schwætzen*» («Бессмысленно спрашивать / Кто от этого выиграет / Если собаки будут кричать в церкви ... / И будет раздаваться такой шум / Что невозможно будет петь молитвы / Придётся людям ловить животных / Будут слышны стуки и болтовня») [5].

Образ собаки является центральным компонентом сатиры, вокруг которого создаётся комический эффект. Объектом сатиры являются люди, которые бегают за животными, забывая о молитве.

Ещё одним образом животного, который часто встречается в немецкой смеховой культуре, является осёл. С древнейших времён осёл использовался как вьючное животное, помогая людям перевозить тяжёлый груз. Вместе с тем ослом традиционно называют глупого и неразумного человека. В немецком языке в семантической структуре существительного *der Esel* закрепилось переносное значение *Dummkopf* (дурак, глупец), которое в словаре приводится с пометой «бранное»³.

Осёл как символ одураченного человека используется в произведении Герранта фон Вильдони «Обманутый муж». Сюжет произведения заключается в том, что ночью мужу удаётся поймать любовника своей жены, но из-за темноты он не видит, кого он схватил. Жена просит мужа принести свечу. Пока муж ищет свечу, её любовник сбегает. Она хватает за уши осла и выдаёт его за пойманного негодяя. В данном случае в основе создания комического эффекта лежит такой приём, как драматическая ирония, поскольку читателю, в отличие от мужа, известно, что происходит на самом деле [6, с. 127].

Комический эффект ещё больше усиливается за счёт того, что обыгрывается значение фразеологизма *einen esel habt getân* (одурачить, выставить дураком), который встречается в речи

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Esel> (дата обращения: 22.09.2024).

обманутого мужа: «Als ir ûz dem man / einen esel habt getân» («И как вы из человека / сделали осла») [7, S. 206]. Сам муж использует слово *esel* (осёл) в его прямом значении, т.е. по отношению к животному, которое он видит перед собой. В результате фразеологизм контекстуально буквализируется. Вместе с тем здесь содержится намёк на мужа, которого одурачила жена, т.е. сделала из него осла.

Способность существительного *esel* передавать не только прямое, но и переносное значение используется в качестве средства создания комического эффекта и в романе Штрикера «Поп Амис», в одном из эпизодов которого Амис поспорил с епископом, что за тридцать лет он научит осла читать. Поп Амис требует привести ему этого осла: «Nu gebt mir einen esel her. / Den wil ich leren, sprach er» («Приведите мне осла / которого я обучу, сказал он») [8, S. 14].

Данное высказывание имеет иронический подтекст, так как в нем содержится скрытая насмешка над епископом, к которому относится слово *esel* в его переносном смысле. Важную роль в создании подтекста играет и глагол *lernen*, который в средневерхненемецком языке означает не только *передавать знания*, но и *поучать, делать выговор*.

В своей сатирической поэме «Корабль дураков» Себастиан Брант критикует тех священнослужителей, чей выбор профессии основывается не на желании служить Богу, а на желании разбогатеть. Автор высмеивает невежество молодых попов, которые знают о церковном укладе ровно столько, сколько осла об искусстве пения: «Des fyndt man yetz vil junger pfaffen ... / Wissen als vil von kyrchregyeren / alls müllers esel kan qwintyeren» («Можно встретить в наши дни много молодых попов ... / Которые знают о церковном управлении ровно столько же / Насколько осёл мельника может петь квинтами») [5].

В данном фрагменте используется сравнительный оборот *als ... alls* (столько, насколько), основными компонентами которого являются словосочетания *junger pfaffen* (молодые попы) и *müllers esel* (осёл мельника). Данные словосочетания вступают в отношения контраста, поскольку обозначают понятия, принадлежащие к разным сферам жизни, а именно: к церковно-религиозной, с одной стороны, и к бытовой, с другой.

Особое место среди значимых для немецкой культуры образов животных занимает образ

петуха. В христианстве петух символизирует солнце, свет, а также Иисуса Христа. Голос петуха пробуждает христианские души и защищает от нечисти, скрывающейся в ночной темноте [9, с. 211–212, 217–218, 220; 10, с. 132].

Стоит отметить, что одновременно с этим петух ассоциируется с сексуальностью и похотью [9, с. 226; 10, с. 132]. В немецком языке есть, например, фразеологизм *der Hahn im Korb* (петух в корзинке), который используется для обозначения мужчины, который не обделён женским вниманием и наслаждается этим [11, S. 91]. Подобного рода ассоциации, связанные с образом петуха, используются в произведении Штрикера «Поп Амис». Так, в одном из эпизодов романа поп Амис убеждает крестьянку в том, что он воскресил её петуха. Она верит в его святость и хочет подать ему милостыню. При этом прямо не говорится, каким образом крестьянка подаёт милостыню, но такие лексические единицы, как *han* (петух), *bejage* (добыча), *vor tage* (перед началом нового дня) указывают на сексуальный подтекст. Как только священник получает всё, что ему нужно, милостыня крестьянки становится добычей, с которой поп отправляется в путь перед началом нового дня, т.е. на рассвете после проведённой ночи в доме крестьянки.

Между образом священника и образом петуха как символом сексуальной энергии проводится параллель. Благодаря этой параллели лексические единицы *geben* (подавать), *oppher* (милостыня, жертва), *daz ewige leben* (вечная жизнь), которые обычно используются для описания религиозного ритуала, приобретают двусмысленный характер: «do sprach er: Liben swester min, / du hast ein oppher, daz gib mir ... / Ez ist din han, der dort stat» («И сказал он: Дорогая сестра моя / У тебя есть милостыня, которую ты должна мне подать ... / Это твой петух, который там сидит») [8, S. 56]; «in pat daz wip untz an die stunde, / daz er vil wol gunde, / swaz si dem herren wolden geben / umb daz ewige leben. / Mit dem selben bejage / hup er sich danne vor tage» («Его [мужа] упрашивала жена долго, / чтобы он дал согласие на то, / что хочет она Господу подать / для обретения вечной жизни») [8, S. 60].

Таким образом, лексические единицы, которые тематически относятся к церковно-религиозной сфере, приобретают контекстуальные значения и служат средством для выражения авторской иронии.

В смысловой структуре одного из эпизодов романа «Поп Амис» важную роль играет зооним *vishe* (рыбы). Рыба является одним из древнейших христианских символов. Рыба может символизировать как христиан, так и самого Иисуса Христа [12, с. 229; 13, с. 480–481]. Д. Разаускас отмечает двустороннюю природу символики рыбы в христианстве, которая может обозначать как Иисуса Христа, так и сатану [14, с. 431].

В рассматриваемом произведении есть эпизод, как попу Амису удалось хитростью заставить крестьянина и его жену дать ему денег. Он покупает живую рыбу и выпускает её в колодец, который находится недалеко от дома крестьянина. После этого Амис просит хозяев дома накормить его рыбой и уверяет, что им не нужно далеко ходить, поскольку их колодец полон свежей и вкусной рыбы. Крестьяне не догадываются об уловке священника. Они считают его святым и используют по отношению к нему такие лексемы, как *gotes bot* (посланник Божий) и *heilig* (святой): «er wer ein rehter gotes bot / und ein heiliger man» («он самый настоящий посланник Божий / и святой человек») [8, S. 66].

Лексема *vishe* в анализируемом произведении используется в своём общеупотребительном значении, в этом случае в её окружении встречаются такие лексические единицы, как *enpizen* (есть), *den tisch rihten* (накрыть на стол), *imbiz* (приём пищи, трапеза) и *gut* (вкусный). В данном случае актуализируется такой компонент значения лексемы, как *животное, которое пригодно для пищи*: «Do man enpizen wolde / und den tisch rihten solde, / do sprach der pfaffe Ameis: / Ir sult den ewigen preis / mit disem imbiz bejagen» («Когда захочется есть / Надо накрывать на стол, / и сказал поп Амис: / Вы получите вечное спасение благодаря этой трапезе») [8, S. 64]; «Si lebten schone unde wol. / Si waren groz unde gut» («Она [рыба] была полна жизни. / Она была большая и вкусная») [8, S. 66].

Символическое значение лексемы актуализируется за счёт использования в её ближайшем окружении слов, которые имеют отношение к церковно-религиозной культуре: *preis* (спасение души), *minne* (любовь в христианском смысле), *segen* (благословение) и *pfaffe* (поп): «do sprach der pfaffe Ameis: / Ir sult den ewigen preis / mit disem imbiz bejagen» («и сказал поп Амис: / Вы получите вечное спасение благодаря этой трапезе»); «Ir sult mir in der minne geben» («Из любви

к ближнему вы должны [накрыть на стол]»); «einen seggen er dar uber sprach» («Произнёс он слова благословения») [8, S. 64–66].

Таким образом, в рамках данного произведения поочерёдно актуализируются как общеупотребительное, так и символическое значения лексемы *vishe*, вследствие чего комический эффект, в основе которого лежит драматическая ирония, создаётся вокруг образа рыбы.

Для немецкой культуры важным является также образ обезьяны. В Средневековье люди воспринимали обезьяну как воплощение всего самого подлого, отталкивающего и дьявольского. Своим внешним видом и своими повадками обезьяна напоминает человека, она имитирует человеческое поведение. Латинское слово «*simius*» или «*simia*» (обезьяна) в Античности обладало не только прямым, но и переносным значением. На это указывает, например, прозвище Марка Фавония, римского политика и подражателя Марка Катона, «*Simius Catonis*» (обезьяна катонина) [15, с. 159, 191, 666]. С помощью латинского выражения «*ars – simia naturae*» (искусство – обезьяна природы) средневековые авторы обозначали «поддельность», «неистинность» произведений искусства [16, с. 127]. Способность обезьяны подражать поведению человека использовали в своих выступлениях средневековые бродячие музыканты и артисты. В крупных городах существовали даже специальные площадки для выступлений с обезьянами. В средневековой культуре обезьяна также ассоциировалась с глупостью [17, р. 86–88].

В указанном выше романе Штрикера содержится эпизод, в котором находчивый поп Амис одурачил торговца драгоценными камнями. Амис приводит торговца к врачу и убеждает того, что торговец – это его отец, который сошёл с ума. Торговец пытается доказать, что он не сумасшедший, но врач ему не верит.

Автор сравнивает торговца с обезьяной: «Sust shuf er, daz ein affe / uz einem manne wart / und gie mit im an die vart / und lie die steine hin tragen» («Он сделал так, что обезьяна / из человека получилась / и пошёл с ним на корабль / куда отнесли драгоценные камни») [8, S. 112]. Как обезьяна внешне напоминает человека, так и для персонажей произведения торговец только внешне остаётся человеком, вызывая смех у читателя.

Таким образом, актуализация компонентов ассоциативного фона лексемы *affe* усиливают комический эффект, созданный с помощью драматической иронии.

Образ обезьяны как символ глупости или безделья широко используется в «Корабле дураков» Себастиана Бранта. В произведении рассказывается о том, кто и как становится священнослужителем, и что интересы будущих священников лежат не в сфере духовного. Автор сравнивает неопытных попов с обезьянами: «Des fyndt man yetz vil *junger pfaffen* / die als vil können als *die affen*» («Можно встретить в наши дни много молодых попов / которые знают столько же, сколько и обезьяны») [5].

Источником данного сравнения является народная традиция. Совместное использование лексем *affe* и *pfaffe* встречается в немецких пословицах и поговорках, в которых существительное *affe* употребляется в переносном значении (дурак): *Affen und Pfaffen sind frei von Strafen* (Дураки и попы свободны от наказаний), *Alte Affen, junge Pfaffen, wilde Bären, soll niemand in sein Haus begehren* (Старых дураков, молодых попов, диких медведей не стоит звать к себе в дом). [18, S. 35; 19]. Широкому распространению данного сравнения способствовал, как можно предположить, тот факт, что в немецком языке лексемы *pfaffe* и *affe* рифмуются.

Комический эффект создаётся за счёт переноса сакрального в бытовой план, что подкрепляется широкой узнаваемостью данного сравнения для представителей средневекового общества Германии.

В основе сюжета в «Корабле дураков» лежит рассказ о группе людей, плывущих в страну Наррагонию, название которой образовано от немецкого слова *Narr* (дурак). На своём пути они хотят попасть во множество других стран. Одной из таких стран является страна *Schluraffen landt*: «wir faren vmb durch alle landt / Von Narbon jnn *Schluraffen landt*» («Мы плывём через все земли / От города Нарбонн до страны Шлараффия») [5].

Schluraffen landt (Шлараффия) – это страна с молочными реками и кисельными берегами, где ничего не нужно делать. В современном немецком языке есть слово *Schlaraffe*, которое происходит от средневерхненемецкого *sluraffe* (праздношатающийся бездельник), образованного путем объединения двух полных слов *slur* (бродяжничать, лентяйничать) и *affe* (обезьяна). Название страны *Schluraffen landt* указывает на желание путешественников попасть в страну ленивых обезьян, надеясь на то, что там наконец им не придётся трудиться [20].

Таким образом, с помощью названия страны, в котором одним из компонентов является лексема *affe*, высмеиваются глупость и безделье человека.

Результаты проведённого анализа показывают, что образы животных, такие как собака, осёл, петух, рыба и обезьяна, играют важную роль в создании комического эффекта в исследуемых произведениях немецкой смеховой литературы XIII и XV вв.

Указанные образы обладают широким ассоциативным фоном, сформированным традициями народной и церковно-религиозной культур. Благодаря этому в рамках изучаемых произведений актуализируются знания, значимые для представителей немецкой лингвокультуры.

В ходе исследования были выделены два способа использования образов животных при создании комического эффекта в анализируемых произведениях.

Лексемы, обозначающие животных, могут использоваться как компоненты стилистического приёма, например при обыгрывании фразеологизма или в составе сравнительного оборота. В таком случае роль образов животных как средств создания комического эффекта реализуется не на уровне целого произведения, а на уровне фрагмента произведения. В результате усиливается комический эффект, созданный с помощью композиционного приёма, например драматической иронии.

В то же время лексемы, обозначающие животных, могут использоваться и как компоненты композиционного приёма. В данном случае создаётся широкий контекст, который содержит в себе больший объём культурных ассоциаций. Это происходит благодаря тому, что лексема, являющаяся наименованием животного, может употребляться более одного раза в рамках целого произведения. В связи с этим её лексическое окружение может варьироваться, в результате чего актуализируются как прямое, так и переносное или символическое значения лексем. Как следствие, сам образ животного участвует в создании композиционного приёма.

Стоит отметить, что один и тот же образ животного может использоваться и как компонент стилистического приёма, и как компонент композиционного приёма в рамках одного произведения (образ осла в произведении «Обманутый муж»).

В исследуемых произведениях преобладают примеры с использованием образов животных (собака, осёл, петух, рыба) в качестве компонентов композиционного приёма.

Таким образом, благодаря своим свойствам образы животных могут использоваться не только как вспомогательные, но и как самостоятельные средства создания комического эффекта в художественном тексте.

Список литературы

1. Немкова А. Р. Проблемы исследования комического в лингвистике // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тезисов XIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 ноября 2019 г.) : в 7 т. Т. 2. Минск : БГУ, 2020. С. 141–146.
2. Бутовская М. Л., Козинцев А. Г. О происхождении юмора // Этнографическое обозрение. № 1. М. : ИЭА РАН, 1996. С. 49–53. EDN: RYESKB
3. Козинцев А. Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 143–162. EDN: RDTBIV
4. Махов А. Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 9 (30). С. 20–36. EDN: YOOKID
5. Brant S. Das Narrenschiff. Tübingen : M. Lemmer, 1962. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/15Jh/Brant/bra_n000.html (дата обращения: 19.06.2023).
6. Пави П. Словарь театра : пер. с фр. М. : Прогресс, 1991. 504 с.
7. Pfeiffer F. Deutsche Classiker des Mittelalters. Leipzig : F. A. Brockhaus Verlag, 1872. 358 S.
8. Der Striker. Der Pfaffe Amis. Stuttgart : Reclam, 2013. 206 S.
9. Шарбонно-Лассе Л. Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Т. 2. Ч. 9–17. М. : ТВ Велигор, 2018. 640 с.
10. Киндря Н. А. Названия животных в индоевропейских языках: Лингвоонтология. М. : Ленанд, 2015. 200 с. EDN: VGUKMZ
11. Kremer B. P., Richarz K. Ins Bockshorn gejagt. Tierische Sprichwörter und blumige Redewendungen. Darmstadt : THEISS, 2015. 159 S.
12. Бидерманн Г. Энциклопедия символов : пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И. С. Свеницкой. М. : Республика, 1996. 335 с.
13. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2008. 1007 с.
14. Разаускас Д. Символика рыбы в связи с верхним миром : небесные светила и атмосферные явления // Балто-славянские исследования XIX : сб. науч. тр. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. С. 431–461.
15. Полный русско-латинский словарь / сост. А. И. Орловымъ. М. : Братья Салаевы, 1876. 684 с.
16. Кочеткова Е. С. Новые концепции подражания природе и их воплощение в ландшафтном искусстве Италии XVI в. // Опыт естествознания и эволюция жанровых форм в истории искусства. М. : РГГУ, 2017. С. 124–140. EDN: YOIFQB
17. Pastoureau M. Bestiaires du Moyen Âge. Paris : Le Seuil, 2011. 238 p.
18. Graf A. E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Leipzig : Veb Max Niemeyer Verlag, 1956. 297 S.
19. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Affe> (дата обращения: 15.04.2023).
20. Силантьева О. Ю. Легенда о стране Шлараффии в немецкой литературе. М : МЧНК-пресс, 2006. 76 с.

Поступила в редакцию 11.08.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 18.11.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 187–194

<https://bonjour.sgu.ru>

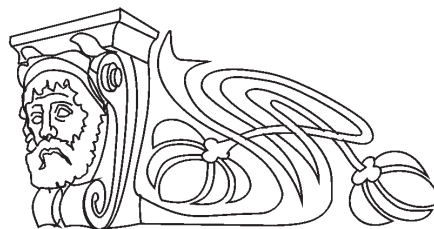
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-187-194>, EDN: MCHANG

Научная статья

УДК 821.111.09-392+929Метэм

«Экфрасис созвездий» в романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (XV в.)

В. Б. Семёнов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Семёнов Вадим Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Аннотация. В данной статье материалом исследования является фрагмент рыцарского романа «Аморий и Клеопа» Джона Метэма, английского ученого и поэта середины XV в. Объектом исследования стало описание созвездий Северного и Южного полушарий, рассматриваемое как экфрасис. Если само восприятие древними небосвода представляло экфрасис первой степени, при котором отдельные герои и части сюжетов античных мифов как памятников словесного искусства проецировались на небо и визуализовались с помощью закрепления за отдельными группами звезд, то описание романским повествователем Метэмом указанных созвездий явилось возвращением от визуального изображения к словесному, следовательно, экфрасисом второй степени. Основными методами исследования стали анализ текстологический и анализ интертекстуальный. Цель исследования – выявить особенности упомянутого экфрасиса. В результате работы с фрагментом романа сделаны следующие выводы, касающиеся особенностей описания созвездий: автор памятника ориентировался на воспроизведение в нем сведений, относящихся к мифологической, а не математической составляющей астрономии, и поэтому он не ссылаясь на таких известных астрономов-геометров, как Птолемей и Гиппарх, но в то же время больше интересовался, как воспринимали небесные явления философы и поэты Античности; в рамках характерного для всех средневековых писателей тяготения к риторическим приемам, особенно таким, как амплификация, помогающим многословьем придать собственному стилю статус книжного, высокого, Метэм нередко одни и те же созвездия называл разными именами, посредством чего вводил аллюзии на разные мифы; писатель не механически копировал стереотипные мифолого-астрономические сведения, а дополнял и развивал их, его искания в области формы в данном случае влияли на содержание фрагмента. Наконец, главной выявленной особенностью оказалось стремление подчинить «экфрасис созвездий» задаче создания единой астрономо-мифологической системы.

Ключевые слова: Джон Метэм, «Аморий и Клеопа», рыцарский роман, сферическая астрономия, экфрасис

Для цитирования: Семёнов В. Б. «Экфрасис созвездий» в романе Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (XV в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-187-194>, EDN: MCHANG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Ekphrasis of the Constellations” in J. Metham’s romance *Amoryus and Cleopes* (15th century)

V. B. Semyonov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia.

Vadim B. Semyonov, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Abstract. In this paper, the research material is a fragment of the chivalric romance *Amoryus and Cleopes* by John Metham, an English scientist and poet of the mid-15th century. The object of the study was Metham’s description of the constellations of the Northern and Southern Hemispheres, contained in the text and considered as ekphrasis. If the very perception of the firmament by the ancients represented ekphrasis of the first degree, in which individual heroes and parts of the plots of ancient myths as products of verbal art were projected onto the sky and visualized by assigning them to individual groups of stars, then the description of the indicated constellations by Metham’s romance narrator was a return from the visual image to the verbal one, therefore, an ekphrasis of the second degree. The main research methods were textual and intertextual analyses. The purpose of the study was to identify the features of the mentioned ekphrasis. As a result of inspecting a fragment of the romance, the following conclusions were made regarding the features of the constellations’ descriptions: the author of the opus focused on reproducing the information related to the mythological, rather than the mathematical component of astronomy, and therefore he did not refer to such famous astronomers-geometricians as Ptolemy and Hipparchus, and at the same time he was more interested in how the philosophers and poets of Antiquity perceived celestial phenomena; within the framework of the characteristic medieval overuse of rhetorical devices, especially such ones as amplification, which help to create the effect of learned, elevated style through loquacity, Metham frequently uses different names for the same constellations, and thus introduces allusions to different myths. The writer did not mechanically

Keywords: John Metham, *Amoryus and Cleopes*, chivalric romance, spherical astronomy, ekphrasis

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Повествователь описывает устройство сферы, показывая, как внутри нее своими небесными путями вокруг Земли как центра двигались созвездия. Поскольку связывание древними отдельных групп звезд с отдельными фигурами героев мифов было фактически экфрасисом, визуализирующим словесный материал мифов, то описание созвездий упомянутой сферы в романе Метэма явилось *экфрасисом второй степени*, «обратным переводом» рисунков тех

Во храме на виду пари́ла сфера та, // В пяти
локтях вися над полом и крутясь, // Ни сверху

свешена, ни снизу подперта. // Вид её в воздухе,
людской лаская глаз, // Казался чудом, и мелодия
лилась, // Своей гармонией чаруя всех вокруг,
// Покуда над землей скользил за кругом круг).

Сама идея сферы связана с представлениями древних со времен Аристотеля о трехмерном пространстве космоса. Античная геоцентрическая модель мира предполагала наличие вокруг Земли восьми кругов, или «небес»: семи орбит «подвижных звезд» (ими считали Луну, Меркурий, Венеру, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн¹) и восьмого круга «неподвижных звезд» (к ним относили знаки Зодиака и иные созвездия, так как любая звезда каждого созвездия не меняет положения относительно других входящих в его состав звезд). «Фигурами» Метэм называет знаки Зодиака, а все прочие созвездия – просто «знаками». То, как выглядит небесная сфера *извне*, Метэм, бывший кембриджским ученым, должен был хорошо представлять: знаменитый греческий астроном и математик Эратосфен Киренский (III–II вв. до н.э.), первым рассчитавший размеры Земли, создал *армиллярную сферу* – важный астрономический инструмент Античности, который в средневековых университетах служил для студентов *зримой моделью небесной сферы*. Так же и для посетителей храма Венеры моделью стала сфера, созданная нигромантом. Как мы увидим далее, Джон Метэм точно знал об Эратосфене, поскольку текст романа свидетельствует, что он читал егоopus «Катастеризмы». И, конечно, образованные англичане знали трактат Иоанна де Сакробоско (XIII в.) “De Sphaera” («О сфере»), потому что он был одним из основных источников в курсе европейского университетского обучения астрономии. Первая часть трактата была посвящена базовым астрономическим вопросам сферической геометрии, как раз тем, которые отразились в романе [4, с. 72–74].

And in the over cerkyl including alle this huge werk,
Aftyr astrologerys descripcion, Applanos hyght;
The qwyche undyr, hevyn empure, and as Haly the
gret clerk
Doth specyfy qwere he of constellacionys doth wryght,
Ys nest; and so vysuually to yche mannys syte,
Abovyn this spere enchauntyd, apperryd over, more
and les,
As lyqwyde gold brennyng in a furnes.

But the secunde cerkyl, ther ys no lyvyng creature
That myght yt behold but gretly he schuld wondyr

Of the operacion and ryches of that mervulus fygyre.
For in that the fyx sterrys were and sygnys mevyng
asundyr,
Sum uprysing, and sum dessendyng, and sum cerkuly
mevyng undyr,
The qwyche multytude, in fere, aftyr paynymys opynyon,
Was clepyd the Colege of Goddys, aftyr pouyetys
denominacion

(ст. 521–534: И первый, внешний круг огромной сферы той, // Который школяры Апланосом зовут, // Как пишет астроном Али, явил собой // Небесный эмпирей, близ коего живут // Созвездья. Дивный круг блестел и там, и тут, // Так что на взгляд, казалось, и не отличить // От злата жидкого, кипящего в печи.

Но нет того, кто круг увидел бы второй, // А то бы удивлен был действием его: // Внутри – застывших звёзд блестел чудесный рой, // И знаки двигались раздельно. Таково // Движенье: вверх один, другой вниз, вокруг него // Плыл третий. Множество звёзд, знаков и планет // Коллегией Богов зовёт иной поэт).

Апланос – термин, обращающий на себя внимание тем, что сразу дает представление о возможных научных источниках Метэма. Сам термин употребил писавший на латыни греческий философ IV в. н.э. Халкидий (или, на латинский манер, Кальцидий), чьи комментарии к диалогу Платона «Тимей» имели в Средние века широкое распространение. Вослед Платону Халкидий называет Апланосом восьмое «небо» с его «неподвижными звездами» [5, р. 156]. Впрочем, термин мог прийти к Метэму из источника ещё более влиятельного – из поэтического opуса Иоанна Гарландского, одного из главных риторов Средневековья, “Exempla honestae vitae” («Примеры достойной жизни»), в стихе 52-м которого встречаем: “Applanos occurit testante Platone planetis” («Аппланос возник у Платона, наблюдающего за планетами») [6, р. 140]. Кстати, Метэм, подобно Иоанну, использовал греческую форму «Аппланос». Но не Халкидия или Иоанна Гарландского назвал поэт в романе, а араба Хали Абенрагеля («великого ученого Хали»), астронома и в большей степени астролога XI в. Темой подчинения судеб звездам, присутствующей в первой строфе этого «экфрасиса созвездий», он на несколько веков увлек европейцев. Его «Полную книгу звездных предсказаний» в Средние века переводили на многие языки, но чаще обращались к ее латинскому переводу. Хали не имел отношения к термину «Апланос», но сама фигура «второго

¹ Здесь они перечислены в порядке удаленности от Земли, как это представляли философы Греции и Рима.

Птолемея» (это было звание Хали) была столь же экзотичной, сколько и соответствующее указанному термину понятие.

Чудесными и волшебными представлены у Метэма разнотипные движения небесных тел, причем автор, скорее всего, описывает *экваториальные и эклиптические движения* небесных тел, явление *прецессии*, знакомое таким чистым античным астрономам, как Гиппарх или Птолемей, но обходится без соответствующего круга понятий, делая упор не на научную точность описываемой сферы, а на визуальную привлекательность изображаемых процессов, которые она обозначила.

Заметим, пример, в частности, зодиакальных созвездий подтверждает особенное отношение средневековых умов к созвездиям в целом: вслед Платону влиятельный философ Макробий (V в. н.э.) полагал, что приходящая в мир душа нисходит с небес на землю, и рассматривал зодиакальные созвездия и некоторые другие небесные явления как ступени на этом ее пути [7, р. 33].

And in the fyrst fyx sygne, the doutyr of Lycaon,
Clad in sterrys of gold, cumpasyng tweyn berys qwyght,
Wyth a saphyryne serpent stedfastly stondyng in one,
The qwyche the north pole ys clepyd, or Artos bryght,
Nest home Artophylax stondyng redy for to fyght,
In the defens of Arcton, clad in a palle smaragdyne,
Adornyd wyth sterrys of gold, to the centyr hys face
dyd declene;

Upon hos schuldyr the garlond of Adryagne
Aperyd in the symylytude as a ryche topas;
Nest home stode Kyng Hercules that alle Asy wanne,
The skyn of a lyon in ryght arme dyd enbras
Wyth a gleyve of gold dyvydyng the cerkyl or cumpas
Of somer; closyd in sterrys flamying nynetene;
The qwyche in hys exorte of astronomers hyghly myght
be sene

(ст. 535–548: Дочь Ликаона – то застывший первый знак // В златой вуали звезд. А рядом с ним – другой, // Дракон сапфировый зажал его, да так, // Что Артос засветил Полярною звездой. // Весь в звёздах золотых, готовый принять бой, // Стоял Артофилакс в смарагдовой броне // И охранял Арктон от всех угроз извне.

А над плечом его не Ариадны нить – // Её корона в желтом блеске, как топаз. // А рядом Геркулес, сумевший подчинить // Всю Азию своей деснице, что сейчас, // Увита шкурой льва, с златым копьем взвилась // К экватору. И девятнадцать звёзд в ночи // Любой из звездочетов сможет различить).

Особенностью описаний «фигур» (т.е. наблюдаемых созвездий) у Метэма является то, что он, очевидно, богатства языка ради, время от времени использует для одного и того же созвездия несколько имен, которые обращают читателей к разным связанным с этим созвездием античным мифам. Так, «дочь Ликаона» – напоминание о нимфе Каллисто, родившей от Зевса сына Аркада/Аркаса (Арктоса?), и о том, что они позднее были перенесены Зевсом на небо в качестве созвездий. Известно, что разные мифы объясняли, как Каллисто превратилась в Большую Медведицу, но в романе читаем: “cumpasyng tweyn berys qwyght” («окруженная двумя белыми медведями») – и фиксируем то, что дочь Ликаона, по воле Метэма, отделена от Большой Медведицы. В то же время фраза служит аллюзией на другой миф, по которому нимфы Киносура и Гелика, кормилицы Зевса/Юпитера, были в благодарность увековечены им превращением в Большую и Малую Медведицы [8, с. 33–35]. Поскольку Полярная звезда входит в созвездие Малой Медведицы, а Метэм в тексте обозначил угрозу этому созвездию со стороны Дракона, можно отметить следующую особенность описаний, связанную с предыдущей, – стремление соединить разрозненные мифы в единый «экфрасис созвездий» и даже (по необходимости) *дополнить* их; в частности, нет античных мифов, из которых бы следовало притеснение одного созвездия другим: Драконом – Малой Медведицы. Есть лишь упоминание в «Явлениях» Арата из Сол о том, что Дракон достигает одну из Медведиц хвостом и извивается около другой [9, с. 26]. И мифа о Каллисто с двумя полярными медведями также не существовало, это художественные домыслы молодого поэта, решившего, что отдельные мифы, живущие на небе, следует сложить в *единую астрономо-мифологическую систему* для представления читателям. Кстати, фрагментарные попытки создать ее Метэм мог заметить в тех же «Явлениях» Арата.

В той же строфе упомянут Артофилакс (правильная античная форма – «Арктофилак»). Это созвездие Волопаса, повернутое к соседней Большой Медведице, которую во времена Гомера греки ещё называли «Повозкой», и, согласно их представлению, пять звезд выглядели повозкой, а две оставшиеся – волами, Волопас же тех волов погонял и заботился о повозке. Когда Повозка превратилась в Медведицу, Волопас стал Арктофилаком (небесное имя Аркада, сына Каллисто, который, согласно ещё одному мифу, охотился

на нее в то время, когда она была превращена Артемидой/Дианой в земную медведицу) [8, с. 35–38]; с этого времени «фигура» данного созвездия приобрела амбивалентность: во-первых, сын охотился на мать и на небесах (на некоторых картах Волопаса стали изображать держащим на поводке созвездие Гончих Псов и повернутым к Медведице, которую псы кусали), во-вторых, Арктофилак защищал Медведицу, потому что к нему перешла по наследству функция Волопаса присматривать за экс-Повозкой.

С упомянутыми созвездиями Метэм связал и созвездие Геркулеса, впрочем, до него это делали и Арат, и Эратосфен Киренский, автор «Катастеризмов». Указание на то, что в данном созвездии 19 звезд, свидетельствует о том, что Метэм читал «Катастеризмы» [10, с. 64–65], поскольку в звездном каталоге Гиппарха к созвездию были отнесены 24 звезды, а у Птолемея в «Альмагесте» – 28 звезд. И это Эратосфен первым связал созвездие с мифом о Геракле, победившем дракона, сторожа золотых яблок Гесперид (последний подвиг, за который Зевс, по словам астронома-поэта, превратил любимого сына и побежденного дракона в созвездия). Ранее «фигура» называлась «Коленопреклоненный», потому что представляла человека, опустившего колени и упершегося им в небесного змея: тем легче было Эратосфену переименовать созвездия в Дракона и Геркулеса. Также Эратосфен и за ним Гигин указывают, что левая рука Геракла была обернута львиной шкурой (очевидно, для защиты от драконьих клыков), а в правой была палица; но многие астрономы, рисовавшие созвездия, пропустили такую деталь, как рука в шкуре, и на своих небесных картах рисовали более традиционного Геркулеса, полностью обернутого львиной шкурой, поэтому интересно, что Метэм вернулся к детали Эратосфена, однако обернутой оказалась правая рука, которая, между прочим, держала далеко не античную *глефу* (слово “a gleuve” появилось в среднеанглийском языке не ранее XIV в. для обозначения длинного древка с насаженным на него коротким мечом).

В своем экфрасисе Метэм визуализирует «фигуры», акцентируя внимание на их блестящих украшениях: дочь Ликаона одета в золотые звезды, Волопас/Арктофилак – в изумрудных одеяниях, украшенных теми же золотыми звездами, рядом с ними сапфировый Дракон, а созвездие Северной Короны (которая соотнесена с венцом Ариадны) блеском напоминает желтый топаз. Это и желание придать величественный

вид описанию небосвода у автора, помнящего о важном социальном статусе адресатов романа – четы богатых и титулованных Стэплтонов, и стремление к тому, чтобы его экфрасис *соответствовал мотивировке*, ранее заданной сюжетом: нигромант получил от заказчиков волшебной сферы требующиеся материалы, в частности разные драгоценные камни. Вот и созвездия Орла, Дельфина и Пегаса в одной из следующих строф явились «фигурами» из драгоценных камней: рубинов, алмазов и сапфиров.

And be Hercules, the harp musycal of Orphé
Was joynyd to the pole of the qwych, as poyetys feyne,
Orphe wyth the sqwete melody from Plutoys fyry see,
As fro helle, hys wyfe he harpyd ayeayne.

And undyr this harpe the sqwan that to Jovys dyd
perteyne
Was plumyd wyth oryent margaryts; and taward the
lesse bere
Thyse goddys and goddessys conjoynyd were.

Cephe and Casyep, fayre Andrometé and semly Persé
The kyng of Cryse, and nakyd Opylenk involvyd wyth
a serpent

Wyth the goldyn arow of Hercules that the egyl dyd sle,
The egyl flying by, and the dolphyn that in the spere ys
resydent,

And wyngyd Pegasus that made in Boyse the welle oryent,
Wyth the trianguyl, qwyche imagys were made in her
fygury

Off sundry precyus stonys as of carbunkyllys, dyamaunts,
and saphyrys

(ст. 549–562: А рядом Лира – та, с которою Орфей // Проплыл по озеру, укрывшему спуск в ад, // Напевом сладким из плутоновых сетей // Извлечь жену, как нам поэты говорят. // Под Лирой – Лебедь, чей заимствовал наряд // Жемчужный сам Юпитер. И вблизи от Малой // Медведицы богов собрание предстало:

С Кассиопеей, Андромедой – царь Цефей // И зять его Персей; со змеем – Эскулап. // Орёл, которого сразил стрелой своей // Однажды Геркулес, Дельфин, той сферы раб, // Пегас, создавший Иппокрену, – их когда б // Увидел кто, признал сверкающей триадой: // Так драгоценности притягивают взгляды).

Ранее упомянутые созвездия расположены на Северной полусфере небосвода по окружности, ближайшей по отношению к Северному полюсу. За ней следует окружность, отстоящая от него далее, – и молодой поэт в описании её созвездий становится более краток. Ему нужно было найти некий связующий элемент для того, чтобы перейти к данной более широкой окруж-

ности, и таким элементом явился античный мотив спуска в царство мертвых. Перед лицом Геркулеса, повернутого к Дракону, находится созвездие Лиры. Лира есть то же, что арфа Орфея, вот Метэм и напомнил о том, что легендарный певец древности спускался в Аид так же, как туда проник Геракл в поисках Кербера и умиротворил чудовище. Орфей, чтобы было понятно читателям-христианам, вызвал Эвридику “from Plutoys fury see, // As fro helle” («из огненного озера Плутона, как из Ада»). По-видимому, в озеро гиперболизирующим поэтом превращена Пирифлегетон, впадающая в Ахерон огненная река. Небольшая вольность допущена Метэмом при упоминании о Пегасе, умевшем ударами копыт раскалывать землю и создавать источники. Так, в указанной поэтом Беотии находился, согласно преданию, и самый известный из них – Иппокрена. Но поэт буквально написал о “the welle oryent” («колодец на восточный манер»), как будто вел речь об окрестностях не беотийских Фив (Беотия, “Boyse”, как раз названа), а египетских.

But for that this matere ys obscure and to onletteryd
noght delectabyll,
I pase schortly; but sythyn I have begunne to describe
the spere,
Brevely I schal conclude, omytting colourys as of sylver
and sabyl,
Asure, gold, goulis, and verd; the ennamyllingys in
sundry manere
Of the vestytur of goddys as thei wrowght were in fere
Be enchauntement; and now the resydu up to describe,
I pray yow of pacyens; I schal ado belyve

(ст. 563–569: Но буду краток, ведь для неучей предмет // Не интересен сей. Пытаясь рассказать // Про сферу, опущу, к примеру, всякий цвет: // Сребро иль чернь; еще не смею указать // Я зелень с пурпуром и злато с тем, что звать // Лазурью. И теперь осталось мне успеть // Остаток описать, а вас прошу терпеть).

В романе Джон Метэм транслирует многие сведения из разных отраслей знаний, но когда речь идет об астрономии, его повествователь надевает маску сноба, поддразнивающего не знающих сложной науки астрономии неучей. С 1575 г. в библиотеке Кембриджа хранилась рукопись *Cambridge, Corpus Christi College, MS 456*, в которой были собраны различные астрономические описания: рукопись начиналась с ранее упомянутого трактата Сакробоско «О сфере», а заканчивалась широко известной

в Средневековье анонимной компиляцией “*Secreta Secretorum*” («Тайной книги тайн») [11], в которой повествователь, напротив, подчеркнуто описывает астрологию как вполне понятную, а потому несложную дисциплину. Все части рукописи, как считают, переписаны в нее из других манускриптов, датируемых XIV в. по особенностям языка. Если Метэм был в середине XV в. ученым из Кембриджа, он, скорее всего, знал те работы, из которых была в неизвестное время составлена упомянутая рукопись, век и более спустя завещанная Кембриджской библиотеке.

And nest thise foresayd, Phebus twelve dwellyng placys
Sundryly apperyd, the qwyche be clepyd in commune
langage

The twelve synynys of the yere, kepyng there pacys
In this forsayd spere, closyd in oryent sterrys as in
a cage,

As the Ram, the Qwyght Bole, the Tweyn Bredyr
of Grekys Lynage,
The Crab, the Lyon, the Vyrgyne, and the Weghtys,
The Scorpyon, the Sagytary, the Capricorn, the Aqwry,
and the Fysschys.

And southe in the spere toward the Octyan
The Qwalle was, hornyd Padus, the Hare, and Oryon
Wyth the sqwyf Grehound, and fers Prochyon,
The schyp of Argus, the Centaure or the monstyr of
Chyryon,
The fygyre of the Dorys of the Tempyl of Salomon,
Wyth the serpent namyd Ydra, the Pese, and the Crow
And the fysch clepyd Serus; thus thei namyd were
a Rome

(ст. 570–583: И вслед за всеми – Феб в двенадцати домах // По очереди (их обычно мы зовём // Зодиакальными), что на своих местах // В той сфере заперты восточных звёзд ключом: // Баран, Бык Белый, Близнецы, да Рак со Львом, // Дева с Весами, Скорпион, потом Стрелец, // И Пан, и Водолей, и Рыбы, наконец.

У Окциана (имя юга сферы той) // Был Кит, с ним Заяц, Пад рогатый, Орион, // И ярый Прокцион, и скорый Пес Большой, // Корабль Аргон, Центавр, известный как Хирон, // А рядом зрелись Храм, чей зодчий Соломон, // Весы и Ворон, также Гидра рядом с ним, // Да рыба Серус, как ее зовет весь Рим).

Наконец, автор романа добрался до зодиакальных созвездий. Сначала он упоминает о том, что в течение года Феб (солнце) проходит двенадцать «домов» созвездий, и сам мотив прохождения солнца по «домам» созвездий, скорее всего, заимствован из латиноязычного

трактата английского астронома Р. Гроссетеста (XII–XIII вв.) [12, с. 13–21]. Далее перечислены сами «фигуры» знаков Зодиака, без каких-либо характеристик. Названия у «фигур» вполне традиционные, кроме созвездий Тельца (он назван «Белым Быком») и Близнецов (автор поминает их как «Двух братьев греческого происхождения», имея в виду братьев Диоскуров, Кастора и Полидевка, рожденных Ледой). И в последней строфе эпизода с «экфрасисом созвездий» Метэм переходит к безостановочному перечислению созвездий Южного полушария. Юг назван «Окцианом», это слово в Античности обозначало одну восьмую часть сферы «неподвижных звезд» (южную), а у некоторых созвездий примечательны названия. Например, созвездие Весы упомянуто в двух соседних строфах: там, где оно вписано в созвездия Северного полушария, оно “Weghtys” (среднеанглийское слово), а где в созвездия Южного – там оно “Pese” (слово, восходящее к нормандскому “peise”, с тем же значением). Примечательно и то, какие в этом перечне делает отступления Метэм от мифов, в частности, какие созвездия пропущены. Так, он выстраивает в ряд Гидру, Весы и Ворона. Между тем вместо Весов следовало указать на созвездие Чаши, поскольку Ворон, Чаша и Гидра неразрывно связаны единым аполлоновским мифом (можно предположить, что Метэм его запомнил) [10, с. 84–85]. «Рогатым Падом» названо мифическое водное чудовище Эридан: грек Полибий, описывавший во «Всеобщей истории» ранний Рим, соотнес Эридана с рекой По (лат. *Padus*) [13, с. 221], а далее Пад стали изображать полурыбой-полубыком (отсюда и рога). Упомянуто и созвездие Рыба, но Метэм измыслил для этой южной рыбы имя “Serus”, в каких-либо мифах не встречающееся. Созвездия Большого и Малого Псов представлены под разными именами: “Grehound” – это калька с лат. “*Canis Major*” («Большой Пес»), а “Prochyon” – не калька, а латинизированное греческое имя созвездия. Интересно, что, разделив имена созвездий по отношению к языкам, Метэм соединил двух Псов выражением, производным от среднеанглийской идиомы “fers and fast” («свирепый и быстрый»); у него Псы в совокупности “sqwyf and fers” (т.е. «быстрый и свирепый»). Самое примечательное в последней строфе «экфрасиса» – упоминание созвездия Дверей Храма Соломона. Речь идет, по нашему мнению, о созвездии Алтарь, которое в Античности также именовали Курильницей. У

созвездия было много имен на латыни, и одно из них “*Templum*” [14, с. 483]. Очевидно, поэт так же превратил алтарь и курильницу языческого храма в двери храма ветхозаветного Соломона, как один из персонажей его романа, одинокий отшельник, спасший героев, в финале разрушил храм языческого политеизма, чтобы провозгласить созидание храма христианской веры.

Рассмотрев «экфрасис созвездий» из романа Метэма, можно прийти к следующим выводам.

1. Поэт более ориентирован на мифологическую составляющую средневековой астрономии, а не на математическую (их С. Маккласки рассматривал как отдельные виды астрономии [15]), поэтому заметен его интерес более к древним, чем современным ученым, и более к философам, чем к чистым математикам (об этом говорит отсутствие обращений к трудам таких авторитетнейших астрономов, как Птолемей и Гиппарх).

2. Будучи поэтом, Метэм отдает дань общей склонности позднесредневековых литераторов к формам амплификации (у него это проявляется в тенденции называть одни и те же созвездия разными именами).

3. Он, опираясь на мнения известных ученых прошлого, время от времени позволяет себе отступать от стандартных представлений или творчески дополнять их.

4. Главное – Метэм подчиняет свой экфрасис задаче создания астрономо-мифологической системы, связующей обособленные схематические рисунки небесных «фигур» в целостную картину. Именно эта тяга к целостности образа небосвода как описываемого явления раскрывает в фигуре автора «Амория и Клеопы» человека с научным складом ума. А проявление этого склада ума в повествовании и описаниях сообщает оригинальность данному образцу средневекового жанра, может быть, более других тяготевшего к стереотипам.

Список литературы

1. Craig H. The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes. London : The Early English Text Society, 1916. 184 p.
2. Семёнов В. Б. Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета // *Litera*. 2023. № 12. С. 403–418. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.69469>, EDN: LRYIJV

3. *Metham J.* Amoryus and Cleopes / ed. by S. F. Page. Kalamazoo : Medieval Institute Publications, 1999. 142 p.
4. *Сакробоско И.* О сфере // Средние века. 2020. Т. 81, №3. С. 69–80. <https://doi.org/10.7868/S0131878020030046>, EDN: DRUXOI
5. *Chalcidii V. C.* Timaeus de Platonis translatus. Item ejusdem in eundem Commentarius. Ioannes Meursius recensuit, denuò edidit, & notas addidit. Lugduni Bataurorum : Ex Officina Iusti Colsteri, 1617. 463 p.
6. *Habel E.* Die Exempla honestae vitae des Johannes de Garlandia, eine lateinische Poetik des 13. Jahrhunderts // Romanische Forschungen. 1911. Vol. 29. P. 131–154.
7. *Eastwood B. S.* Ordering the Heavens: Roman Astronomy and Cosmology in the Carolingian Renaissance. Leiden : Brill, 2007. 456 p. (Medieval and Early Modern Science, vol. 8). <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161863.i-453>
8. *Гигин.* Астрономия / пер. с лат., [примеч.] и коммент. А. И. Рубана. СПб. : Алетейя, 1997. 220 с. («Античная библиотека». Античная история).
9. *Арат.* Явления // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах: об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / пер. и коммент. А. А. Россиуса ; под ред. Н. А. Федорова, П. В. Щеглова. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 24–61.
10. *Эратосфен.* Превращения в созвездия (Катастеризмы) // Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах: об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / пер. и коммент. А. А. Россиуса ; под ред. Н. А. Федорова, П. В. Щеглова. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 62–87.
11. Three Prose Versions of the Secreta Secretorum / ed. by R. Steele, T. Henderson. London : The Early English Text Society, 1898. 293 p.
12. *Гроссетест Р.* Сочинения / под общ. ред. А. М. Шишкова, К. П. Виноградова ; пер. с лат. А. М. Шишкова [и др.]. М. : УРСС, 2003. 298 с. (Biblioteca Scholastica. Вып. 4).
13. *Полибий.* Всеобщая история: В сорока книгах : в 3 т. / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. Т. I, кн. I–V. Изд. 2-е, испр. СПб. : Наука, 2005. 496 с. (Историческая библиотека).
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. И. Е. Андреевского. Т. 1а (Алтай – Арагвай). СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890. 951 с.
15. *McCluskey S. C.* Astronomies and Cultures in Early Medieval Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 252 p.

Поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024;

принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 03.10.2024;

accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–203

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–203

<https://bonjour.sgu.ru>

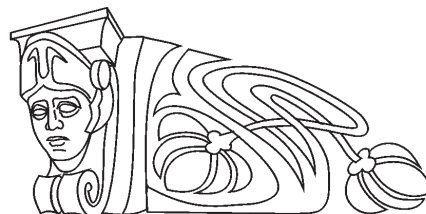
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

Научная статья

УДК 821.161.1.09-311.6|18|+929Софья Алексеевна+929

Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг.

Н. Н. Пуряева

Институт русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1

Пуряева Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Аннотация. Статья посвящена анализу образа царевны Софьи в исторических романах «Престол и монастырь» (1878) П. В. Полежаева, «Царь-девица» (1878) Вс. С. Соловьева, «За чьи грехи? Великий раскол» (1878) и «Царь Петр и правительница Софья» (1880) Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» (1879) Е. П. Карновича. Особенностью этих произведений является то, что они созданы примерно в одно время на материале одних и тех же исторических источников, имеют близкий сюжет и различаются трактовкой изображенных событий и характеров. Отмеченные обстоятельства позволяют рассматривать данные романы как манифестацию изменения общественного отношения к исторической личности царевны Софьи. В середине XVIII – первой половине XIX в. царевна Софья неоднократно становилась героиней литературных произведений, однако выступала в основном как отрицательный второстепенный персонаж. В статье констатируется, что образ царевны в анализируемых романах 1870–1880 гг. приобретает черты неординарной личности (отмечены ее образованность, круг чтения); царевна становится центральным персонажем; фокус конфликта в произведениях смещается с темы узурпации власти на нравственный вопрос о цене ее удержания. Результатом переосмысления истории царевны Софьи становится уточнение петровского мифа. Кроме того, с образом царевны оказываются сплетены два актуальных для второй половины XIX в. общественных вопроса: женская эмансипация, осмысление религиозного раскола XVII в.

Ключевые слова: царевна Софья, исторический роман, П. В. Полежаев, Вс. С. Соловьев, Д. Л. Мордовцев, Е. П. Карнович

Для цитирования: Пуряева Н. Н. Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–203. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of princess Sophia in historical novels of 1870–1880

N. N. Puriaeva

Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University, 24/35, bld. 1 Krzhizhanovsky St., Moscow 117218, Russia

Nadezhda N. Puriaeva, nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Abstract. The article analyzes of the image of princess Sophia in historical novels *The Throne and the Monastery* (1878) by P. Polezhaev, *The Tsar Maiden* (1878) by Vs. Solovyov, *For Whose Sins? The Great Schism* (1878) and *Tsar Peter and Ruler Sophia* (1880) by D. Mordovtsev, *On the Height and in the Dale: Princess Sophia* (1879) by E. Karnovich. The peculiarity of these works lies in the fact that they were created at approximately the same time, were based on the same historical sources, had a similar plot and differ mostly in terms of interpretation of the events and characters depicted. The mentioned circumstances allow us to consider these novels as an indicator of changes in public attitudes towards the historical personality of princess Sophia. In the middle of the 18th – first half of the 19th century princess Sophia repeatedly became the heroine of literary works, but acted mainly as a negative secondary character. The article states that the image of the princess in the novels in question acquires the features of an extraordinary personality (her education and reading range are described); the princess becomes the central character; the essence of the conflict in the works shifts from the theme of usurpation of power to the moral question of the price of maintaining it. The result of rethinking of princess Sophia's story is a clarification of Peter's myth. In addition, two social issues relevant for the second half of the 19th century are associated with the image of the princess: women's emancipation and understanding of the religious schism of the 17th century.

Keywords: princess Sophia, historical novel, P. V. Polezhaev, Vs. S. Soloviev, D. L. Mordovtsev, E. P. Karnovich

For citation: Puriaeva N. N. The image of princess Sophia in historical novels of 1870–1880. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1870–1880-е гг. были отмечены ростом интереса русских романистов к исторической фигуре царевны Софьи. В 1874 г. вышел *лубочный роман* М. Е. Евстигнеева «Раскольников гнездо сообщников царевны Софии», без изменений переизданный в 1884 г. под названием «Царевна-преступница», а чуть позже переработанный М. К. Йогелем – «Царевна Софья» (1888). На рубеже десятилетий было опубликовано по меньшей мере пять исторических романов, в которых она выступает как одна из центральных героинь. В 1878 г. вышли романы «Престол и монастырь» П. В. Полежаева, «Царь-девица» Вс. С. Соловьева и «За чьи грехи? Великий раскол» Д. Л. Мордовцева; в 1879 г. – роман «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича; в 1880 г. – роман Мордовцева «Царь Петр и правительница Софья». Среди нереализованных замыслов – работа Л. Н. Толстого над романом о петровском времени (подробнее об этом см. [1]), одним из действующих персонажей которого также должна была стать царевна Софья.

Таким образом, сюжет, связанный с царевной Софьей, оказывается востребованным у писателей самых разных страт литературы, от центральной до периферийной.

Последние десятилетия растет внимание исследователей не только к творчеству писателей-беллетристов конца XIX в., в особенности Вс. С. Соловьева и Д. Л. Мордовцева, но и интерес к собственно изображению царевны Софьи в художественных произведениях. В этой связи следует отметить ряд статей С. А. Васильевой [2], С. М. Ляпиной [3, 4], Е. В. Никольского [5, 6], посвященных роману «Царь-девица» Вс. Соловьева; статью А. В. Устинова [7], посвященную роману «За чьи грехи? Великий раскол» Д. Л. Мордовцева. Е. В. Никульшина [8], рассматривая проблему метатекста исторических романов о Петре I, дает краткую характеристику романам «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича и «Царь Петр и правительница Софья» Д. Л. Мордовцева.

Задача статьи – на материале романов «Престол и монастырь» П. В. Полежаева, «Царь-девица» Вс. С. Соловьева, «За чьи грехи? Великий раскол» и «Царь Петр и правительница Софья» Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича провести сопоставительный анализ этих произведений и выявить специфику изображения царевны Софьи.

Появлению вышеперечисленных романов предшествовала публикация в течение

1850–1870 гг. исторических трудов П. К. Щербальского, Н. Г. Устрялова, И. Е. Забелина, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова¹, вводящих в научный оборот значительное количество фактов, относящихся к Петровской эпохе и формировавших отношение к фигурам царевны Софьи и Петра I. Они не только отражали современные исторические подходы, в некоторых из них, например труде С. М. Соловьева, также находили проявление актуальные общественные вопросы, такие как эмансипация.

Однако жанр исторического исследования, очевидно, не удовлетворял запрос общества на осмысление своего относительно недавнего прошлого². Эту лакуну в 1870–1890-е гг. заполняла историческая беллетристика, ставшая

¹ В 1856 г. сначала в форме статей («Русский Вестник», т. 2, 3), а затем отдельной брошюрой было опубликовано историко-публицистическое сочинение П. К. Щербальского «Правление царевны Софьи». Это дебютное исследование начинающего историка-любителя стало едва ли не первой попыткой пересмотреть сложившееся на середину XIX в. негативное отношение к роли царевны в истории. Вышедшая в 1858 г. «История царствования Петра Великого» профессора Санкт-Петербургского университета академика Н. Г. Устрялова свидетельствовала, что, хотя и несколько усложнившаяся, но по-прежнему отрицательная оценка личности царевны продолжала доминировать. Заметным событием стала публикация работ И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв.» (1869) и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв.» (1869), существенно расширявшие представление о повседневной жизни и нравах эпохи. В 1863–1864 гг. вышли 13-й и 14-й тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, подробно описывающие правление царевны Софьи и содержавшие несколько более комплиментарную оценку ее роли. В 1871 г. была опубликована книга Н. Я. Аристов «Московские смуты в правление царевны Софии», в которой исследователь идет вразрез со сложившейся историографической традицией, утверждая невиновность царевны в приписываемых ей покушениях на жизнь младшего брата. Появление подобного сочинения (в его основу положена докторская диссертация Аристова, защищенная в том же 1871 г. в Казанском университете) говорит о постепенно формирующейся в академических кругах тенденции к пересмотру роли царевны. Еще одно свидетельство тому – вышедшая в 1875 г. книга «Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689» весьма консервативного историка М. П. Погодина, который, несмотря на в целом негативную оценку царевны, признает ряд ее заслуг. В 1878 г. вышла «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. И. Костомарова, в которой царевне Софье была посвящена отдельная глава.

² Показателен отзыв А. В. Никитенко об «Истории Петра Великого» Устрялова: «Прочитал я вышедшие в свет три тома “Истории Петра Великого” Устрялова, доведенной до начала Северной войны, и убедился, что истории Петра Великого у нас все еще нет. <...> В нем явное подражание карамзинской манере, отчего выходит старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая в наше время, притом ни одной яркой характеристики, ни одного живого образа. Все гладко и плоско, не исключая и самого Петра...» [9, с. 21–22].

одним из популярных жанров стремительно растущей в это время массовой литературы.

Первой из особенностей рассматриваемых нами исторических романов можно назвать их опору на исторические источники, в отличие от произведений первой половины XIX в., авторы которых (И. И. Лажечников, К. П. Масальский, Р. М. Зотов) в пользу динамики сюжета допускали значительные искажения исторических фактов.

Наиболее скрупулезен в этом отношении Полежаев, прямо следовавший за историческими фактами и избегавший включения в произведение вымышленных персонажей и ситуаций. Сюжетная линия романа Карновича также построена в соответствии с последовательностью исторических событий, однако автор вводит ряд придуманных персонажей. Вс. Соловьев и Мордовцев преломляют историческую канву через призму художественной фантазии, отчего в их произведениях наибольшее количество вымысла.

Специфика ситуации появления рассматриваемых нами произведений заключается в том, что они были созданы примерно в одно время, а авторам был потенциально доступен одинаковый набор исторических первоисточников. Жанр исторического романа задает рамки развития фабулы, поэтому во всех романах описан примерно одинаковый круг событий: смерть Федора Иоанновича, восстание стрельцов в мае 1682 г., прение о вере с раскольниками и усмирение раскольнического бунта, казнь И. А. Хованского, крымские походы кн. В. В. Голицына, линия отношений царевны с Голицыным и Шакловитым, ссора царевны с младшим братом Петром в 1689 г., пострижение царевны в монахини, стрелецкое восстание 1697 г. и его подавление; принятие царевой схимы. Действительно, четыре романа («Престол и монастырь» Полежаева, «Царь-девица» Вс. Соловьева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» Карновича и «Царь Петр и правительница Софья» Мордовцева) имеют схожий сюжет, различия проявляются в трактовке описываемых событий и характеров, прежде всего царевны Софьи. Роман Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол» охватывает иной временной период – с конца 1864 по начало 1682 г. Подробнее о нем будет сказано ниже.

Полежаев вслед за К. П. Масальским³ использует треугольник антагонистов: царевна

Софья – Наталья Кирилловна – Петр; Вс. Соловьев вводит героиню-резонера Любу Кадашеву; Карнович делает царевну центральным персонажем, при этом использует для ее характеристики знаковые исторические фигуры, такие как Симеон Полоцкий, протопоп Аввакум, боярыня Морозова. Мордовцев, продолжая традицию произведений о царевне XVIII – первой трети XIX в., противопоставляет Софью и Петра. Сходную дихотомию образов наблюдаем в произведениях М. В. Ломоносова, И. И. Лажечникова, Р. М. Зотова.

Ко времени появления анализируемых нами исторических романов царевна неоднократно становилась героиней литературных произведений⁴. Если в текстах XVIII – первой половины XIX в. она изображалась исключительно как антипод Петра, отрицательный персонаж второго плана, к середине XIX в. отношение к Софье начало меняться. В произведениях Е. П. Ростопчиной и А. Н. Майкова она начинает позиционироваться как личность самоценная, как самостоятельная значимая историческая фигура⁵, однако ни одно из упомянутых произведений XVIII – середины XIX в. не включало целостного образа царевны, тем более ее портретного описания. В исторических романах рубежа 1870–1880-х гг. образ царевны впервые обретает черты личности, и личности выдающейся, – в этом вторая особенность исторических романов о царевне Софье данного периода.

Полежаев первым приводит полноценный портрет Софьи⁶: «Только одни глаза выделялись, и то не приятностью очертаний, а глубоким умным выражением, обильным внутренней силой,

⁴ Героическая поэма М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1756–1761), роман И. И. Лажечникова «Последний Новик» (1831–1833), роман К. П. Масальского «Стрельцы» (1832), роман Р. М. Зотова «Таинственный монах» (1834), историческая сцена Е. П. Ростопчиной «Монахиня» (1842), стихотворение А. Н. Майкова «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (1867). Об образе царевны Софьи в русской литературе XVIII–XXI вв. см. [10].

⁵ Об образе царевны в исторической сцене Е. П. Ростопчиной см. [11], в «Стрелецком сказании о царевне Софье Алексеевне» А. Н. Майкова см. [12].

⁶ В предшествующих по времени произведениях о царевне Софье (М. В. Ломоносов, И. И. Лажечников, К. П. Масальский, Р. М. Зотов, Е. П. Ростопчина, А. Н. Майков) ее портретная характеристика не приводилась, за исключением стилизованного под фольклорное описания у Майкова: «Даром, что родилась девкой, – // Да иной раз так проймет // Молодецкою издевкой, // И как в духе, да взмахнет // Черной бровью соболиной – // Пропaday богатыри!..» [13, с. 452].

³ Имеем в виду его роман «Стрельцы» (1832).

умевшей выражать то приветливую, душевную ласку, то холодную власть. За исключением же этой характеристической черты, царевну можно было бы принять за натуру обыкновенную, дюжинную, с сильным золотушным оттенком» [14, с. 361]. Карнович отмечает, что царевна некрасивая, но умная. Вс. Соловьев, напротив, изображает ее прекрасной голубоглазой блондинкой, что, по оригинальному наблюдению С. М. Ляпиной, является отражением внешности не самой царевны, но проявлением черт Царь-девицы из русских фольклорных сказок. Исследовательница объясняет обращение Вс. Соловьева к фольклорному образу Царь-девицы стремлением «показать иррациональный дух допетровской Руси, патерналистические суждения русского народа о царской власти» [3, с. 152]. Отметим, что во всех романах портрет является важной психологической характеристикой героини, эксплицирующей ее внутреннее состояние⁷.

Впервые в качестве характеристики царевны Софьи писатели приводят ее образованность и выдающиеся способности, акцентируя нетипичность женского образования в XVII в. Полежаев отмечает, что Софья значительно превосходила в учебе своих братьев и сестер, однако «никого не радовали ее успехи, мало того, отцу даже отчасти неприятно было, когда девочка опередила брата, объявленного наследником престола Алексея» [14, с. 369]. Вс. Соловьев использует прием характеристики через описание круга чтения героини. Перечень находящихся в *рабочем кабинете* царевны секулярных книг, переведенных крупнейшими деятелями книжной sprawy времен правления ее отца – Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, – включает в себя в том числе сочинения по истории, географии, педагогике, даже анатомии: «Об убиении Карлуса I английского», уставы гражданско-правительственные, «Космография иже глаголется описание», «О граде Царском», «Гражданство обычаев детских», перевод трактата «О строении человеческого тела» Андреаса Везалия⁸. Автор декларирует, что библиотека царевны включала в себя наиболее прогрессивные книги того времени, а

«содержание этих книг указывало на большую любознательность и замечательную, по тогдашнему времени, образованность Софьи» [16, с. 57]. Карнович идет еще дальше, устами наставника царевны Симеона Полоцкого предсказывая ей выдающуюся судьбу, которой она достигнет благодаря *собственным заслугам*: «Не о высоте твоего рождения говорю я, благоверная царевна. <...> На эту высоту поставил тебя Господь Вседержитель. Я говорю о другой высоте, о той, какой ты сама, при помощи Божией, можешь достигнуть...» [17, с. 10]. Процесс образования юной царевны прослеживает в романе «За чьи грехи? Великий раскол» и Д. Л. Мордовцев. Иными словами, в этих произведениях царевна Софья предстает как неординарная личность, во многом опередившая свое время.

Объясняя причины, побудившие царевну после смерти брата Федора бороться с Нарышкиными за власть, Полежаев, Вс. Соловьев и Карнович опираются на позицию С. М. Соловьева, согласно которой действия Софьи, с одной стороны, были неизбежным следствием враждебных отношений с мачехой, Натальей Кирилловной, а с другой – нежеланием царевны смириться с уготованным для нее будущим. Наиболее емко это сформулировал Вс. Соловьев: «...русская царевна не имела перед собой никакой надежды на семейное счастье. Со дня рождения, по одному своему положению, она была обречена на вечное девство. <...> Таким образом, девица-царевна волей-неволей должна была готовиться в монастырки, постницы, монахини» [16, с. 68]. Среди поколений царских дочерей царевна Софья оказалась единственной, готовой бороться за иную судьбу. Как пишет Полежаев, «тесно ей стало в четырех стенах, в среде неразвитых, по большей части тупоумных, сенных девушек и мамок. Не могли удовлетворить ее ни их красивые, затейливые механические рукоделия, ни их обычные сплетни и рассказы. Пробудившиеся силы требовали жизни, широкой деятельности и борьбы» [14, с. 370]. Таким образом, в трактовке Полежаева, Вс. Соловьева и Карновича отправной точкой конфликта служила борьба царевны, по сути, за свою жизнь. Наиболее емко эту идею выразил Вс. Соловьев в более позднем очерке о царевне Софье (1888): «Обстоятельства сложились для нее самым роковым образом. Перед нею, во всем ужасе и значении, предстал вопрос: власть или погибель. Она не могла обречь себя на поги-

⁷ О значимости портретной характеристики царевны Софьи в романе Вс. Соловьева «Царь-девица» см.: [4, с. 47].

⁸ Вс. Соловьев полностью воспроизводит список нерелигиозных переводов Епифания Славинецкого, указанный Н. И. Костомаровым в очерке «Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники» [15, с. 129].

бель. Ей оставалось достигнуть власти теми единственными средствами, какие были в ее распоряжении и какими можно было дойти до цели» [18, с. 15].

Первым шагом царевны к власти стал стрелецкий бунт в середине мая 1682 г. Полежаев, Карнович и Вс. Соловьев трактуют майский стрелецкий бунт 1682 г. таким образом, что он не был результатом подстрекательства царевны, однако она сумела обратить его себе на пользу. Серьезным испытанием царевны стал публичный диспут о вере с раскольниками, состоявшийся 5 июля 1682 г. Как подчеркивает Вс. Соловьев, «это был не мирный спор, а такое собрание, которое грозило окончиться новым бунтом и новой резней. Софья не смутилась, допустила расколоучителей в Грановитую палату, сама присутствовала при религиозном состязании и выказала в продолжение его все богатства своего разума, всю свою силу. Раскольничьи ораторы должны были удалиться, ничего не добившись; новый замысел стрельцов и Хованского рушился – дело обошлось без кровопролития» [16, с. 182]. В схожем ключе действия царевны характеризует Полежаев: если бы замысел раскольников удался, «течение русской общественной жизни, вероятно, надолго получило бы иное направление. Ум правительницы понял значение протестации, и, хотя последняя скорее могла бы быть в пользу ее личных честолюбивых видов, могла бы быть могущественным орудием в ее руках, она без колебания двинулась навстречу поднявшейся грозе. Только ее энергическим мерам обязана была новая жизнь своей окрепостью, а следовательно, и способностью к дальнейшему движению» [14, с. 445]. Иными словами, по мнению обоих авторов, царевна фактически спасла государство от новой смуты, тем самым подтвердив соответствие взятой на себя роли соправительницы. Карнович этому эпизоду внимания не уделяет.

Источником подобной трактовки следует, видимо, считать М. П. Погодина, который, несмотря на в целом негативную оценку царевны, отмечает ее заслугу в подавлении раскола: «Опасность, грозившая православной церкви, была отстранена благодаря смелости и решительности царевны Софьи» [19, с. 78]. Устрялов и С. М. Соловьев не уделяют внимания роли царевны в этом эпизоде.

Манера правления царевны охарактеризована авторами вполне сочувственно. Полежаев

пишет: «Ввиду такого <консервативного> склада русского общества царевна в цивилизирующем деле действовала чрезвычайно осторожно. Точно так же, как и отец ее, она покровительствовала иностранцам, вызывала их, дозволяла французским эмигрантам, притесненным Людовиком XIV, свободный приезд в Россию по всем рубежам, но вместе с тем строго охраняла религиозное чувство народа. <...> Можно ли было ожидать такой же осторожности от впечатлительной, увлекающейся натуры Петра?» [14, с. 576]. Писатель отмечает, что главной проблемой являлась неготовность общества к изменениям, пусть и осторожным, но исходящим от нее, женщины: «По уму и образованию став во главе поступательного движения к цивилизации, Софья Алексеевна увидела себя совершенно одинокой, без всякой опоры» [14, с. 521–522]. Сходным образом об этом пишет Вс. Соловьев: «Однако первое время сознания своего торжества и счастья уже прошло для нее, и, хотя она не теряла энергии, но с грустью видела, как тяжело, как опасно то высокое, доселе неслыханное на Руси положение, которое она себе приготовила. Она не могла не сознавать себя одинокою, она знала, что пройдет еще несколько времени, вырастет и окрепнет младший из царей, Петр Алексеевич – и дело рук ее рухнет» [16, с. 191].

Таким образом, Полежаев, Вс. Соловьев и Карнович в целом сочувственно относятся и к причинам, побудившим царевну бороться за власть, и к исполнению ею роли правительницы. Для этих писателей, в отличие от их предшественников, писателей XVIII – первой половины XIX в., суть конфликта – не узурпация власти, а трагедия царевны, достойной престола, но не имеющей на него права. Они исследуют психологическую сторону исторических событий.

Здесь намечается потенциал для «макбетовского» поворота трактовки, однако, поскольку история царевны Софьи на данном этапе по-прежнему остается частью истории Петра, элементом Петровского мифа, этот вектор не получает самостоятельного развития. Таким образом, к 1870–1880 гг. царевна Софья уже не рассматривается исключительно как узурпатор. Осмысление ее истории расширяет трактовку деятельности и самой личности Петра: его реформы начинают восприниматься как альтернатива предшествующей более мягкой преобразовательной политики царевны Софьи, а его великому образу оказывается под стать старшая

сестра. В этом заключается третья особенность изображения царевны Софьи в этот период – переоценка побудительных мотивов действий царевны и ее исторической роли.

Четвертая особенность заключается в том, что с сюжетом царевны оказываются связаны актуальные на тот момент темы: эмансипация и осмысление обществом темы раскола⁹.

Женский вопрос, т.е. вопрос о месте и роли женщины в обществе, получивший особую остроту в пореформенный период, думается, стал одним из «триггеров» интереса к царевне Софье. Связь этой темы с личностью царевны была задана непосредственно в исторических трудах и историко-публицистических сочинениях 1860–1870 гг. Так, С. М. Соловьев писал, что наметившиеся в середине XVII в. изменения положения женщины в обществе не находили адекватного выражения в том числе и для представительниц привилегированного сословия: «...терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее приятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек <...> Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна» [21, с. 430].

Эту мысль продолжил Д. Л. Мордовцев в посвященном царевне очерке из серии «Русские исторические женщины» (1874): «Польский дух, или скорее западно-русская образованность с ее идеями несомненно отразились на развитии молодой, даровитой и восприимчивой царевны, и она первая из русских женщин, наравне с женой боярина Матвеева, вышла из терема и отворила двери этого терема для всех желающих русских женщин, как меньший брат ее Петр прорубил потом окно в Европу, тоже для желающих, а иногда и для не желающих. Одним словом, царевна Софья составляет переход от женщин допетровской Руси к женщинам Руси современной» [22, с. 145].

Как героиня, активно противостоящая жизненным обстоятельствам, царевна, ее жизненный путь представляет собой одну из ипостасей более широкой темы – темы женской судьбы, актуальной и активно разрабатывающейся в литературе второй половины XIX в.

⁹ Об изображении раскола в романе Вс. Соловьева «Царь-девица» см.: [20].

Важно отметить, что в рассматриваемых нами произведениях царевна Софья часто является не единственным воплощением идеи эмансипации. Иными словами, авторы показывают, что процессы изменения общественного положения женщин идут в разных слоях общества. Наиболее сдержан в этом, пожалуй, Полежаев: его царевна Софья ограничивается рассуждением о более свободном положении царственных женщин в других государствах, т.е. женщин немногочисленного привилегированного сословия. Вс. Соловьев вводит в свой роман героиню-резонера – 17-летнюю Любу Кадашеву, провинциальную дворянскую девушку, которую с царевной Софьей сближает¹⁰ самостоятельность мысли и действия, смелость и сила воли, стремление самой определять свою судьбу.

Наибольшее значение теме эмансипации придает Карнович. Как отмечает Е. В. Никульшина, образ царевны Софьи «привлекательный и зловещий одновременно, призван выразить одну из заветных мыслей Карновича: женщина делает историю» [8, с. 179]. Женскую тему в романе воплощает не только царевна, но целая группа героинь – стрельчихи. По сюжету они не взаимодействуют непосредственно с царевной, однако выполняют функцию своего рода «греческого хора»: сочувственно комментируют все основные повороты событий. Линия стрельчих прослеживается через весь роман, и в конце автор отдельно сообщает об их судьбе: после казней стрельцов их выслали из Москвы. Карнович не только ставит царевну в один ряд с государынями прошлого (царица Пульхерия, княгиня Ольга, королева Елизавета I Английская), тем самым обосновывая ее положение правительницы, но и изображает современниц, принадлежащих к наиболее значимым на тот исторический момент социальным группам: боярыню Морозову и стрельчих.

Еще один актуальный для 1870–1880 гг. вопрос – осмысление драматических событий, связанных с религиозным расколом в середине XVII в. Исторические публикации на эту тему стали появляться в 1860 гг.¹¹, а едва ли не первым писателем, связавшим тему раскола с царевной Софьей, стал А. Н. Майков в «Стрелецком сказании о царевне Софье Алексеевне»

¹⁰ Исследовательница С. М. Ляпина убедительно раскрывает мотив сиротства, также объединяющий героинь [23].

¹¹ «Рассказы из истории старообрядства» С. Максимова (СПб., 1861), сочинения историка раскола и ортодоксального критика старообрядчества Н. И. Субботина и др.

(1868). В восприятии Майкова раскол – безусловная угроза государству, а следовательно, зло; в этом смысле царевна Софья становится спасительницей отечества от религиозной смуты. Сходным образом трактует раскол Вс. Соловьев: помимо эпизода прения о вере, о котором упоминалось выше, Люба Кадашева по дороге в Москву попадает на сходку раскольников в подмосковном селе Медведково. Происходящее настолько ужасает эту отнюдь не робкого десятка героиню, что она теряет сознание. «Выключив» таким образом героиню из происходящего, Вс. Соловьев однозначно демонстрирует свое отношение к расколу – это смута, несущая угрозу государству. Полежаев упоминает в своем романе боярыню Морозову, однако не более чем фиксируя факт, что эти две женщины – современницы.

Карнович уделяет теме раскола больше внимания. Так, в начале романа он вводит эпизод разговора боярыни Морозовой и протопопа Аввакума о царевне: «Оба царевича и все царевны куда как тупы рассудком, одна царевна Софья Алексеевна заправская умница и чем более подрастает, тем более крепнет умом. Сказывал мне не раз князь Василий Васильевич Голицын, что не может надивиться ее светлому разуму, все она в толк взять может. Как заговорят с нею о делах государственных, так она складнее всякого боярина и думного дьяка рассуждает, да и к книжному учению она куда как прилежит. Поверишь ли, матушка, что она писание Сильвестра Медведева в чернь поправляла и на многие погрешности ему указывала и недоумслия его разъяснила. <...> Да и вообще слышно, что такой разумной девицы никогда в целом свете еще не бывало...» [17, с. 25]. Приведенный диалог, видимо, задуман автором для комплиментарной характеристики царевны. Более того, Карнович показывает, что не только Морозова знает о Софье, но и девятнадцатилетняя царевна интересуется личностью боярыни: «...вот и женщина <...>, а по твердости нрава и по смелости не уступает мужскому полу. Не будь только робка и наделаешь много» [17, с. 27]. Царевна не просто следит за ее судьбой, но видит в ней образец для подражания: «...много наслышалась в тереме царевна Софья о страданиях Феодосии Морозовой, и неукротимая духом боярыня представлялась ей образцом женской твердости, хотя бы твердость эту и приходилось применить к другим целям» [17, с. 35]. Таким образом, в романе Карновича появляется новое измерение темы раскольников – моральная высота личного

подвига таких фигур, как боярыня Морозова. Эта линия последовательно проводится в уже упомянутом ряде романов Мордовцева.

Отношение Д.Л. Мордовцева к царевне Софье более амбивалентное, чем у Полежаева, Карновича, Вс. Соловьева, при этом он обращался к ее образу чаще других. Мордовцев посвятил царевне биографический очерк в серии «Русские исторические женщины» (1874); первое художественное произведение, в котором царевна косвенно упомянута, – роман «Идеалисты и реалисты» (1876). Мордовцев последовательно углубляется в тему, изображая детство и юность царевны («За чьи грехи? Великий раскол», 1878), а затем период правления царевны («Царь Петр и правительница Софья», 1880). В конце жизни Мордовцев вновь возвращается к образу царевны в исторических новеллах 1905 г.: «“Пещное действо” на Москве в 1675 году при дворе тишайшего царя Алексея Михайловича», «“Вербное действо” в Москве», «Из острога до царского порога», «Тишайший у меня в гостях». В этих небольших зарисовках из жизни семьи царя Алексея Михайловича описаны взаимоотношения царя со своей «любимицей» – царевной Софьей («Из острога до царского порога», «Тишайший у меня в гостях»), а также взаимоотношения царевны и ее маленького брата Петра («“Пещное действо” на Москве в 1675 году при дворе тишайшего царя Алексея Михайловича», «“Вербное действо” в Москве»). Царевна изображена в разном возрасте – от 7 до 18 лет – и неизменно с симпатией.

Мы уже отмечали, что в историко-биографическом очерке о царевне Мордовцев высоко оценивает ее личность: «Софья и Петр – это были две почти равные силы, хотя рожденные от разных матерей, но силы тождественные, обе полные энергии личности. Софья, даже по отзыву ее недоброжелателей и личных врагов, была “великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеского ума исполненная дева”» [22, с. 145]. Автор отмечает образованность и широту взглядов царевны, делающих ее уникальной на фоне безликих представительниц царской семьи: «Царевна также была образованнейшею женской личностью своего времени, как ученица Симеона Полоцкого. Ей посвящали книги, в честь ее писали стихи – виршами той эпохи. Уже в 1682-м году архидиакон Чудова монастыря Карион Истомина подал ей вирши, в которых просит царевну Софью дать Русской земле образованных учителей, открыть школы» [22, с. 159].

В романе «За чьи грехи? Великий раскол», где царевна Софья появляется как один из второстепенных персонажей, она также изображена с ощутимым сочувствием. Исследователь А. В. Устинов даже утверждает, что «созданный теплыми и доверительными тонами образ царевны позволяет говорить о ней как о любимой героине автора» [7, с. 106], выполняющей «роль резонера» [7, с. 107]. Сначала она изображена маленькой девочкой, у которой боярыня Морозова – одна из любимых гостей. Затем царевна появляется еще несколько раз (в отличие от ее братьев и сестер), причем Мордовцев прослеживает процесс ее образования и душевного становления. Софья симпатизирует Морозовой, внимательно следит за ее судьбой. Когда боярыня осуждена, Софья демонстрирует отцу свое неодобрение. В финале романа она противопоставлена младшему брату Петру, и это противопоставление не в его пользу.

Совсем по-другому царевна изображена в романе «Царь Петр и правительница Софья», действие которого разворачивается с весны 1679 г. до Рождества 1698 г. В нем Софья представлена как ограниченная, завистливая, злая, жаждущая власти. Писатель не приводит целостного портретного описания, однако через речевую и описательную характеристики создает негативный образ. В романе нет ни одного эпизода, который трактовался бы в пользу царевны. О ее образованности и широких интересах нет ни слова, напротив, Мордовцев изображает ее глупой и суеверной: царевна верит снам и предсказаниями. Получив во время Крымского похода ее письмо, князь В. В. Голицын реагирует следующим образом: «Дура! И писать-то не научил ее Симеон Полоцкий!» [24, с. 207]. Е. В. Никульшина даже утверждает, что тема «глупости» является основной в романе. Как обобщает исследовательница, в творчестве Мордовцева «на смену конфликту идеалистов и реалистов <...> приходит более абстрактное столкновение – конфликт ума и глупости» [8, с. 180]. Сторону «глупости» занимают царевна и все ее сторонники, которые цепляются за старые порядки, не понимая устремлений Петра к прогрессу.

Столь радикальное изменение отношения к царевне, расходившееся с более ранними произведениями Мордовцева, нуждалось в объяснении, и писатель счел нужным дать его в послесловии к роману. Писатель подчеркивает, что источником сюжета и характеров служили

исторические сочинения и документы, «они давали автору уже готовыми и типы, и образы, и картины» [24, с. 335], таким образом, он лишь следовал за источниками и стремился максимально достоверно воссоздать эпоху. Для Мордовцева существует незыблемая иерархия исторических личностей, доминирующее положение в которой занимает Петр: «...после обозрения всей нарисованной автором мрачной картины тем светлее вырисовывается величавый образ того, кто “похоронил” ту ужасную эпоху, который сделал невозможным ее возврат, ее повторение в истории нашего дорогого отечества» [24, с. 335]. В романе, таким образом, Петр I является безальтернативным протагонистом, и Мордовцев подчиняет этой системе ценностей даже свою любимицу царевну Софью, ставя ее в позицию антагониста к Петру.

Итак, анализ исторических романов о царевне Софье 1870–1880 гг. позволяет сделать следующие выводы: авторы произведений опираются на исторические источники, хотя могут вводить в фабулу существенные элементы вымысла; в этот период в изображении царевны присутствуют две тенденции – традиционное противопоставление Софьи и Петра (продолжение линии, сложившейся в XVIII – первой трети XIX в.), представленное в романе Мордовцева «Царь Петр и правительница Софья», и новое, в котором образ царевны приобретает черты неординарной личности, ценной самой по себе, хотя по-прежнему прочно связанной с темой Петра. В оценке самого конфликта Петра и Софьи акцент смещается с темы узурпации власти на трагедию судьбы царевны, нравственный вопрос цены власти. История царевны Софьи уточняла Петровский миф, показав деятельность Петра как продолжение предшествующих преобразований сестры. Кроме того, образ царевны связан с актуальными в этот период общественными вопросами: женская эмансипация и осмысление религиозного раскола XVII в.

Список литературы

1. Гулин А. В. Несбывшийся эпос (Л. Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. 2020. № 3. С. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>, EDN: FRUFFH
2. Васильева С. А. Символика имени в исторической хронике Вс. Соловьева «Царь-девица» // Историко-литературный сборник. Вып. 2. Тверь : ТвГУ, 2002. С. 131–143.

3. Ляпина С. М. Портрет царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица»: к проблеме соотношения исторических фактов и вымысла в художественном произведении // Прошлое как сюжет : материалы Междунар. науч. конф. (Тверь, 5–7 апреля 2012 г.) / отв. ред. А. Ю. Сорочан. Тверь : ТвГУ, 2012. С. 148–153. EDN: VYPNAL
4. Ляпина С. М. Композиционные особенности образа царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // ФИЛОЛОГОС. 2012. № 14 (3). С. 42–48. EDN: QCCZZJ
5. Никольский Е. В. Осмысление судьбы царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 93–96. EDN: KXZYQL
6. Никольский Е. В. Типология женских характеров и судеб в произведениях Всеволода Соловьева о русской истории XVII века // Art Logos. 2019. № 4 (9). С. 54–67. EDN: XHLILB
7. Устинов А. В. Образ царевны Софьи Алексеевны в романе Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол» // Романовские чтения: 400 лет окончания смуты и воцарения династии Романовых : материалы Всерос. конф. (Кострома, 2–3 марта 2013 г.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 106–109. EDN: ZMRWYJ
8. Никульшина Е. В. Проблема метатекста в исторической романистике, отражающей Петровский миф (на материале произведений (1820–1880-х гг.)) // Бардакова В. В., Бугрова Н. А., Вершинина М. А., Гурина Н. Е., Манаенкова Е. Ф., Никульшина Е. В., Панова О. Л., Петрова И. А., Шестак Л. А. Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: современные тенденции. М. : Планета, 2014. С. 173–189. EDN: UDWOAF
9. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 2. 652 с.
10. Пуряева Н. Н. «Я родилась в порфире... на ступенях российского престола»: образ царевны Софьи в литературных произведениях XVIII–XXI вв. // Литература в школе. 2024. № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-1-70-79>, EDN: ULSNEY
11. Пуряева Н. Н. Историческая сцена «Монахиня» Е. П. Ростопчиной и драма А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 42–45. EDN: LHCTBH
12. Пуряева Н. Н. «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» А. Н. Майкова // Вестник Череповецкого государственного университета. Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки. 2024. № 5 (122). С. 220–230. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-5-122-18>
13. Майков А. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1984. 576 с.
14. Полежаев П. В. Престол и монастырь // Царевна Софья: Е. Карнович. Царевна Софья Алексеевна. К. Масальский. Стрелецкий бунт. П. Полежаев. Престол и монастырь. Исторические романы. М. : Новая книга, 1994. С. 359–606. (Всемирная история в романах: Летопись великих событий).
15. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 4 т. Т. 3. М. : Рипол-классик, 1998. 575 с.
16. Соловьев Вс. С. Царь-девица. // Соловьев Вс. С. Царь-девица. Юный император. М. : Правда, 1992. С. 6–269.
17. Карнович Е. Царевна Софья Алексеевна // Царевна Софья: Е. Карнович. Царевна Софья Алексеевна. К. Масальский. Стрелецкий бунт. П. Полежаев. Престол и монастырь. Исторические романы. М. : Новая книга, 1994. С. 5–172. (Всемирная история в романах: Летопись великих событий).
18. Соловьев Вс. С. Царевна Софья Алексеевна // Север. 1888. № 4. С. 14–15.
19. Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М. : Типография В. М. Фриш, 1875. 242 с.
20. Ляпина С. М. Изображение раскола в русской церкви в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // Собор : альманах религиоведения. Православная цивилизация и культура. Вып. 10. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. С. 99–104.
21. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 7. Т. 13–14. История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1991. 701 с.
22. Мордовцев Д. Л. Биографические очерки из русской истории. М. : Российская книжная палата, 1993. 432 с.
23. Ляпина С. М. Концепция сиротства в романе Всеволода Соловьева «Царь-девица» как культурный феномен // Studia Humanitatis. 2014. № 3. URL: <https://st-hum.ru/content/lyapina-sm-koncepciya-sirotstva-v-romane-vsevoloda-soloveva-car-devica-kak-kulturnyy-fenomen> (дата обращения: 14.10.2022).
24. Мордовцев Д. Л. Царь Петр и правительница Софья // Мордовцев Д. Л. Ванька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и гетман. М. : Планета, 1994. С. 93–338.

Поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024;
 принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
 The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024;
 accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 204–211

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 204–211

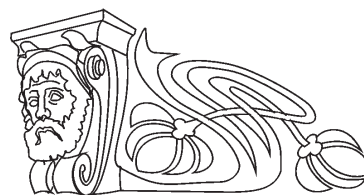
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

Научная статья

УДК 821.351.12.09-6+929 Галбацов

Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат

М. С. Сулейманова

¹Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Россия, 367000, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, д. 57

²Дагестанский филиал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, 367018, г. Махачкала, пр. Насрутдинова, д. 54

Сулейманова Марьям Саидовна, кандидат филологических наук, ¹доцент кафедры дагестанской литературы, ²доцент кафедры гуманитарного образования, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Аннотация. Цель данной статьи состоит в попытке рассмотреть своеобразие стиля современного дагестанского прозаика Газимагомеда Галбацова на материале эпистолярного жанра: в «Письмах на тот свет» классика аварской литературы второй половины XIX – начала XX в. и «Самому себе», отражающих творческие искания автора. Используемые автором структурный и сравнительный методы исследования, метод интертекстуального анализа текста позволяют выявить элементы стилизации автора писем под литературный стиль адресатов. Проведённое исследование раскрывает уникальную способность Галбацова: он в совершенстве владеет разными художественными стилями и отражает особенности индивидуальной творческой манеры адресатов его писем: арабиста и религиозного мыслителя Чанка и едкого сатирика Гамзата Цадасы (отца Расула Гамзатова). В эпистолярном жанре Галбацов передаёт внутренний мир адресатов, особенности их духовно-религиозного мировоззрения, манеру их письма и художественного стиля через интонационный строй речи и лексико-синтаксические средства выразительности. Письма Галбацова представляют значительный литературоведческий интерес с точки зрения их жанрового воплощения и стилистики. С одной стороны, они выступают как средство создания образов автора-адресанта и адресата, с другой стороны, свидетельствуют о стилевых исканиях самого писателя. В статье обращается также внимание на особенности хронотопа и его функции в анализируемых письмах: пространственно-временное художественное решение в эпистолярных произведениях Галбацова отражает авторский дискурс, что способствует раскрытию картины мира дагестанского прозаика.

Ключевые слова: письмо, Галбацов, адресат, автор-адресант, жанр, стиль, (Чанка) Тажудин, Гамзат Цадасы, хронотоп

Для цитирования: Сулейманова М. С. Эпистолярный жанр в творчестве Г. Галбацова: автор и адресат // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Epistolary genre in the work of G. Galbatsov: Author and addressee

M. S. Suleymanova

Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, 57 Magomeda Yaragskogo St., Makhachkala 367000, Russia

Dagestan Branch of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 54 Nasrutdinova Ave., Makhachkala 367018, Russia

Maryam S. Suleymanova, maryam9445@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7678-1034>

Abstract. The article attempts to consider the originality of the style of the modern Dagestani novelist Gazimagomed Galbatsov on the material of the epistolary genre: in “Letters to the next world” to the classics of Avar literature of the second half of the 19th – early 20th centuries and “To himself”, reflecting the creative quest of the author. The structural and comparative research methods, as well as the method of intertextual analysis of the text, make it possible to identify the elements of the author’s pastiche of the literary style of the addressees. The conducted research reveals Galbatsov’s unique ability: he is fluent in various artistic styles and reflects the peculiarities of the individual creative manner of the recipients of his letters: the Arabist and religious thinker Chank and the aciduous satirist Gamzat Tsadasa (Rasul Gamzatov’s father). In the epistolary genre, Galbatov conveys the inner world of the addressees, the peculiarities of their spiritual and religious worldview, the manner of their writing and artistic style through the intonation structure of speech and lexical and syntactic expressive means. Galbatsov’s letters are of considerable literary interest from the point of view of their genre embodiment and stylistics. On the one hand, they act as a means of creating images of the author-addresser and addressee, on the other hand, they are indicative of the stylistic searches of the writer himself. The author of

the article also draws attention to the features of the chronotope and its functions in the analyzed letters: the spatial and temporal artistic solution in Galbatsov's epistolary works reflects the author's discourse, which contributes to the disclosure of the worldview of the Dagestani prose writer.

Keywords: letter, Galbatov, addressee, author-addresser, genre, style, (Chanka) Tazhudin, Gamzat Tsadasa, chronotope

For citation: Suleymanova M. S. Epistolary genre in the work of G. Galbatsov: Author and addressee. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-204-211>, EDN: NMOTOL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современное литературоведение принимает первые попытки изучить и оценить творчество уникального аварского писателя Газимагомеда Камаловича Галбацова (1960–2014), чья проза, бесспорно, – яркое и неожиданное явление в дагестанской литературе. К сожалению, писатель рано ушёл из жизни, не дописав свой главный роман – «Суракат», но уже по созданным страницам можно утверждать: проза Галбацова представляет собой качественно новый уровень в развитии дагестанской романистики. Дагестанский исследователь З. З. Гаджиева связывает исключительность его творчества, прежде всего, с объективными историческими процессами: «Последние десятилетия XX века стали и для аварской литературы временем кардинальных изменений. Она вступила в новый этап, в котором самым главным, на мой взгляд, является то, что с её глаз упали идеологические шторы... В аварской прозе, как и во всей прозе стран бывшего СССР, появилась потребность в новых принципах осмысления действительности, в появлении новой эстетики...» [1, с. 16].

В то же время Гаджиева подчёркивает, что имя Галбацова стало известно читателю ещё до перестройки необычностью стиля: «Весьма своеобразна его стилистическая манера изложения – лапидарная, словно резцом наносящая строгие, суровые, чёткие штрихи, связывающиеся волею авторского интеллекта в загадочную вязь единого рисунка жизни, в его галбацовский художественный текст жизни» [1, с. 16] (сохраняется авторская пунктуация. – С. М.).

Особенность языка произведений Галбацова, необычный стиль его прозы отмечают практически все читатели и исследователи. В частности, М. Бисавалиев, известный дагестанский журналист, близкий друг писателя, подчёркивает: «Его язык был суровым, сухим, однако удивительно похожим на тот, которым говорят люди» («Гъесул мацІ букІана согІаб, бакъвараб, амма гІажайбго гІадамаца бицунелда релъараб») [2, с. 3] (здесь и далее построочный перевод с аварского языка на русский наш. – С. М.).

В данной статье мы попытаемся рассмотреть особенности стиля Галбацова в произведениях эпистолярного жанра, поскольку, на наш взгляд, именно письма наиболее ярко демонстрируют стилевое богатство и возможности пера аварского писателя и свидетельствуют о его экспериментах в обозначенном нами аспекте.

Конечно, эпоха расцвета эпистолярного жанра канула в прошлое, однако, как особая литературная форма, он встречается в творчестве отдельных современных писателей. Как известно, главными отличиями письма как литературного жанра от его бытового аналога являются высокая степень интертекстуальности и ориентация на массового читателя. Исследователь Н. В. Логунова указывает на основную функциональную роль эпистолярного жанра в литературе: «Произведения в форме писем в художественной словесности занимают особое место: они предоставляют возможность максимально полно реализовать иллюзию, принципиально важную для литературы как вида искусства: представить вымышленное высказывание как достоверное» [3, с. 3].

В то же время автор указывает на существенный пробел в современном литературоведении – недостаточную изученность эпистолярного жанра: «...Несмотря на то, что исследования, посвященные данному феномену, активно осуществляются со второй половины XX в. и до сегодняшнего дня, богатейший литературный материал предыдущего и нынешнего столетий оказывается практически не учтен. Это историко-литературное ограничение обуславливает слабость исследовательских концепций в теоретико-литературном плане: XX век – время развития романа в письмах и становления других жанров эпистолярной прозы, которые лишь зарождаются в XIX в. Все это ... выпадает из поля зрения ученых» [3, с. 3].

Известный исследователь жанра письма в русской литературе В. Е. Коробова также утверждает, что «в современной науке практически отсутствуют труды, в которых бы

глубоко разрабатывалась теория эпистолярного жанра» [4, с. 22]. Обозначенная проблема недостаточной изученности эпистолярного жанра в художественной литературе также побудила нас обратиться к письмам Галбацова.

В то же время справедливости ради следует отметить, что в последние два десятилетия в связи с бурным развитием информационных технологий в отечественном литературоведении обострился интерес к жанру письма и его трансформации. Среди наиболее интересных исследований нужно назвать труды А. В. Кожеко [5], Л.-Л.-В. Й. Александер [6], Е. Г. Местергази [7] и др. В процессе работы над данной статьёй нас заинтересовало также диссертационное исследование Ван Цзяо, однако преимущественное внимание в нём уделено не столько эпистолярию, сколько современной автобиографической прозе (частью которой, безусловно, являются и письма) [8].

В диссертации Г. А. Кричевского дан глубокий анализ формообразующих стратегий и принципов формообразования эпистолярной прозы в диахроническом аспекте: установка на диалог и ориентация на адресата. При этом исследователь разграничивает синонимичные понятия «эпистолярный жанр» и «эпистолярная форма»: «Эпистолярный (мета)жанр в широком смысле – это тип произведения, включающий в себя элемент адресованности и тесно связанный с жизненной и художественной прагматикой», а к эпистолярной форме автор относит «художественные произведения в виде писем, посланий...» [9, с. 4–5].

Фундаментальным мы считаем и труд О. В. Никитиной, поскольку в нём рассматриваются принципы изучения теории эпистолярного жанра, описываются различные подходы к изучению писем художников слова, даётся сравнительный анализ «естественного письма писателя и письма в художественном тексте», что очень важно для выявления «особенностей языковой личности» и понимания авторской картины мира [10, с. 3–4].

В процессе исследования мы опирались также на статью А. В. Курьянович, в которой подчёркивается синкретический характер эпистолярного жанра, что позволяет «увидеть» специфику картины мира адресанта. По утверждению автора, она проявляется «в содержательно-тематическом полифонизме, многообразии иллокутивных авторских установок, множественности категории эпистолярного

адресата, сложном характере эпистолярного диалогизма, разнообразной палитре языковых средств репрезентации авторского замысла, наконец, – стилистической маркированности текстов» [11, с. 16].

Как правило, под формой письма как жанра литературы скрываются самые разнообразные сращения: публицистические обращения, литературно-критические статьи, политические заметки, философские этюды, проповедь, путевые зарисовки и др. Однако в творчестве аварского писателя Галбацова жанр письма не укладывается в привычную классификацию. Мы попытаемся рассмотреть художественную форму и стиль его писем, вошедших в сборник «И крутится, вертится мельница...» («Тирулеб сверулеб гьобогги буго...») с подзаголовком: «Письма из мельницы» («Гъабихъан кагътал») [12, с. 501–523].

Поскольку объём данной статьи не позволяет нам представить литературоведческий анализ всех писем Галбацова (их всего одиннадцать), обратимся лишь к трём эпистоляриям из цикла «Письма из мельницы» («Гъабихъан кагътал»): «Самому себе» («Дихъего»), «(Чанка) Тажудину» («ЧанкIа (Тажудинихъе)») и «Гамзату Цадасе» («ЦIадаса ХIамзатихъе»).

Цикл «Письма из мельницы» («Гъабихъан кагътал») открывается письмом, адресованным «Самому себе» («Дихъего») [12, с. 502–503], в котором Галбацов использует такой троп, как олицетворение (голос времени из прошлого), и диалогическую форму речи, чтобы ответить на главный и самый важный философский вопрос, волнующий каждого мыслящего человека: кто я? Через приём отрицания адресат и адресант в одном лице – центральный герой текста – пытаются найти ответ на преследующий его вековой голос ушедшего времени:

– Мун щив?

Дун лъалхъана. Дица щиб жаваб кьелеб?
Дун гIадан вугилан абизе хIинкъун вуго. Дида лъала гъеб рагIи кинаб рагIияли.

Дун хъвадарухъан вугилан абизе нечолев вуго. Дида лъала гъал къадазда чан цIакъа-цIакъаб рагIи рагIарабали...

Дун бахIарчи вугин, дун эбелалъе вас вугин абизего кIолеб гъечIо. Дида лъала кина-кинал улбул гъал къватIахъан хъвадаралали...

(– Кто ты?

Я остановился. Что мне ответить? Боюсь сказать, что я – человек. Я знаю цену этому слову.

Говорить, что я – писатель, неловко мне (стесняюсь). Я знаю, какие гениальные (выдающиеся, мощные) слова слышали эти стены...

Не осмеливаюсь сказать, что я герой, что я сын своей матери. Я знаю, какие матери проходили по этим улицам...) [12, с. 502].

Возникает вопрос: почему адресат-адресант не смог ответить на вопрос: кто он? Философские размышления героя раскрывают авторскую позицию:

– ГІданлгун вижураб гІоларо, ГІаданлгун вукІинеги ккола (– Человеком недостаточно родиться, Человеком надо стать) [12, с. 502].

Мы считаем избранную автором форму диалога между временем и человеком не случайным решением, а хорошо продуманным художественным приёмом, обнаруживающим конфликт внутри самой личности, а не в сфере его взаимоотношений с другими людьми и с окружающим миром. Перед читателем предстаёт рефлексирующая личность с определённой, вполне сложившейся системой морально-нравственных ценностей и этической позицией, отражающей авторский дискурс.

Вслед за письмом «Самому себе» расположено эпистолярное послание известному аварскому поэту XIX столетия, земляку Галбацова – Тажудину, более известному под именем Чанка. Привлекает внимание, прежде всего, необычная для эпистолярного жанра вопросно-ответная форма письма, использованная автором и в письме «Самому себе». В нём звучит не монологическая речь пишущего (адресанта), а его диалог с адресатом, который, казалось бы, неприемлем в данном жанре. Но именно эти приёмы, не свойственные жанру письма, помогают писателю воссоздать образ яркой и цельной личности – поэта Чанка. Тем самым, уже художественной формой письма Галбацов разрушает сложившуюся веками литературную традицию эпистолярного жанра.

В письме к «(Чанка) Тажудину» («(ЧІанкІа) Тажудинихъе») Галбацову удалось передать пронзительную тоску поэта по отчизне, с одной стороны, и, с другой стороны, полную отрешённость от земного мира и даже от родного дома, отображающие цельность и полноту внутреннего мира адресата, составляющие его духовно-религиозное мировоззрение.

Тон письма к «...Тажудину» («...Тажудинихъе») – сдержанный, но обращает на себя внимание следующая особенность авторского стиля: недоговорённость, невысказанная, но в

то же время явно ощущаемая важная смысловая часть текста-«айсберга», переданная через многоточие. Данное синтаксическое средство, как известно, очень эффективно: в письме Галбацова оно способствует созданию особого экспрессивно-эмоционального состояния не только автора письма, но и его адресата. Многоточием заканчиваются все предложения в тексте письма, за исключением двух вопросительных. Оно указывает (несмотря на недосказанность) на особый, понятный адресанту и адресату, тайный смысл, многозначительность, вкуче создающие «подтекстовый» психологизм. Наличие подтекста в письме открывает перед читателем возможность «додумать» то, что не «договаривают» автор и адресат.

В основе диалога между автором и адресатом лежат широко известные факты из жизни аварского поэта Чанка: эмиграция в Турцию и смерть по пути в Мекку в 1909 г. Главный и мучительный для автора-адресанта вопрос звучит в начале письма:

– Тажудин, хІежалде унеб мехалда, рокъоса къватІиве вахъигун, нахъ щай мун валагычІев? (– Тажудин, когда отправлялся в хадж, выйдя из дома, почему ты не оглянулся?) [12, с. 504].

Покинутое пространство – «дом» – сначала всё более расширяется в тексте письма: родное село (росу) – равнина, склон, на котором расположено село (mІалъи), – Дагестан, а затем оно, постепенно сужаясь, возвращается в первоначальную точку: люльку, в которой поэта укачивали младенцем, и могилы предков (рождение и смерть слились в одну пространственную точку):

– ЧІанкІа, дур рокъой эбел йикІана, мун вуцараб кини букІана, рукъалда аскІор бекъечІдерил хобал рукІана... (– Чанка, у тебя дома была мать, люлька, в которой пеленали тебя, рядом с домом могилы батлаичцев...) [12, с. 505].

Галбацов создаёт этот образный ряд, чтобы не просто показать ценность родины (села, дома, матери, могил предков), но и получить ответ на главный и крайне волнующий автора вопрос: почему Тажудин покинул отчизну? В понимании ответа на поставленный вопрос ключевыми в устах адресата являются два слова, лейтмотивом повторяющиеся в художественном пространстве относительно небольшого по объёму текста письма (всего в одну страницу): «tІarІана» («исчезла») и «гъитІинлъана» («уменьшилась, стала незначительной»). Благодаря их повтору читатель понимает, что исчезли

и стали совсем маленькими, незначительными не родина в географическом и этическом смыслах этого слова, а весь мир, вся тленная земная жизнь, имеющая свой предел, свой финал, своё завершение – смерть.

Религиозное мировоззрение (Чанка) Тажудина, его образ Галбацов раскрывает, ни разу не используя для этого прямую авторскую оценку или характеристику. Перед читателем предстаёт личность адресата, твёрдая в своей убеждённости: ничтожна бренная земная жизнь. На призыв автора вернуться обратно и взглянуть на мир (*нахъ вусса, ...дунялалъухъ валагье...*) Тажудин отвечает:

– *Валагъун вуго дун... ГъитІунаб жо буго, ГъазимухІамад, эб...* (– Смотрю я... Маленькая (незначительная) вещь, Газимагомед, это...) [12, с. 505].

Интересно проследить личностно-оценочное соотношение автора-адресанта и адресата. С одной стороны, автор, безусловно, возвышает Тажудина, чья религиозно-философская позиция находится вне его мировоззренческого понимания. С другой стороны, он равновелик ему, во всяком случае, в определённом временном пространстве жизни героев – в молодости. Подтверждается это словами адресата о том, что те же самые вопросы он задавал себе в юности:

– *ГъазимухІамад, дур кІудаэмен гъавилалдего гъел суалал дицаго диего кьолаан* (– Газимагомед, ещё до рождения твоего деда эти вопросы я сам себе задавал) [12, с. 505].

Но тут же едва обозначенная «равновеликость» подвергается сомнению:

Мун ваккулеб кІкІал гуро гъеб... (Это такая пропасть, в которую тебе не дано заглянуть...) [12, с. 505].

Казалось бы, адресант и адресат – приверженцы разных мировоззрений, что исключает их полное взаимопонимание. Подтверждается это и вопросно-ответной формой письма (незачем задавать вопросы, если ответы на них очевидны и бесспорны). Однако такой вывод носит однобокий характер и имеет право на существование, если исходить только лишь из художественной реальности текста. Но есть реальность действительная, в которой образы и автора-адресанта, и адресата создаются писателем – Галбацовым. В то же время важно подчеркнуть: язык и стиль письма, суровый и лаконичный, величественный и даже немного торжественный, обусловлены личностью не столько автора текста, сколько его адресата – по-

эта-арабиста и религиозного мыслителя Чанка, поэтому нам кажется справедливым замечание Н. В. Сапожниковой: «Глубинная психология человека, равно как и дискурсивные резервы письма, такова, что разговор с “другим” скорее предоставляет возможность еще раз оказаться наедине с самим собой и разрешить в письменной эпистолярно-адресной форме возникшие (а порой еще и не вполне осознанные) сомнения, и уже в самом процессе письма попытаться их разрешить. Автор, мысленно разговаривая с потенциальным собеседником, даже если письмо не будет отправлено, **зависит от адресата...**» [13, с. 120] (выделено нами. – С. М.).

Подобную «зависимость от адресата» и гибкость стиля (стилизацию под адресата) мы находим и в письме Галбацова «Гамзату Цада-се» («Цада-се ХІамзатихъе»). На первый взгляд, интонация письма звучит буднично. Адресант рассказывает о современных событиях, о переменах в общественно-политической жизни страны, о приметах нового времени и появлении «новых людей» («цІиял чагІи») легко и просто, с дружеской доверительностью. В то же время каких бы проблем ни касался автор письма, в его речи легко узнаваемы сатирическая манера и стиль самого Гамзата Цада-се. С едкой иронией пишет Галбацов о том, как проходят юбилеи поэта:

Цо-цо дур юбилеялги тІоритІун, мун веццула нижеца. ...Дур кучІдулги рикІкІунаро гъенир, нижецаго руго кучІдул, цІияб къагІудаял хъварал, дуразде регІун гъечІо... (Иногда, отмечая твои юбилеи, мы хвалим тебя... Твои стихи не читают на них, у нас свои стихи, по-новому написанные, не до твоих нам...) [12, с. 507].

С «гамзатовской» иронией говорит Галбацов не только о бездарных и тщеславных современных поэтах, но и о проблеме вымирания национальных языков, об ослаблении читательского интереса:

Нилъер поэтал гъанже мунго гІадин киналго халкъиял руго. ГІадатияв поэт гъезего гъечІо. Ругезги щибго жо хъвалеб гъечІо. Хъвараб жо цІализе чи цоларого руго... (Наши поэты теперь, как и ты, все народные. Обычного (рядового) поэта вовсе нет. И те, что есть, ничего не пишут. Не могут найти тех, кто читает написанное...) [12, с. 508].

Лаконичность фраз и краткость предложений выступают своеобразным контрастом относительно сути и содержательно-смысловой стороны письма, что ещё более подчёркивает

глобальность и актуальность проблем, которых касается автор-адресант. Аналогичный подход в способе высмеивания и разоблачения человеческих пороков и язв общества мы находим в сатирической поэзии самого Гамзата Цадасы, что позволяет нам утверждать: Галбацов довольно смело и успешно экспериментирует в области не столько формы произведения (хотя и тут он постоянно ищет и находит новые возможности), сколько в способности в совершенстве овладевать разными художественными стилями.

В контексте данной гипотезы нам представляется важным наблюдение дагестанского литературоведа М. Гаджиева, который в прочитанной им в 2017 г. лекции «Проза Газимагомеда Галбацова» отмечает особый, узнаваемый стиль его прозы, который невозможно перепутать ни с чьим другим. Исследователь, неоднократно встречавшийся с писателем лично и имевший возможность часто проводить с ним частные беседы, вспоминает: «...Газимагомед Галбацов высказывал желание изменить свой стиль таким образом, чтобы без указания его фамилии смог бы остаться неузнанным читателем» [14].

Следует обратить внимание: если в рассмотренных нами письмах «(Чанка) Тажудину» и «Гамзату Цадасе» вопросы задают друг другу адресат и адресант – реальные выдающиеся личности, хорошо известные дагестанцам талантливые поэты и сам писатель, Галбацов, то в письме «Самому себе» («Дихъего») к герою-адресату и адресанту (в одном лице) обращается не человек, а давно ушедшее время – голос древности. В связи с этим нам представляется важным исследовать особенности хронотопа в письмах Галбацова, поскольку «хронотоп как текстовая категория играет важную роль в конструировании особого художественного мира произведения, придавая ему онтологическую сущность, тем самым передавая читателю убедительное ощущение бытия» [15, с. 531].

Попытаемся выяснить, какую функцию выполняет хронотоп в анализируемых произведениях. Прежде всего, обозначим: пространственно-временное художественное решение в эпистолярных произведениях Галбацова «(Чанка) Тажудину» и «Гамзату Цадасы» реализуется в оппозиции настоящего и прошлого. В обоих этих письмах вопросы обращены из настоящего в прошлое, а в письме «Самому себе» – из прошлого в настоящее, и теперь уже сам автор – ответчик (адресат и адресант), и ему самому необходимо предстать перед бес-

пристрастным и справедливым судом вечности. Во всех трёх письмах Галбацова мы наблюдаем космическое время в соотнесённости прошлого и настоящего. Пространство в них остаётся открытым, однако оно всё же ограничено: в письме самому себе оно замкнуто узкими сельскими улицами. Примечательно, что начинается письмо с обозначения пространства: *Дирго росдал къваридал къватIал...* (*Моего села узкие улицы...*) [12, с. 502]. Герой (автор-адресант – адресат) в этом пространстве перемещается с одной улочки на другую, убегая от преследующего его голоса вечности из прошлого, но бежать некуда. Пространство ограничено родным селом: *Киве тIурилев? Киве аниги, бакъагычIисев... Киве цваниги бекъечIдерил къваридал къватIал... Гъоркъа-роххен, Квешаб роххен... Басрияб заманалъул къер чIварал ганчIазул къадал...* (*Куда бежать? Куда бы ни направился, батлаиче... Куда бы ни пришёл, батлаичские узкие улицы... Нижний квартал, Плохой квартал... Покрытые цветом древнего времени каменные стены...*) [12, с. 503].

Образ пространства Галбацов создаёт введением в текст письма топонимов: географических названий родного села и его частей (кварталов). Текст письма автор обрамляет обозначением конкретного пространства: мы наблюдаем при этом не только кольцевую композицию, но и лексический повтор пространственных топонимов. С первых же строк анализируемого письма мы узнаём о расположении села Батлаич. Автор географически локализует описываемую местность, используя множество реальных топонимов, среди которых встречаются ойконимы – названия населённых пунктов Хунзахского района Дагестана: селения Батлаич, состоящего из шести кварталов, среди которых Гъоркъа-роххен (Нижний квартал) и Квешаб роххен (Плохой квартал). Автор прибегает к использованию действующих дагестанских топонимов, обозначающих пространство, что вносит реалистический и, более того, автобиографический компонент в создаваемую писателем картину мира. Местом пересечения временного и пространственного в письме Галбацова «Самому себе» являются «тесные улицы» родного села. С одной стороны, место, пространство в письме статично (улицы села Батлаич), с другой стороны, на них лежит печать времени, а значит, время влияет на пространство, и оно претерпевает определённые

изменения. Как утверждает М. М. Бахтин, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. ...Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [16, с. 235].

В хронотопе ведущее и активное начало исследователь отводит времени. Теория Бахтина находит подтверждение в письме Галбацова: описываемое пространство неизменно связано со временем, причём время является активно-вездесущим: куда бы ни направился герой, его преследует голос времени из прошлого.

Репрезентация пространства всего художественного мира в письме Галбацова «Самому себе» осуществляется через противопоставление прошлого и настоящего (бинарная оппозиция), предстающего в качестве основной структурообразующей единицы. Оно способствует особой организации художественного времени, в котором прошлое символизирует истинные человеческие ценности, знания, понимание, оно прочно, а настоящее зыбко, неопределённо.

Следует особо оговорить, что в письмах Галбацова языковая личность автора раскрывается максимально полно. Безусловно, любой литературный жанр отражает языковую специфику личности создателя художественного текста, однако, как справедливо подчёркивает В. Е. Коробова, лишь «эпистолярный жанр можно назвать универсальным, так как он особенно благоприятен для исследования языковой личности во всём богатстве её проявления» [4, с. 22].

В письме Галбацова «Гамзату Цадасе» основным художественным средством, использованным автором, является сатира. Известно, что Гамзат Цадаса, используя приём высмеивания, касался в своём творчестве наиболее острых, актуальных проблем современной ему эпохи: кровной мести, пьянства, злоупотребления служебным положением и т.д. Галбацов поступает аналогично. Он поднимает тему острой проблемы современности – потери национальной самоидентификации личности через потерю языка. С каждым новым поколением всё меньше в национальных республиках становится тех, кто владеет родным языком: некому читать произведения, написанные на языках народов Дагестана. Связано это,

безусловно, и с тем, что наша республика является многонациональной, а русский язык за последнее столетие занял нишу языка межнационального общения (с XII по XIX в. данную функцию на Кавказе выполнял преимущественно арабский язык). Иначе говоря, в письме «Гамзату Цадасе» Галбацов реализовал и творческий метод, и идейно-тематическую заострённость произведений на проблематику своего времени, и стиль адресата.

По оппозиции времени (авторское обращение из настоящего в прошлое) письму «Гамзату Цадасе» аналогично письмо «(Чанка) Тажудину». Однако на этом сходство заканчивается. По тональности, по глубине философских переживаний, по использованным тропам, приёмам, лексическим и синтаксическим средствам идентичны два других письма: «Самому себе» и «(Чанка) Тажудину». На наш взгляд, обусловлено это не только тем, что обоих – поэта XIX столетия Чанка и нашего современника прозаика Галбацова – связывает общая малая родина, село Батлаич, но и ментальным характером их творчества, однако данная тема требует отдельного исследования.

Таким образом, письма Галбацова, рассмотренные нами в данной статье, позволяют утверждать, что стиль самого писателя (адресанта), как в зеркале, отражает специфические особенности стиля и творческой манеры адресатов – классиков дагестанской литературы, аварских поэтов Чанка и Гамзата Цадасы. Следовательно, мы можем считать его эпистолярные произведения результатом весьма успешной экспериментальной работы над свободным владением стилями других дагестанских поэтов и писателей как средством и возможностью таким путём изменить собственную манеру письма, чтобы сам автор «мог остаться неузнанным», т.е. довести до совершенства собственное писательское мастерство.

В результате исследования мы пришли к выводу, что письма Галбацова – избранная автором художественная форма, в которой реализован тип отношений адресант – адресат: письма из настоящего в прошлое (адресатам) и письмо самому себе, в котором, наоборот, прошлое вторгается в настоящее (временное измерение дано в зеркальной противоположности). В обоих случаях они отражают авторский дискурс, раскрывая перед читателем образ рефлексивной личности адресанта во всей противоречивости его внутреннего мира.

В то же время совершенно очевидно, что перед нами зрелый писатель, свободно и удачно экспериментирующий в создании произведений разноплановых стилей, со сформировавшейся системой морально-нравственных ценностей и сложившейся жизненной позицией.

На наш взгляд, письма Газимагомеда Галбацова представляют значительный литературоведческий интерес с точки зрения их художественного воплощения, позволяющего создать образы (как адресанта, так и адресатов с присущей им индивидуальной творческой манерой) и в то же время обнаружить стиливые искания самого автора.

Список литературы

1. Гаджиева З. З. О кредо писателя и о новом векторе // Галбацов Газимагомед. Мысли обречённого жить. Махачкала : Лотос, 2018. С. 5–39.
2. Бисавалиев М. О Галбацове // ГъазимухИмад ГъалбацIов. Тирулеб сверулеб гъобогI буго... Публицистика = Газимагомед Галбацов. И крутится вертится мельница... Публицистика. Махачкала : Лотос, 2019. С. 3–8 (На авар. яз.).
3. Логунова Н. В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 447 с. EDN: QFUWKV
4. Коробова В. Е. Жанр письма в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета. 2020. № 1 (55). С. 22–29. EDN: FJLFVY
5. Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 3. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (дата обращения: 03.10.2024).
6. Александер Л.-Л.-В. Й. Лингвокультурологические особенности эпистолярного дискурса (на примере писем композиторов Л. ван Бетховена и Р. Вагнера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 22 с.
7. Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М. : Флинта : Наука, 2007. 160 с.
8. Ван Цзяо. Стратегии автобиографической наррации в современной русской прозе (Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 183 с.
9. Кричевский Г. А. Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 262 с.
10. Никитина О. В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярного : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 162 с.
11. Курьянович А. В. Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. № 2 (143). С. 16–20.
12. ГъазимухИмад ГъалбацIов. Тирулеб сверулеб гъобогI буго... Публицистика = Газимагомед Галбацов. И крутится вертится мельница... Публицистика. Махачкала : Лотос, 2019. 622 с. (На авар. яз.).
13. Сапожникова Н. В. Эпистолярный дискурс как письмо в эволюционном диапазоне его саморазвития // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2. С. 111–121. EDN: HYRQTV
14. Гаджиев М. Проза Газимагомеда Галбацова. Лекция. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9272483890252784505> (дата обращения: 17.03.2024).
15. Вишнякова Е. П. Хронотоп как пространственно-временная основа моделирования художественного мира // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 529–531. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-529-531>, EDN: KWKNYB
16. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 212–221

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 212–221

<https://bonjour.sgu.ru>

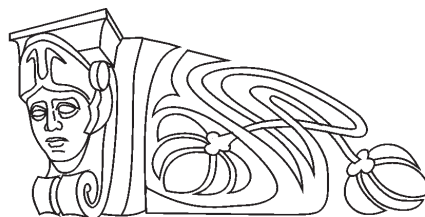
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-212-221>, EDN: TDGTFN

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32+929Слаповский

Типы нарраторов в цикле А. Слаповского «Туманные аллеи»

О. Е. Романовская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20А

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, rom.vs.olga@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7700-5163>

Аннотация. Статья посвящена изучению нарративного аспекта цикла рассказов А. Слаповского «Туманные аллеи». Автор использует приемы нарратологического анализа, выработанные в отечественном и зарубежном литературоведении. Основная цель исследования – изучение типов нарраторов в цикле А. Слаповского. В основу типологии положена бинарная оппозиция: недиегетический и диегетический нарратор. Недиегетического нарратора в рассказах А. Слаповского характеризует имплицитность, установка на точку зрения героя. Он продуцирует персонажный тип повествования, характерный для реалистической прозы XX в. Диегетический нарратор представлен разнообразно: нарратор-наблюдатель, нарратор-ретранслятор, маска автора-создателя, сказовый нарратор. Первые три типа объединены темой творчества. Субъект повествования, представляющий себя писателем, занимает позицию наблюдателя или становится ретранслятором истории, рассказанной героем. Маска автора – фикциональный двойник биографического писателя и результат постмодернистской игры А. Слаповского с границей между текстовой и внетекстовой реальностью. Нарративным экспериментом писателя можно назвать его обращение к сказу, имитацию чужой устной речи. А. Слаповский подражает принципу «вербатим», который основан на дословной передаче документального рассказа. Сказовый нарратор – это рассказчик, которого отличают от автора-создателя культурно-интеллектуальный уровень, возраст, национальность, пол. Во многих рассказах цикла субъект сказового повествования – женский персонаж. Нарраторы разных типов позволяют А. Слаповскому структурировать полисюжетный «караван историй», представленный в «Туманных аллеях», воплотить художественную концепцию любви автора.

Ключевые слова: нарратив, цикл, маска автора, сказ, ретроспекция, ретрансляция, точка зрения

Для цитирования: Романовская О. Е. Типы нарраторов в цикле А. Слаповского «Туманные аллеи» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 212–221. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-212-221>, EDN: TDGTFN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Types of narrators in A. Slapovsky's cycle *Foggy Alleys*

O. E. Romanovskaya

Astrakhan State University named of V. N. Tatishchev, 20A Tatishcheva St., Astrakhan 414056, Russia

Olga E. Romanovskaya, rom.vs.olga@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7700-5163>

Abstract. The article deals with the study of the narrative aspect of the cycle of stories by A. Slapovsky *Foggy Alleys*. The author uses narratological method of analysis developed by the Russian and foreign specialists in literature. The research is aimed at studying different types of narrators in A. Slapovsky's cycle. The typology is based on the binary opposition: there are non-diegetic and diegetic narrators in the cycle. The non-diegetic narrator of A. Slapovsky's stories is characterized by implicitness, by the focus on the character's point of view. The non-diegetic narrator produces the character's type of narration, prevailing in the realistic prose of the 20th century. The type of diegetic narrator is presented in different ways: as a narrator-observer, as a narrator-repeater, as a mask of the author-creator, as a storyteller. The first three types are united by the theme of creativity. The subject of the narration introduces himself as a writer, takes the position of an observer or repeats the character's story. The mask of the author-creator is the fictional double of a biographical writer and the result of the postmodern game of A. Slapovsky with the border between the text and extra-text reality. The narrative experiment of the writer is the tale, the imitation of someone else's speech. A. Slapovsky copies the principle of "verbatim" based on the word-for-word retelling of a documentary story. The storyteller is a narrator, who differs from the author-creator in the level of culture and intelligence, age, nationality and gender. The subject of the tale in many stories of the cycle is a female character. Narrators of different types enable A. Slapovsky to structure the polyplot "caravan of stories" of *Foggy Alleys* and to implement the author's artistic concept of love.

Keywords: narrative, cycle, mask of author, tale, retrospection, repetition, point of view

For citation: Romanovskaya O. E. Types of narrators in A. Slapovsky's cycle *Foggy Alleys*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 212–221 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-212-221>, EDN: TDGTFN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Творчество Алексея Ивановича Слаповского – заметное и значительное явление последних десятилетий. Об этом свидетельствует читательский и исследовательский интерес к произведениям этого автора. Известность ему принесли пьесы и романы, изучению которых посвящены статьи и диссертационные исследования [1–5]. Романы А. Слаповского не раз номинировались на престижные литературные награды, выходили в финал премии «Русский Букер». Интересна с художественной точки зрения малая проза писателя: очерки и рассказы, к которым писатель обращался на протяжении всего творчества.

Начав с коротких юмористических рассказов, составивших книгу «Антиабсурд, или Книга для тех, кто не любит читать» (2005), А. Слаповский сохранил устойчивый интерес к рассказу, что подтверждают как журнальные публикации, так и изданный в 2014 г. сборник «Хроника № 13». В полной мере мастерство рассказчика он раскрыл в цикле «Туманные аллеи». Прозрачная отсылка к «Темным аллеям» И. А. Бунина обыгрывается на паратекстуальном уровне: в предисловии к циклу и в эпиграфах к рассказам.

Многочисленные связи «Туманных аллей» с претекстом стали объектом изучения в работах, направленных на выявление и интерпретацию различных форм интертекстуальности [6–11]. Отдельные статьи посвящены индивидуально-авторским художественным решениям А. Слаповского в этом цикле [12, 13].

Очевидно, что для А. Слаповского значимым направлением эстетического поиска стал эксперимент в области повествования: писатель использует эксплицитные формы авторского присутствия в тексте; размывает границу между автором-создателем и автором-героем; актуализирует роль читателя, включая в текст риторические обращения и вопросы; усложняет повествование различными способами передачи чужой речи и сменой планов.

Характерная черта произведений А. Слаповского – жанровый синтез. По замечанию Ф. С. Капицы, «композиция его произведений может быть достаточно разветвленной и запу-

танной. В развитие основного сюжета время от времени вклиниваются самые разные истории, рассказы, байки» [14, с. 404]. Повествование организовано как «беспредельный текст, в который могут быть в любой момент включены новые отрывки» [14, с. 398]. Дробление романной структуры, мозаичность сюжета свидетельствуют о том, что писателю ближе малые эпические жанры, описывающие случай из жизни, увлекательную историю, необычное происшествие. Подобная калейдоскопичность иногда нарушает органическую целостность романной организации, но удачно воплощается в структуре цикла. Таким образом, «Туманные аллеи» – это, с одной стороны, некая квинтэссенция эстетического опыта А. Слаповского, с другой – осмысление и обобщение важных для него тем любви, судьбы, творчества.

В предисловии к циклу автор отмечает осознанный характер диалога с «Темными аллеями» И. Бунина и объясняет основную цель создания рассказов – понять, как «живут сейчас эти сюжеты. Сравнить два времени. Уловить перемены в людях, в языке, в том, что мы называем любовью» [15, с. 8]. Писатель модифицирует и модернизирует фабулы рассказов, образы героев, создает оригинальную поэтику, которой присуще разнообразие типов нарраторов и соответствующих им типов повествования.

Авторы «Тезауруса исторической нарратологии» предлагают следующую дефиницию понятия «нарратор» – «субъект нарративного акта (повествователь, рассказчик, хроникер, свидетель), чье сознание выступает интенциональным источником событийности, поскольку именно он – «свидетель и судия» (Бахтин), выступающий гарантом событийного статуса излагаемой истории» [16, с. 71]. По утверждению И. П. Ильина, нарратор – одна из основных категорий нарратологии, которую отличает фикциональность. Нарратор – «результат перевоплощения автора, передающего ответственность за совершаемые им речевые акты своему заместителю в тексте – “субституированному говорящему”» [17, с. 79]. В соответствии с теорией автора М. М. Бахтина нарратор является субъектной формой воплощения авторского сознания в тексте, посредством которой выражается авторское мировидение.

В основу типологии нарраторов положена бинарная оппозиция, обусловленная отношением нарратора к художественному миру произведения: в современном литературоведении принято называть нарратора, являющегося частью вымышленной реальности, диегетическим, не принадлежащего ей – недиегетическим. Эти два типа нарраторов, в свою очередь, подразделяются на подтипы в зависимости от степени индивидуализации, включенности в действие, репрезентации внутреннего мира, соотносительности с фигурой биографического автора.

А. Слаповский в «Туманных аллеях», состоящих из 40 рассказов, выстраивает и оркеструет систему голосов нарраторов, отличных друг от друга по разным критериям и в то же время объединенных авторской сверхзадачей.

Имплицитный нарратор

Цикл открывает рассказ «Туманные аллеи». О небольшом эпизоде из жизни семейной пары повествует недиегетический *имплицитный нарратор* чеховского типа, соответствующий реалистической парадигме художественности. Оставаясь «невидимым», он варьирует внешнюю и внутреннюю точки зрения при описании событий, при этом воздерживается от оценок, комментариев, пространных рассуждений, навязывания читателю идеологических или морально-нравственных выводов. Имплицитному нарратору в рассказе «Туманные аллеи» доступны мысли и переживания персонажей, между тем он не раскрывает их внутренний мир полностью. Авторская позиция скрыта, перенесена в подтекст. Рассказ воспроизводит характерный для русской прозы XX в. персонажный тип повествования, что позволяет А. Слаповскому подчеркнуть связь с традициями А. Чехова и И. Бунина.

Рассказ «Туманные аллеи», находясь в «сильной позиции», вводит важную для всего цикла тему времени. Упоминание имен Н. Огарева и И. Бунина, Т. Драйзера и А. Германа сводит различные культурные эпохи во временной точке, совпадающей с биографическим временем героев рассказа, которое и футурологично (героиня сообщает мужу о беременности), и ретроспективно (сжато представлено прошлое героев). Детали: лодка, река, поезд, стук колес которого слышат герои, – символизируют течение жизни. «Лодка скользила в тишине...

Он поднял весла, уложил вдоль бортов, лодка двигалась сама, по течению... По мосту прошел поезд и в ровном перестуке колес было что-то успокоительное, в нем слышалась упорядоченность и привычка к расписанию» [15, с. 17, 19]. Имплицитный нарратор в подтексте передает идею времени как естественного потока (река) и ритмичного движения (поезд). Жизнь его героев – часть этого потока, этого ритма.

В рассказах «Надежда», «Вася Чернышевский», «Литература», «Боря», «Танцы», «Русалка», «Миша Воркута», реализующих третьеличное повествование, художественное время реверсивно. Оно развернуто в прошлое, в котором происходили судьбоносные для жизни героев события. В цикле А. Слаповского, как и в «Темных аллеях» И. Бунина, память о прошлом, «магия воспоминаний» (Л. Колобаева) организует повествование. Время обозначено в зачинах рассказов: «Это было давно, в советское время, на областном семинаре молодых поэтов» («Надежда») [15, с. 45]. Иногда с указанием конкретной даты: «...курсы повышения квалификации при одном союзном министерстве, 1988 год, Москва, осень» («Боря») [15, с. 119]. Или косвенно, через упоминание реалий советской действительности.

«В сентябре художественное училище отправили на картошку, как это традиционно называлось» («Вася Чернышевский») [15, с. 61].

«Это было последнее всесоюзное совещание молодых писателей» («Русалка») [15, с. 354].

Степень значимости события, живущего в памяти героя, не зависит от его продолжительности.

«Шло время, он забыл имена и лица многих, с кем танцевал, кого целовал и водил к другу в мансарду, а эту девушку, эту обычную пэтэушницу, которой он даже имени не успел узнать, – помнит» («Танцы») [15, с. 128].

Финалы некоторых рассказов обнаруживают, что повествование, формально принадлежащее нарратору, инспирировано воспоминаниями героя.

«Он не раз рассказывал об этом случае друзьям, знакомым и попутчикам, в случайных компаниях, считая его необычным, слушавшие... ничего необычного не видели, у каждого в прошлом было что-то похожее. А он все рассказывал и рассказывает до сих пор» («Надежда») [15, с. 49].

Подобные финалы убеждают читателя в достоверности событий, делают более оче-

видной основную функцию имплицитного повествователя – представить воспоминания героев в эстетически завершенной форме.

Нарратор-наблюдатель и нарратор-ретранслятор

Нарратор-наблюдатель находится в одном художественно-временном континууме с героями, но несколько отстранен от них, его участие в сюжете минимально. В рассказе «Красавцы» позиция наблюдателя эксплицирована и прокомментирована им с точки зрения героини: «...она глянула на меня, подозрительно стоящего неподалеку. Подозрительно – потому что человек должен куда-то идти, а если устал, должен сидеть. Этот же стоит и смотрит. Ладно бы на храм глядел, крестясь, тогда понятно. Нет, торчит тут непонятным столбом и пялится в неизвестность. Кто знает, что у таких на уме» [15, с. 87]. Этот фрагмент демонстрирует эмпатичность нарратора-наблюдателя, способного погрузиться в чужое сознание, увидеть мир и себя в нем глазами другого человека.

Наблюдатель имперсонален, его аксиологическая позиция находит воплощение в организации повествовательной структуры, в частности в использовании чужого слова. Средством характеристики героини, дорого и хорошо одетой молодой женщины, становится контраст внешности и речевого портрета. В прямой и несобственно-прямой речи звучит разговорная и грубая, почти бранная лексика: тупой, орать, тормоз, позорище, нефиг. В речи нарратора-наблюдателя голос героини выделен курсивом и тем самым обособлен, что акцентирует ее чуждость рассказчику: «...все, что было на ней, показывало, что она *по жизни* выбирает вещи только самого лучшего качества» [15, с. 86].

Нарратор-наблюдатель в «Икше» не только фиксирует происходящее вокруг, он обобщает и прямо выражает свои наблюдения и чувства. Как и в «Красавцах», невольное наблюдение за незнакомыми людьми обусловлено публичностью происходящего. В электричке он сначала становится свидетелем ссоры между матерью и дочерью, а затем любит юной парой. Рассказчик не пытается понять, что стоит за поведением его случайных попутчиков, однако тонко определяет те отношения, которые их связывают, обнаруживая проницательность.

Функция наблюдателя зачастую обусловлена родом занятий нарратора. В рассказе «Муж» начинающий писатель, внимательный к окру-

жающим, присматривается к соседу, которого выделяют внешность и поведение. «Редкостно некрасивый человек... Приземистый, широкоплечий, ноги очень короткие, не больше трети длины тела, особенно это было заметно сзади. А лицо, если не питекантропа, то какого-то древнего человека» [15, с. 91]. Встречи с ним вызывают у рассказчика удивление и иронию:

«Самохин пожал мне руку, представился: – Валерий.

Мне удивительно показалось, что у него есть человеческое имя, и я тут же, конечно, своего удивления мысленно застыдился» [15, с. 95].

Ключом к пониманию этого человека становятся рассказы его жены Валентины, которые молодой писатель узнает от своей супруги. Комбинация и взаимоналожение разных точек зрения создают образ замкнутого, внутренне грубого мизантропа и мизогиниста, косного и деспотичного. Реминисцентным фоном заключительного эпизода – «спора за столом» – является знаменитый рассказ В. Шукшина «Срезал». Сравнение с Глебом Капустинным подчеркивает жестокость, уязвленное самолюбие Самохина, стремление самоутвердиться, унижая другого.

Тема писательства – одна из важнейших в творчестве А. Слаповского. Нарратор-писатель, будучи внимательным наблюдателем, и на самого себя, молодого, смотрит со стороны, в том числе глазами Самохина: «...осмотрел и меня, худого, молодого, волосы до плеч, глаза веселые и наглые» [15, с. 94]. Ностальгия по молодости придает повествованию лирическое звучание. Напоминание о Самохине запускает механизм воспоминания о «счастливом времени», когда рассказчик «запирался в санузле – ставил на старую стиральную машинку “Рига” пишущую машинку “Москва”, садился на крышку унитаза... и бойко стуча двумя пальцами, сочинял рассказы, которые рвал сразу же после сочинения» [15, с. 90]. Примечательна дистанция, возникающая между создателем и напечатанным текстом: «...я видел его отстраненно, как не свой».

Во втором рассказе цикла, «Курица», объектом наблюдения нарратора-писателя становятся не только участники любовного треугольника, в числе которых повествующее «я», но и процесс наррации. Творческая рефлексия отражается в самоиронии, позволяющей рассказчику несколько отстраниться от травмирующих воспоминаний.

«Приехав в Москву, я отправился к гостинице “Измайлово”.

Она ждала меня у выхода из метро.

Женщина, конечно, а не гостиница» [15, с. 20].

«И она пошла прочь – к метро. Остановилась. Стояла, не оборачиваясь. Ждала его. Так ждут выстрела в спину, сравнил бы я, если бы любил подобные метафоры» [15, с. 23].

«Эффектный финал. Но не было этого» [15, с. 25].

В «Юле» образ писателя-нарратора появляется в обрамлении основной части, которая представлена как традиционное третьеличное повествование. Она рифмуется с сюжетами цикла, действие которых происходит в советском прошлом. Использован характерный зачин: «Эта история началась очень давно, осенью девяносто первого года» [15, с. 169], за ним следует рассказ о сближении Глеба Дорофеева, чиновника из сферы образования, с юной сельской девушкой по имени Юля, о внезапно нахлынувшей на него любви-страсти. В рамочной части герой – уже пожилой областной министр образования – знакомится в больнице с писателем: «Я вам такую историю изложу – отличный роман напишете!» [15, с. 200].

Нарратор обнаруживает противоречивое отношение как к Дорофееву, так и к его «истории». Счастливая семейная жизнь: «...двадцать пять лет вместе живем, двое сыновей, взрослые уже. Я один из всех моих друзей жену не менял! Я не изменил ей ни разу!» [15, с. 200], по его мнению, не содержит конфликта, а потому не соответствует законам художественности.

«– Нет, – мстительно сказал я. – Даже рассказа не получится. Нет неожиданных поворотов, чего-то такого...» [15, с. 200].

Однако история Дорофеева все же превращается в художественный текст. Позиция «вне-находимости» позволяет рассказчику-писателю обнаружить в ней «наличие конфликта», ему становится очевидно то, чего не замечает герой – страсть несет в себе и разрушительное начало.

«Глеб обнял и всю ее почувствовал, и показалось, что кровь всего тела разом хлынула в голову, Глеб пошатнулся и, может, упал бы, если б Юля его не поддержала.

Первые признаки будущего инсульта, говорил он мне через четверть века, когда рассказывал эту историю» (курсив наш. – О. Р.) [15, с. 189].

Нарративный металеписис – неожиданное вмешательство голоса рассказчика в структуру третьеличного повествования – свидетельствует о ретрансляции истории.

Ретрансляция – прием, который часто встречается в рассказах с перволичной формой повествования. Как правило, *нарратор-ретранслятор* неперсонифицирован, не маркированы особенности его речи и сознания, он не участник событий, ограничен перспективой персонажа. В «Соседке» прошлое воссоздано в соответствии с воспоминаниями Марата.

«Сколько лет прошло, а он до сих пор помнит по именам и фамилиям обитателей всех пятнадцати квартир этого подъезда...» [15, с. 242]. Ракурс показа зависит не только от избирательности памяти Марата, но и от его желания рассказать о сокровенных чувствах и переживаниях.

«Что пропущено?

Пропущена квартира на третьем этаже, двадцать четвертая. Самая важная... туда въехала семья Карины, девочки, девушки, женщины, которую он на всю жизнь полюбил» [15, с. 246].

Представлен только пролог этой любви – первая встреча и предчувствия героя. Ретранслятор использует фигуру умолчания: «...но я не буду ее рассказывать, да и сам Марат в этом месте умолкает, грустно и мудро улыбается» [15, с. 256].

Маска автора-создателя

Одна из характерных черт поэтики романной прозы А. Слаповского – игра с границей текста – возникает и в цикле «Туманные аллеи». Метафизическая завершающая цикл «Постскриптума» (с подзаголовком «сюжет для большого рассказа») проблематизирует содержание всего цикла: рассказчик, выступающий под *маской автора-создателя*, спорит о книге «Туманные аллеи» со случайным попутчиком, персонажем, который становится субнарратором и делится запутанными перипетиями своей жизни.

«Я» биографического писателя в эссеистическом рассказе «Огней так много золотых» раскрывается в рассуждениях и оценках, размышлениях о песне, в том числе советской и народной, ее роли в формировании советского мифа, в эмоциональной жизни людей. Статус нарратора обозначен следующим образом: «...я мог бы, конечно, рассказать рифмующуюся

с песней историю... о случившейся давным-давно в городе Саратове любви кого-то ко мне, женатому. Не конкретно ко мне, физлицу А. И. Слаповскому, а автору-герою» («Огней так много золотых») [15, с. 260]. Подобная самопрезентация нарратора позволяет говорить о маске автора-создателя текста.

Сказовый нарратор

Цикл А. Слаповского поляризует подтипы диегетических нарраторов. Максимально близки биографическому автору, но не идентичны ему в силу своей фикциональности нарратор-писатель и маска автора-создателя. Иной тип сознания, мышления и речи демонстрирует *сказовый нарратор*, отличный от автора в социальном, интеллектуально-культурном, гендерном, национальном планах.

Сказ как тип повествования в рассказе «Анти-Ганна» направлен на создание образа инокультурного и иноязычного рассказчика – гастарбайтера из Таджикистана. Выбор в качестве основного субъекта повествования человека другой культуры – способ «остранения» (В. Шкловский). Сангин – молодой малообразованный человек из бедной таджикской семьи, приехавший в Россию, чтобы помочь своему отцу выплатить долг, дважды становится жертвой мошенников и манипуляторов, сначала у себя на родине, затем в России. Широко представлены формальные признаки сказа – имитация особенности устной речи героя (грамматические ошибки, специфическое словоупотребление, произношение). Воссозданы особенности мировосприятия субъекта повествования, его картина мира. Сангин – простодушный и наивный нарратор. Его безыскусный и безоценочный рассказ обнажает цинизм и отчужденность современного человека, желание получить выгоду любым способом.

«Полиций начальник к себе позвал, у него тоже коттедж, ремонт я там делал, на сарай жил. ...потом полиций начальник узнал, что я Таджикистан звонил, на мене кричал, сказал, что за это штраф будет, и мене не платил совсем. А я уже вся работа кончил. Выгнал мене, ничего не дал» [15, с. 103].

Сангин не распознает те уловки и манипуляции, которые расставляет для него Ганна, в руках которой он становится орудием. Однако рефлексия и саморефлексия зарождаются в нем во многом благодаря попытке осмысления сво-

его опыта, минимального отстранения от него. Об этом свидетельствует вопрос, с которым в финале герой апеллирует к слушателям: «Только мене мысль не спится, что такое случилось, не понимаю? Ганна мене спасла или погубила? Как думаете?» [15, с. 114].

Более высокой степенью рефлексии обладают в цикле женские персонажи, наделенные повествовательной функцией. Многие из них пытаются сопоставить свой рассказ с определенным жанром, охарактеризовать его.

«Такая вот история, ни смысла, ни морали, а просто, как вам сказать... Факты из жизни» («Вольск») [15, с. 274].

«Очень хороший эпизод из жизни, почти комедия» («Романтическая быль») [15, с. 227].

«Такая вот сопливая история с хеппи-эндом» («Валя») [15, с. 320].

«Какой смысл в этой истории? А никакого. Просто глупый анекдот, вот и все» («Голливуд») [15, с. 400].

«А история такова. Предупреждаю, не на миллион, даже не на рубль, но по-своему удивительная» («Чутье») [15, с. 436].

Традиция имитации женской речи и мышления имеет давние корни. «Пригожая повариха» (1770) М. Чулкова начинается со слов сочинителя, однако «весь нарративный текст является словами его героини» [16, с. 71]. Важным этапом в развитии подобного типа повествования становятся повесть «Княжна Зизи» В. Одоевского, роман А. Герцена «Кто виноват?» и незаконченный роман Ф. Достоевского «Не точка Незванова». Женский персонаж «является здесь субъектом повествования: в первых двух текстах частично (письма княжны Зизи и дневник Любочки), а у Достоевского везде в тексте героиня является фокализатором и нарратором» [18, с. 250].

В русской литературе XX–XXI вв. произведений, принадлежащих авторам-мужчинам и написанных от лица женского повествователя, становится больше: рассказы М. Кузьмина, В. Набокова, романы «Русская красавица» В. Ерофеева, «Священная книга оборотня» и «Непобедимое солнце» В. Пелевина, «Ксю» А. Слаповского, некоторые тексты Д. Пригова.

Отличительной особенностью повествования от лица героинь в цикле «Туманные аллеи» стал его сказовый характер. А. Слаповский имитирует широко распространенный в современной драматургической практике принцип «вербатим» – дословную передачу

речи донора – человека, рассказ которого ложится в основу сюжета вербатим-пьесы. Реализация этого принципа подразумевает нерафинированное воспроизведение документально собранного материала. Подражая ему, А. Слаповский создает эффект речевой импровизации. Его рассказчицы – это женщины разных социальных групп и профессий: проститутка, успешная сценаристка, заключенная, бизнесвумен, студентка, мастер, косметолог, содержанка – делятся своими историями. Стилистически их высказывания слабо дифференцированы, их объединяют признаки спонтанной устной речи: риторические вопросы, парцелляция, оговорки.

«Удивляетесь, что знаю это слово? Я много чего знаю. Я любознательная... Понимаете, да... Это я вперед забегаю, это было, когда он и вправду жениться на мне хотел... Лихо, да?.. Ну, вот... Сами посудите...» («Валя») [15, с. 309].

«За что сижу? За глупость. За убийство вообще-то. Но он сам виноват. Муж» («Обида») [15, с. 366].

Нередко рассказчицы затрудняются в выражении своих чувств.

«Тут надо свои мысли пересказать, но это трудно...» («Валя») [15, с. 319].

«Как это объяснить...» («Голливуд») [15, с. 400].

В диалогизированных монологах преобладает разговорная и сленговая лексика: «...он выносит мозг за каждую мелочь... Егор, конечно, развесил уши... Я набрасываю ему мелкую лапшу на его локаторы... Понемногу оклемалась, сейчас в подвешенном состоянии» («Голливуд») [15, с. 393].

В рассказе «Романтическая быль» история героини адресована попутчику по купе и сопровождается обращениями и вопросами, подразумевающими его коммуникативную активность.

«Вы скажете... Вы вот сказали... знаете такой населенный пункт?... вы уж извините за женские подробности... Вы в гипноз верите?... поймите мое состояние» [15, с. 217–227].

Спонтанность речи передают глаголы говорения: «я же говорю», «неудобно рассказывать», «что вам еще рассказать?».

Рассказ героини обрамлен в финале рамкой: «...она не закончила, в купе вошел высокий худой мужчина лет шестидесяти...» [15, с. 226]. Рамочная композиция рассказа позволяет определить дистанцию между временем событий и

временем рассказа о них: их разделяет несколько десятилетий. Повторение «любимой истории» о знакомстве с будущим мужем рассказчица не превращает в ритуал выхолащивания смыслов, она придает воспоминаниям значение неиссякаемого источника новых эмоций. «Хорошее не надоедает!»

Роль памяти как ресурса для выстраивания жизненных ценностей обозначена и в других историях цикла, принадлежащих нарраторам-женщинами. В рассказах «Вольск», «Нет», «Дебби» устный характер истории уходит на второй план, отдельные элементы сказа, обращенного к имплицитному слушателю, растворяются в потоке воспоминаний. Повествование приобретает аутокоммуникативный характер.

Художественное время разделено на два неравных отрезка: миг прошлого, яркий и наполненный чувствами, описанный подробно, и последующие за ним годы жизни, представленные редуцированно. Автор передает бунинское понимание любви как мгновенного счастья, но лишает повествование того трагического оттенка, которое придавал ему классик. Экскурс в прошлое – необходимое условие для воссоздания уникального жизненного опыта.

В ретроспективно ориентированном нарративе женщина-героиня представлена как активный субъект любовных отношений, а также повествовательного акта как одного из способов их осмысления. Любовь для героинь А. Слаповского – путь становления, любовь способствует проявлению «самости», ядра личности.

«Я поняла, что он меня сразу же раскусил, все во мне увидел – не то, чем я была, а то, чем могла бы стать, если бы дала себе волю» («Дебби») [15, с. 454].

Рассказ «Нет» начинается с утверждения: «...что могу сказать точно – без меня он не стал бы тем, кем стал». Между тем очевидно, что любовь рассказчицы к Робику, одаренному музыканту и живописцу, помогает ей реализовать свои предпринимательские способности.

«Я оказалась талантливой и умелой посредницей... начала разбираться в холстах, красках, растворителях... влезла в долги, отремонтировала полуподвал..., завязала связи с Москвой..., продавали все... В общем у меня началась бурная жизнь» [15, с. 345–346].

Рассказчицы, будучи состоявшимися женщинами, о своем пути к успеху говорят коротко, сокращая подробности до одного-двух предложений.

«Я тогда в профком выдвинулась, потом заочное закончила, мастером стала» («Вольск») [15, с. 273].

«Я родила здорового и крепкого сына... устроилась в одной чайно-кофейной фирме, а потом наладила собственный бизнес... хорошее дело среднего масштаба» («Дебби») [15, с. 468].

Социальная и профессиональная самоидентификация для героинь не менее важна, чем гендерная. «Вот поеду в Саратов, закончу медицинский, попаду в хорошую клинику, стану замечательным врачом, а потом встречу мужчину, с которым захочу создать семью» («Романтическая быль») [15, с. 225].

Истории встреч и расставаний, пропущенные сквозь призму женского сознания и рассказанные от лица женщин, повседневно-реалистичны. Инвариантный комплекс мотивов: обретение любви, отказ от нее, поиск гармонии и путей самореализации в воспитании детей, работе, новом браке – воплощает мысль о недолговечности чувства. В то же время рассказчицы признают ценность и истинность любви.

«Но я очень любила его и верила, что он меня тоже любит... Я, если честно, интереснее его никого не встречала» («Нет») [15, с. 346].

«С Игорем у меня такой любви не было, как с Валерой» («Вольск») [15, с. 273].

Художественная концепция любви отчасти отражена в авторском понимании исторического времени: недавнее прошлое (позднесоветское время и перестроечное) романтизируется, именно тогда были возможны настоящие и глубокие чувства, недоступные современным людям, утратившим способность любить. Настоящее представлено как время регрессии, где любовь, если и встречается, то кажется чем-то неземным («Икша»).

В рассказах «Сто долларов», «Голливуд», «Валя», «Жаль», «Чутье», «Стрекоза», «Обида», «Преображение» представлены темы суррогатной любви или ее отсутствия. Рассказчицы – молодые современные женщины, скрывающие одиночество, отчужденность от мира, уязвимость. Нарратив объективирует ощущение иллюзорности существования как основную особенность мировосприятия. Оно раскрывается в кинометафоре жизни, постоянном желании рассказчиц сравнить реальность с экранной действительностью.

«В американском голливудском кино такие истории любят... и тут опять начинается Голливуд, но уже в жанре дурацкой комедии... На-

чинается третье голливудское кино, романтическая мелодрама...» («Голливуд») [15, с. 392–399].

«Моя мама на стрекозу похожа, не настоящую и не помню, как выглядят, а на девочку-стрекозу из мультфильма...» («Стрекоза») [15, с. 370].

Повествование выстраивает картину мира, в которой доминируют ненастоящие, искусственные отношения, отсюда роли и маски рассказчиц.

«Я отличная актриса по жизни... умею не показывать, что думает и чувствует моя героиня, то есть я сама... И вся эта буря была внутри, а внешне – полный штиль...» («Чутье») [15, с. 432].

«Я представилась ему, сказала, что стажируюсь на телеведущую одного из кабельных каналов. Могла бы хоть воспитательницей детского сада представиться...» («Голливуд») [15, с. 393].

«Изменила внешность, небольшую коррекцию сделала, тоже неважно, где и что, главное – удачно, ничего не видно. И волосы перекрасила» («Валя») [15, с. 320].

Нежелание быть собой выражено и в апелляции к чужому слову.

«Но на этого мальчика я сразу сделала стойку, как говорит моя подруга Рада... Я к этому привыкла, меня это уже не вштыривает – еще одно словечко Рады... Высокопарно выражаюсь...» («Сто долларов») [15, с. 387].

В рассказах о современной действительности женщина-нарратор далеко не так лирична и сентиментальна, как в рассказах-воспоминаниях. Ей присущи цинизм и расчет («Сто долларов», «Голливуд»), стихийность и неосознанность («Стрекоза», «Обида», «Преображение»), отчужденность и одиночество («Жаль», «Чутье»). Рассказчица не только субъект речи, но и объект авторской оценки, которая никогда не бывает однозначной.

Выводы

Одна из главных художественных особенностей цикла А. Слаповского «Туманные аллеи» – мозаичность. Она обусловлена не только разнообразием сюжетных линий, но и мультинарративностью. Разветвление фабулы, умножение историй и голосов позволяет сравнить построение цикла с ризомой – аструктурированным и ацентричным образованием. Однако выявление и сопоставление различных типов нарраторов обнаруживает структурированность повествовательного уровня.

Базовую нарратологическую оппозицию диегетического и недиегетического типов в цикле репрезентируют имплицитный и эксплицитный нарраторы. Имплицитный нарратор находится вне вымышленного мира, невидим и ориентирован на точку зрения героя в разных планах. Обращение к имплицитному повествователю и персонажному типу повествования актуализирует традицию реалистической литературы XX в., создает эффект узнавания, подчеркивает связь и диалог современного автора с И. Бунинным как автором «Темных аллеи», в которых тип имплицитного нарратора доминирует.

Эксплицитный нарратор в цикле А. Слаповского может быть охарактеризован следующим рядом бинарных оппозиций: имперсональность – персонифицированность, профессиональность – неопытность, письменность речи – устность (сказовость), маскулинность – феминность. На основе сочетания этих противопоставленных признаков создаются следующие типы нарраторов. Имперсональный повествователь занимает позицию наблюдателя или свидетеля событий. Иногда он индивидуализирован как профессиональный писатель, выполняющий функцию ретранслятора. Отождествление эксплицитного нарратора с биографическим автором способствует появлению маски автора-создателя текста. На противоположном полюсе размещен сказовый нарратор, который может быть представлен как мужским, так и женским персонажем. Многообразие подтипов эксплицитного нарратора обнаруживает экспериментальное начало в цикле А. Слаповского.

Метафора «караван историй», выбранная для названия массмедийного издания, как нельзя лучше описывает цикл «Туманные аллеи». Для каждой истории автор пытается найти отдельный голос. Модернизируя бунинские сюжеты, А. Слаповский не только изменяет место, время и героев событий, но и вырабатывает иные формы и приемы их нарративной репрезентации. Мультиповествовательная структура цикла воплощает идею многообразия форм существования универсальных чувств. Поток жизни, складывающийся из разнообразия частных судеб, представлен как многоголосье. Каждый голос автономен, однако голоса разных нарраторов, в соответствии с принципом конвергенции, резонируют и представляют концепцию автора.

Список литературы

1. Звягина М. Ю. Трансформация жанров в русской прозе конца XX в. : дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2001. 356 с.
2. Курылева Л. В. Проза А. Слаповского: вопросы поэтики : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2002. 229 с.
3. Дикун Т. А. Социальный роман А. Слаповского: жанровые модификации и эволюция героя : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 180 с.
4. Цыплакова Т. В. Изучение современной русской литературы в 11 классе профильной школы на основе литературной преемственности : дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 248 с.
5. Рыжков Т. В. Эсхатологический сюжет в русской прозе рубежа XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 185 с.
6. Безруков А. Н. Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные аллеи» А. Слаповского) // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 24–34. EDN: ITUUIZ
7. Богданова О. А. Нить усадебного мифа: «Темные аллеи» И. А. Бунина и «Туманные аллеи» А. И. Слаповского // Орловский текст российской словесности : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения писателя; Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Вып. 13. Орёл : ООО «Картуш». 2021. С. 3–9. EDN: NMTBTO
8. Замуреева М. Ю. Своеобразие символики хронотопа циклов И. А. Бунина «Темные аллеи» и А. И. Слаповского «Туманные аллеи» // Актуальные проблемы психолого-педагогических, социально-гуманитарных и естественных наук – 2023 : материалы конф. Владивосток : Дальневосточный федер. ун-т, 2023. С. 268–271. EDN: QEPFZN
9. Крупнова К. В. Поэтика цикла А. И. Слаповского «Туманные аллеи» как продукта творческой рецепции «Темных аллеи» И. А. Бунина: особенности построения сюжета и система персонажей // Слово и текст в культурном и политическом пространстве : сб. докл. Всерос. очно-заочной науч. конф. студентов и аспирантов ВУЗов. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2024. С. 96–97. EDN: DDSXLZ
10. Литфуллина А. И. «Туманные аллеи» Алексея Слаповского как интертекстуальный прецедент новейшей русской прозы // Филологический аспект. 2021. № 5 (73). С. 125–131. EDN: XYBLZZ
11. Рябова М. В. Бунинский подтекст в рассказе А. Слаповского «Туманные аллеи» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 96–105. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-96-105>
12. Ткачева В. Н. Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Слаповского «Туманные аллеи») //

- Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 169–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW
13. Кузьмина Е. А. Идеино-художественное своеобразие цикла А. Слаповского «Туманные аллеи» // Актуальные вопросы гуманитарных наук – 2023. Материалы выступлений молодых ученых в рамках Ломоносовских чтений 2023. Архангельск : Северный (Арктический) федер. ун-т, 2023. С. 101–104. EDN: FWXAUF
14. Капица Ф. С. А. И. Слаповский // Русская проза рубежа XX–XXI веков : учеб. пособие / под ред. Т. М. Колядич. М. : ФЛИНТА, 2019. С. 388–410.
15. Слаповский А. И. Туманные аллеи. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. 507 с.
16. Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М. : ООО «Эдитус», 2022. 316 с. EDN: HCAMEX
17. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / науч. ред. и сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М. : Интрада – ИНИОН, 1999. 320 с.
18. Савкина И. А. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.

Поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 222–228

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 222–228

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-222-228>

EDN: TDZAFQ

Научная статья
УДК 070.1+316.77

Взаимодействия субъектов в медиасреде

В. А. Евдокимов

Омская гуманитарная академия, Россия, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, д. 2А

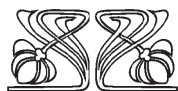
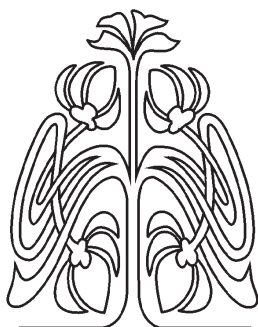
Евдокимов Владимир Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, evdokimovva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8128-5690>

Аннотация. Медиасреда рассмотрена как пространство, в котором при участии массмедиа формируется культура информационного общества, как сфера конкуренции, цель участников которой – завоевание предпочтений аудитории. Внимание сфокусировано на субъект-субъектных и субъект-объектных отношениях в медиасреде, в которой органы управления, бизнес-организации, массмедиа, информационные каналы, индивиды, следуя собственным интересам и учитывая общественные потребности, настроения и нравы, для достижения целей меняются ролями, могут исполнять одновременно различные роли в субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях. Средства информации переходят от исполнения одной роли к реализации другой согласно редакционной контент-стратегии вследствие вовлечения во взаимодействие или исключения из него субъектов и объектов политики, экономики, культуры, социальных отношений. В отношениях с различными участниками взаимодействий, происходящих в медиасреде, массмедиа способны одновременно функционировать как субъекты, посредники при передаче информации, объекты, находящиеся в сфере влияния субъектов политики или экономики, заинтересованных в проведении информационных кампаний высокой интенсивности, ожидаемой и прогнозируемой интерпретации событий и процессов. Как объекты средства информации удовлетворяют интерес аудитории к сенсациям, скандалам, личной жизни известных людей. Субъекты медиасреды охарактеризованы по различным основаниям. С точки зрения сфер деятельности в медиасреде выделены субъекты политики, экономики, культуры, социальных отношений, с точки зрения правового регулирования деятельности в медиасреде – субъекты, действующие легально или использующие теневые формы распространения информации. С точки зрения темпоральных проявлений деятельности в медиасреде функционируют субъекты долговременных или кратковременных действий. Субъектам медиасреды даны качественные характеристики на основе рассмотрения степени их вовлеченности в коммуникационные процессы, а также интенсивности взаимодействий.

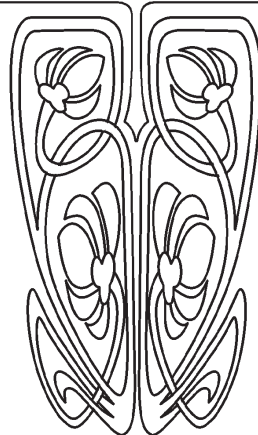
Ключевые слова: медиасреда, коммуникация, массмедиа, система, субъект, объект, взаимодействие

Для цитирования: Евдокимов В. А. Взаимодействия субъектов в медиасреде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 222–228. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-222-228>, EDN: TDZAFQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Interactions of subjects in media sphere

V. A. Evdokimov

Omsk Humanitarian Academy, 2A 4th Cheluskintsev St., Omsk 644105, RussiaVladimir A. Evdokimov, evdokimovva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8128-5690>

Abstract. Media sphere is viewed as a space in which the culture of the information society is formed, assisted by mass media, as a sphere of competition, whose participants aim at winning the favor of the audience. The article focuses on subject-subject and subject-object relationships in the media environment, in which governing bodies, business organizations, mass media, information channels, individuals, following their own interests and taking into account public needs, moods and mores, change roles in order to achieve goals, can perform simultaneously different roles in subject-object and subject-subject relationships. The media move from performing one role to implementing another one according to the editorial content strategy, due to involving in interaction, or excluding from it, subjects and objects of politics, economics, culture, and social relations. In their relationships with different participants of interactions in media sphere, mass media can simultaneously function as subjects or intermediaries in delivering information, as objects under the influence of the subjects of politics or economics, keen on holding information campaigns of high intensity, anticipated and estimated interpretation of events and processes. As objects, mass media satisfy the interest of the audience in sensations, scandals, celebrities' private lives. Subjects of the media sphere are characterized on the following grounds. From the point of view of activity spheres we can distinguish subjects of politics, economics, culture, social relations; from the point of view of legal regulation of activities in media sphere there are subjects operating legally or using shadowy forms of spreading information. From the point of view of temporal manifestations of activity, subjects of long-term or short-term actions function in media sphere. Subjects of the media sphere are given qualitative characteristics upon considering the degree of their involvement in communication processes and the intensity of interactions.

Keywords: media sphere, communication, mass media, system, subject, object, interaction

For citation: Evdokimov V. A. Interactions of subjects in media sphere. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 222–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-222-228>, EDN: TDZAFQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В XXI в. в медиасреде происходят многочисленные изменения, изучение которых привлекает внимание философов, филологов, социологов, политологов, культурологов, историков. Исследователи отмечают, что современная медиасреда, характеризующаяся интенсификацией информационного обмена, приводит к вовлечению в публичные коммуникации различных по активности, статусу участников – пользователей интернетом [1, с. 107–108], новые медиа дают им возможность избирательно относиться к получаемым сообщениям [2, с. 8]. Британский теоретик Д. Маккуэйл считал, что основным феноменом информационного общества является рост производства и передачи форм информации (частной и публичной) многочисленными средствами, в первую очередь телекоммуникационными, затем цифровыми [3, с. 304]. Исследователь Р. Пикар подчеркивал, что на протяжении истории медиа основным индустриальным продуктом было содержание, доставляемое аудитории посредством информационно-коммуникационных технологий [4, р. 61–62]. С точки зрения М. В. Шкондина, роль массмедийных средств в расширении информационных возможностей

личности, различных социальных общностей, институтов стремительно возрастает, однако они существенно отстают в осуществлении этой роли, в удовлетворении потребностей общества [5, с. 20–25].

Определение медиасреды зависит от понимания термина «медиа». Сложное и многогранное «медиа» является наиболее общим, родовым в теории и философии коммуникации [6, с. 72]. Для И. М. Дзялошинского «медиа» – синоним понятия «коммуникация» [7, с. 10], для В. В. Савчук – универсальная форма опосредования [8, с. 39]. С учетом того, что человек стал осваивать новые пласты социального пространства [9, с. 137], при широкой интерпретации термина к «медиа» можно отнести разнородные явления, связанные с деятельностью неограниченного количества субъектов. По мнению канадского исследователя М. Маклюэна, медиа – это, в частности, речь и письмо, одежда и здания, транспорт и деньги, печать и телеграф, телефон, радио и телевидение [10, с. 12].

Представления о медиасреде разнообразны. Медиасреду понимают и как совокупность технических средств, создающих возможности для коммуникации и творчества, смыслов и ценностей [11, с. 28], и как пространство, в котором

формируется, распространяется и воспроизводится с помощью коммуникации и средств массовой информации культура информационного общества [12]. Известна и интерпретация медиасреды как совокупности функционирующих медиа, многообразия журналистов, информационных каналов, неформальной коммуникации, инсайдерской и псевдоинсайдерской информации [13]. Н. Б. Кириллова полагает, что медиасреда – это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, т. е. сфера, которая через посредничество средств массовой коммуникации связывает человека с окружающим миром [14, с. 11]. Под медиасредой можно также понимать пространство, в котором взаимодействуют субъекты и объекты политики, экономики, культуры, социальных отношений, использующие коммуникационные технологии для распространения информации.

Число субъектов информационной деятельности постоянно растет [15, с. 186]. В среде медиакоммуникационной индустрии выделяют институционализированные и неинституционализированные субъекты, а также субъекты рынков рекламы и связей с общественностью, телекоммуникационной подотрасли и функционально обеспечивающие [16, с. 22–23]. Блогеры, сетевые лидеры мнений, активисты в социальных сетях стали равноправными игроками не только на экономическом, но и на политическом поле [17, с. 29–30]. Субъектами в медиасреде являются, если следовать пониманию медиа, предложенному Маклюэнном, и лица, сообщества, налаживающие коммуникацию с индивидами для получения обманным путем принадлежащих им финансовых средств. Что касается такого явления, как искусственный интеллект, то его участие в медиапроцессах в качестве субъекта оценивают по-разному. Вероятно, еще слишком рано, полагает С. А. Вартанов, говорить об обретении им субъектности [16, с. 25]. М. М. Лукина и единомышленники убеждены, что сфера медиа входит в число наиболее перспективных направлений применения инновационных технологий искусственного интеллекта, разнообразные системы которого становятся активным субъектом конкуренции за рабочие места в медиаиндустрии [18, с. 17]. В то же время увеличение числа субъектов в медиасфере не может быть безмерным. Сокращение количества субъектов в медиасреде вероятно вследствие введения законодательных ограничений или запретов для распространителей информации конкретного содержания.

Как бы ни варьировалось количество субъектов, медиасреда представляет пространство для обмена информацией и арену противоборства, сферу конкуренции, цель участников которой – завоевание предпочтений аудитории. Медиасреду связывают с медиавойной, которая ведется за статус основного поставщика информации [19, с. 46–47], так что медийное пространство неизбежно превращается в единое пропагандистское [20, с. 151]. Медиа создают интегрированную среду, а экология информации стремится понять свойство среды, чтобы избежать опасности [21], возникает необходимость изучения информации как инструмента массового зомбирования [22, с. 24]. Влиятельность медиа, освещающих конкурентные взаимодействия, подчеркивает Е. Л. Вартанова: по ее мнению, через информирование и коммуникацию медиа могут как предупредить и предотвратить многие социальные конфликты, так и спровоцировать и распространить их [23, с. 13]. Представляет интерес, по мнению аналитиков, исследование теневого информационного пространства, в котором число неиндексируемых веб-сайтов, известных как Deep Web, согласно оценкам, в 400–500 раз превышает сеть индексируемых сайтов; неправомерное использование сети неиндексированных сайтов может иметь глобальные последствия для гражданских свобод, национальной безопасности [24, с. 122]. Частью Deep Web является Dark Net, где подростки, знающие специфику поддержания цифровой и информационной безопасности, способны нанести вирусными атаками значительный ущерб правам граждан, использовав их персональные данные [25, с. 16].

Исследователи обстоятельно рассмотрели состав субъектов медиасреды, способность массмедиа влиять на общественные процессы, провоцировать конкурентные взаимодействия в информационном пространстве, участвовать в предупреждении и предотвращении социальных конфликтов. В то же время субъект-субъектные и субъект-объектные отношения, сложившиеся в медиасреде, условия, влияющие на изменение статуса участников взаимодействий, изучены недостаточно. На осмысление динамики функционирования субъектов в медиасреде нацелена предпринятая автором попытка рассмотреть медиасреду как систему, в которой происходят взаимодействия субъектов и объектов, охарактеризовать субъекты с точки зрения сфер деятельности,

правового регулирования, темпоральных проявлений активности, вовлеченности в коммуникационные процессы, интенсивности взаимодействий.

Результаты

Динамика изменений, происходящих в медиасреде, раскрывается в субъект-субъектных, субъект-объектных взаимодействиях, во взаимовлиянии, в конкуренции. Осваивая формы и средства общения, обмена и передачи информации, субъекты и объекты политики, экономики, культуры, социальных отношений одновременно могут исполнять различные роли. С одной стороны, сообщества, блогеры оказывают воздействие на аудиторию, пользователей в интернете, с другой стороны, они могут являться посредниками при передаче информации, объектами, находясь в сфере влияния субъектов политики или экономики.

Медиасреду можно оценивать, как систему, в сегментах которой формируются взаимоотношения субъектов и объектов. Подсистемой медиасреды становится сообщество единомышленников, распространяющее программу действий в информационном пространстве, в том числе с помощью массмедиа. В дискуссиях, освещаемых массмедиа, формируются элементы подсистемы – группы последователей концепции. В процессе информационного обмена сообщество может стать частью крупного объединения, аккумулирующего устремления многочисленных субъектов и объектов в медиасреде. Утрата интереса массмедиа к теме обсуждения, как правило, ведет к нарушению баланса в обмене информацией, что не исключает дезорганизацию взаимодействия субъектов и объектов.

Массмедиа, как и другие деятели информационной сферы, могут являться и субъектами в политических, экономических, культурных, социальных отношениях, и посредниками, и объектами, а также одновременно исполнять эти роли в отношениях с различными участниками взаимодействий, происходящих в медиасреде. Переход средства информации от исполнения одной роли к реализации другой происходит в соответствии с редакционной стратегией, вследствие вовлечения во взаимодействие или исключения из него субъектов и объектов политики, экономики, культуры, социальных отношений. Чаще всего массмедиа исполняют

роль объекта. Для субъектов политики и экономики массмедиа привлекательны способностью информировать граждан о решениях, принятых органами управления, планах социально-экономического развития территорий, организовать информационные кампании высокой интенсивности, обеспечить интерпретацию событий и процессов ожидаемого и прогнозируемого характера. Средства информации приспосабливаются к роли объектов, удовлетворяя интерес аудитории к сенсациям, скандалам, личной жизни известных людей, формируют концепции взаимодействия с пользователями в социальных сетях, учитывая их интерес к обмену информацией, комментированию сообщений. Исполнение массмедиа роли объекта может быть благоприятным не только для субъектов политики и экономики, невзыскательных потребителей сообщений, но и для общества в целом, которое получает информацию о событиях и процессах, не афишируемую заинтересованными лицами. Массмедиа также становятся объектами, если их позиция не согласуется с интересами и потребностями субъектов политики и экономики, общественных групп, способных инициировать информационные кампании, направленные на дискредитацию журналистов, редакционных коллективов.

Воздействуя друг на друга, субъекты и объекты могут меняться ролями. Динамика взаимодействий такова, что участники публичного диалога, полемики, конфликта могут многократно переходить от исполнения роли субъекта к роли объекта и наоборот. Хотя в медиасреде субъекты могут увеличить или снизить объем распространяемой информации, изменять соотношение достоверных и ложных сведений в зависимости от конкретных целей, их потенциал не беспределен. Субъекты становятся объектами воздействия, если увеличивается количество обращений граждан в органы управления, редакции массмедиа, побуждающих акторов к принятию решений.

Объекты в медиасреде не менее деятельны, чем субъекты. По мнению В. В. Прозорова, ныне читатели разных возрастов и разной эстетической подготовленности осваивают сетевое пространство с его огромными гипертекстовыми и интерактивными готовностями [26, с. 302]. Ресурсы распространения сообщений настолько широки, что возникает иллюзия всеисилия. Претендуя на статус субъекта в медиасреде, объект способен и беспристрастно оценивать свои воз-

возможности, и рассматривать темы, о которых имеет слабое представление, и выносить суждения о людях, о деятельности которых мало осведомлен. Интересы и потребности аудитории столь же изменчивы, как и исполняемые участниками взаимодействий роли. С точки зрения исследователей, обращение аудитории к тому или иному средству массовой информации обусловлено ее мотивационными потребностями [27, с. 46]. Внимание объектов может переключаться с одного события на другое независимо от воли субъектов. При обострении межгосударственных отношений аудитории интересны информационные материалы массмедиа, в поиске достоверных сведений – официальные, частные источники сообщений, диалог с «компетентными» друзьями и знакомыми. Конкуренция в медиасреде может усилиться до такой степени, что объекты оказываются в неведении относительно соотношения достоверных и ложных сообщений, распространяемых в информационном пространстве.

Взаимодействия субъектов и объектов в медиасреде отражают не только интересы и потребности людей, но и их культуру, общественные настроения и нравы. Если массмедиа способны с калейдоскопической быстротой перейти от исполнения одной роли к реализации другой, аудитория может оказаться в неведении и о целях их деятельности, что усложняет осмысление получаемой информации. Распространяемые в медиасреде полуправдивые или ложные сведения способны ввести в заблуждение не только объекты, но и субъекты независимо от общественного статуса, качества образования, профессиональной принадлежности, если полученная информация соответствует их ожиданиям, мировоззрению, согласуется с планами их действий, чувствами, переживаниями, типичными для общества в конкретный период. Имея широкие возможности в поиске информации, субъект или объект в медиасреде может скептически или не критически относиться к любым сообщениям, выбирает ту информацию, которую считает полезной, соответствующей собственным интересам и потребностям, достоверной независимо от того, обладает она этими качествами или нет. Хотя объект, вероятно, в меньшей степени подготовлен к оценке качества получаемой информации, чем субъекты, он способен обнаружить тезисы, не подкрепленные аргументами, уловить противоречия, логические ошибки, которые имеются в сообщениях, распространяемых в медиасреде.

Для выявления специфики функционирования участников взаимодействий можно охарактеризовать субъекты медиасреды по следующим основаниям. С точки зрения сфер деятельности выделены субъекты политики, экономики, культуры, социальных отношений, в их числе – институты, территориальные общности, этносы, организации, объединения граждан, а также индивиды. Субъекты политики, оказывающие воздействие на субъекты и объекты экономики, культуры, социальных отношений, определяют направления распространения сообщений, относящихся к различным типам массовой информационной деятельности – журналистике, связям с общественностью, рекламе. Субъекты экономики, культуры, социальных отношений, в свою очередь, могут оказывать информационное воздействие на субъекты политики в периоды рассмотрения проектов законодательных актов, программ социально-экономического развития территорий. Выделение субъектов с точки зрения сфер деятельности позволяет осмыслить медиасреду как целостную совокупность взаимосвязанных элементов.

С точки зрения правового регулирования деятельности в медиасреде выявлены субъекты, действующие легально или использующие теневые формы распространения сообщений. Информационные потоки, распространяемые субъектами легально или в теневом пространстве, тематически разнообразны. Массмедиа согласно нормам законодательства информируют население о решениях, принятых субъектами политики, экономики, культуры, результатах их деятельности. В теневом информационном пространстве акторы действуют согласно либо правовым актам, либо собственным представлениям о нормах информационной деятельности, размещены как каталоги библиотек, экономические данные, сведения о возможностях обеспечения информационной безопасности компьютерных сетей, так и материалы, свидетельствующие о злоупотреблениях, противоправных действиях субъектов.

С точки зрения темпоральных проявлений деятельности выделены субъекты долговременных или кратковременных действий. Состав субъектов, действующих в медиасреде, непостоянен. Одни субъекты, достигнув цели, утрачивают интерес к распространению сообщений и прекращают деятельность, начинают функционировать другие субъекты, определившие объекты информационного воздействия. Субъектом в медиасреде становится индивид, сообщение

которого о событии огласила газета или телеканал. Участник собрания или конференции, чье выступление содержит сведения, отвечающие насущным интересам и потребностям граждан, и цитируют журналисты, также приобретает статус субъекта в медиасреде, как и пользователь в социальной сети, чье сообщение вызвало общественный резонанс. Долговременные действия способны осуществлять субъекты политики, экономики, культуры, социальных отношений. К долговременным действиям в медиасреде склонны также не институционализированные субъекты – блогеры, пользователи в социальных сетях, участвующие, в частности, в рекламных кампаниях. Субъекты, занятые кратковременной деятельностью, активны, как правило, в канун или в ходе избирательных кампаний. В электоральном процессе участвует множество субъектов медиасреды, нацеленных на оказание воздействия друг на друга и формирование мнений граждан.

Субъектам медиасреды могут быть даны также качественные характеристики на основе рассмотрения степени их вовлеченности в коммуникационные процессы, с точки зрения интенсивности взаимодействий. Выявить степень влиятельности субъекта позволяет учет интеллектуальных, технологических, финансовых, организационных ресурсов, необходимых для распространения сообщений в медиасреде. Информационные потоки на различных этапах конкуренции нестабильны, изменчивы, упорядочены или хаотичны в зависимости от того, какое направление придают им субъекты медиасреды, в каком качестве и количестве распространяемых сообщений проявляют заинтересованность. Взаимодействия субъектов и объектов в медиасреде становятся интенсивнее в периоды обострения внутри- или внешнеполитических отношений, проведения избирательных кампаний. Попытки субъектов медиасреды повлиять на формирование мнений объектов о партиях, претендентах на обладание властными полномочиями могут быть тонкими, изощренными или грубыми, однотипными, основанными на многократном повторении слоганов, фактов, слухов, бездоказательных утверждений.

Качественные характеристики субъектов медиасреды открывают возможности для выявления и осмысления их целей и задач, тактики и стратегии. В зависимости от наличия интеллектуальных, технологических, финансовых, организационных ресурсов субъекты кратко-

временных действий способны при участии массмедиа обеспечить проведение информационных кампаний высокой интенсивности, а субъекты политики или экономики могут осуществлять долговременные действия низкой интенсивности.

Выводы

Таким образом, субъект-субъектные и субъект-объектные взаимодействия в медиасреде непрерывны, изменчивы, волнообразны, соответствуют их интересам и потребностям, отражают их культуру, общественные настроения и нравы. Состав субъектов в медиасреде непостоянен, их возможности небезграничны. Используя разнообразные формы и средства общения, обмена и передачи информации, субъекты и объекты меняются ролями, способны одновременно исполнять различные роли в медиасреде. Массмедиа могут являться субъектом, посредником, объектом в отношениях с различными участниками взаимодействий, происходящих в медиасреде. Средство информации переходит от исполнения одной роли к реализации другой в соответствии с редакционной стратегией, вследствие вовлечения во взаимодействие или исключения из него субъектов и объектов политики, экономики, культуры, социальных отношений.

Как правило, массмедиа исполняют роль объекта в медиасреде. Для субъектов политики и экономики массмедиа ценны способностью обеспечить проведение информационных кампаний высокой интенсивности, а также желаемое комментирование событий и процессов. Приспосабливаясь к роли объектов, средства информации удовлетворяют интерес аудитории к сенсациям, скандалам. Исполнение массмедиа роли объекта может быть благоприятным не только для субъектов политики и экономики, но и общества в целом, которое получает информацию о событиях и процессах, не афишируемую заинтересованными лицами. Степень влияния субъектов медиасреды – органов управления, бизнес-организаций, массмедиа, информационных каналов, индивидов – на формирование взглядов, культуры объектов зависит от способности получателей сведений объективно оценивать собственные интересы и потребности, отличать достоверные сообщения от ложных, устанавливая причинно-следственные связи событий, осмыслять противоречивость действительности.

Список литературы

1. Кривоносов А. Д. Субъекты и объекты современных публичных коммуникаций // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации / отв. ред. и сост. Н. В. Анискина, Л. В. Ухова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. С. 107–116. EDN: USRXLP
2. Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Актуальные проблемы современности и журналистика. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 241 с.
3. Маккуэйл Д. Журналистика и общество. М. : Медиамир, 2014. 374 с.
4. Picard R. Measures of Concentration in the Daily Newspaper Industry // Journal of Media Economics. 1988. Vol. 1, iss. 1. P. 61–74. <https://doi.org/10.1080/08997768809358167>
5. Шкондин М. В. Медиа-система как фактор освоения мира социумом. М. : Изд-во Московского ун-та, 2021. 156 с. EDN: HFCIDN
6. Назаренко А. Н. Понятие «медиа» в междисциплинарных исследованиях коммуникаций // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36). С. 68–73. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-68-73>, EDN: XWDWZN
7. Дзялошинский И. М. Современное медиaprостранство России : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2015. 312 с.
8. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. 350 с.
9. Шарков Ф. И. Конвергенция элементов политического медиaprостранства // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 135–143. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.09>, EDN: YPDLXD
10. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. 2-е изд. М. : Гиперборей ; Кучково поле, 2007. 464 с. EDN: QOGTQD
11. Коломиец В. П. Медиа-социология: теория и практика. М. : НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с. EDN: WESMZN
12. Кузьмин А. М. Категория «медиа-среда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиа-скоп. 2011. Вып. 1. EDN: OHKGYN
13. Тарабанов А. Медиа-среда и динамика финансовых рынков. URL: <https://www.contextclub.org.events/y2009/m5n18> (дата обращения: 02.10.2024).
14. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М. : Академический проект, 2005. 448 с.
15. Распопова С. С. Субъекты информационной деятельности в медиаэтическом поле // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 4 (34). С. 185–189. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2019-10422>, EDN: IAAVBK
16. Вартапов С. А. Медиакоммуникационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48, № 6. С. 3–36. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2023.336>, EDN: ENEZPV
17. Макеенко М. И., Вырковский А. В. Онлайн-производители развлекательного контента как участники социально-политических процессов // Меди@льманах. 2021. № 6. С. 24–31. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2021.2431>, EDN: LBIXQL
18. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48, № 5. С. 3–21. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2023.321>, EDN: ZZJRRX
19. Хайдарова Г. Р. Медиа-среда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1 (46). С. 45–51. EDN: UPFZJA
20. Барабаш В. В., Котеленец Е. А. Информационные войны и медийное пространство: теоретические аспекты новейших изменений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 150–158. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2016-3-14>, EDN: XHUKOZ
21. Сталдер Ф. Экология информации: системный подход к медиа-среде. URL: <https://media-ecology.blogspot.com/2011/04/blogpost.html> (дата обращения: 02.10.2024).
22. Колков А. И. К вопросу становления информационно-экологической системы // Информационные ресурсы России. 2000. № 4. С. 23–27.
23. Вартапова Е. Л. Полисубъектность медиа-среды и ее потенциальное влияние на социальный конфликт // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 8–14. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814>, EDN: DDGNFL
24. Чубейко С. В., Довиденко П. Ю. Теневой интернет как элемент развития информационных технологий и преступности // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 122–126. EDN: YFYAZE
25. Дворянкин О. А. Даркнет – темная сторона Интернета или неужели все так плохо? // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 71. С. 14–20. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.1.71.470>, EDN: HTTTQS
26. Прозоров В. В. Семантический диапазон понятия «читатель» в современной русской культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 302–308. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-302-308>, EDN: OGJNHX
27. Щепилова Г. Г. Потребность аудитории в интернете и традиционных средствах массовой информации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 5. С. 46–54. EDN: TCECPR

Поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024;

принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 27.10.2024;

accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 229–236

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 229–236

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-229-236>, EDN: UNFBNB

Article

Changes in the UK leading media's portrayal of China during the COVID-19 pandemic and the special military operation

J. V. Balakina , Zehao Yin

Higher School of Economics – Nizhny Novgorod, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Julia V. Balakina, julianaumova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

Zehao Yin, eric520magneto@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-5397-0485>

Abstract. The aim of the present study is to trace changes in the construction of the image of China in the British media during two crisis periods: the COVID-19 pandemic and the Russian military operation. Each period encompasses a panic (escalation) phase and a recovery (stagnation) phase. Using data from the Factiva database, 70,356 articles published in four British media outlets were analyzed: *The Times*, *The Sun*, *The Guardian* and *The Daily Mirror*. The methodological basis of the study constitute the dependency theory and the agenda setting theory. At the instrumental level, frame analysis, sentiment analysis and keyword analysis were used. Following the initial panic reaction to the COVID pandemic, China's image has been restored through favorable media coverage. Negative reporting surged initially but waned as the pandemic subsided. China's neutral stance on the Russian military operation had a limited impact on media reporting. The image experienced a brief setback before rebounding. The short-term media attention during the escalation was accompanied by explicitly negative evaluations, whereas the stagnation phase coverage might be said to have rather improved China's image. It is concluded that although both crisis periods had a certain impact on the construction of the image of China, the British media in the discourse continue to adhere to the tendencies of accusing China of violating human rights, as well as paying special attention and criticizing domestic politics. These results are consistent with the tendencies revealed in other studies before the pandemic.

Keywords: China, British media, image, COVID-19, frame, sentiment, keywords, human rights

For citation: Balakina J. V., Zehao Yin. Changes in the UK leading media's portrayal of China during the COVID-19 pandemic and the special military operation. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 229–236. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-229-236>, EDN: UNFBNB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 070(410):008(510)

Изменения в изображении Китая ведущими СМИ Великобритании во время пандемии COVID-19 и специальной военной операции

Ю. В. Балакина , Цзэхао Инь

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, 603155, г. Нижний Новгород, Большая Печерская, д. 25/12

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, julianaumova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

Цзэхао Инь, магистрант по направлению «Прикладная лингвистика и текстовая аналитика», eric520magneto@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-5397-0485>

Аннотация. Цель представляемого исследования – проследить изменения в конструировании образа Китая в британских медиа в течение двух кризисных периодов: пандемии COVID-19 и специальной военной операции. Каждый период включает фазу паники (эскалации) и фазу восстановления (стагнации). Используя данные базы Factiva, было проанализировано 70 356 статей четырех СМИ: *The Times*, *The Sun*, *The Guardian* и *The Daily Mirror*. Методологическая основа исследования – теория зависимости и теория повестки дня. На инструментальном уровне применялся фрейм-анализ, сентимент-анализ и анализ ключевых слов. После первоначальной панической реакции на пандемию с преобладанием негативной тональности в дискурсе имидж Китая был восстановлен за счет благоприятного освещения в СМИ. Первоначально количество негативных репортажей резко возросло, но затем снизилось по мере того, как пандемия пошла на убыль. Нейтральная позиция Китая в отношении российской военной операции оказала ограниченное влияние на тональность дискурса СМИ. Кратковременное внимание СМИ во время эскалации сопровождалось эксплицитными негативными оценками, в то время как освещение во время фазы стагнации оказало, скорее, положительное влияние на имидж Китая. Результаты показывают, что, хотя оба кризисных периода оказали определенное влияние на конструирование имиджа Китая, британские СМИ продолжают придерживаться в дискурсе тенденций, выявленных в допандемийный период, а именно уделять особое внимание нарушению прав человека, а также вопросам внутренней политики.

Ключевые слова: Китай, британские СМИ, имидж, COVID-19, фрейм, тональность, ключевые слова, права человека

Для цитирования: Balakina J. V., Zehao Yin. Changes in the UK leading media's portrayal of China during the COVID-19 pandemic and the special military operation [Балакина Ю. В., Цзэхао Инь. Изменения в изображении Китая ведущими СМИ Великобритании во время пандемии COVID-19 и специальной военной операции] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 229–236. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-229-236>, EDN: UNFBNN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Since the end of 2019, with the start of the COVID-pandemic, the media discourse from all over the world challenged the positive image of China (the government as well as the nation).

First, “guided by the fear and uncertainty the media triggered xenophobic reactions and behaviors such as discrimination, hate crimes, and harassment against Chinese individuals at the outset of the pandemic” [1, p. 30].

Then, in 2022 when the Russian military operation in Ukraine started, the neutral position maintained by the Chinese drew attention of Western media and led to bias and ambiguous judgement.

Both crises – the start of the pandemic and the Russian military operation – triggered the increased media consumption [2]. To resolve ambiguities and find reasonable explanations for what was going on, people were consuming information in many forms. Some turned to the mass media and social networks, reading, watching videos, or consuming any other form of messages to clarify the situation. A much higher dependency on the media made them play a crucial role not only in defining the risks [3], but also generating more knowledge about the crisis, shaping certain emotions [4] as well as defining the significance and priority of events constructed in the social imagination [5]. Thus, the effect of the information broadcast became more noticeable with increased coverage of the same topic in different media [6].

Taking the above points into consideration it could be hypothesized that the attitudes towards China disseminated by the media during the two crisis events could have added some negative attributes to the constructed image of China in the audiences' minds.

The aim of the paper is to trace the changes in British media representations of China caused by two events with Chinese direct and indirect involvement – the COVID pandemic and Russian special military operation respectively.

According to statistics¹ British media, including The Guardian and The Times, are traced to the leading global English-language news websites.

¹ Various sources (for example, Available at: www.statista.com/statistics/381569/leading-news-and-media-sites-usa-by-share-of-visits/, Available at: prlab.co/blog/50-leading-media-outlets-for-news-coverage-in-2024/) and according to AI.

Thus, the constructed representation disseminated by these publishers should be accounted as highly influential.

Based on the systematic review of the research on British media reports on China before the COVID pandemic, it seems highly relevant to answer the following research questions:

1. Has an overall tendency in presenting China (country, government, people) changed since the beginning of the pandemic? Has there been a surge in negative reporting and then a decline as the pandemic faded?
2. Did China's neutral position towards the Russian military operation affect media reports?
3. Has the main foci of the media in reporting changed due to the events under study?

The portrayal of China in British media before 2020

In order to answer the posed research questions it seems urgent to review the literature on China's image constructed by the British media before the COVID pandemic.

Analyzing British media, Zhang [7] reveals China's evolving role and significance to the UK throughout history. Since the turn of the twenty-first century, British quality publications have increased their coverage of China, indicating a rising interest in China from the Western world [7, p. 40]. Among the 14 categories of China-related topics, economic, trade, finance, and business have garnered the most attention.

However, according to Seib & Powers [8], the BBC showed bias in its reporting of China's human and political rights record. The study demonstrated that China's depiction in the media as a menace to international stability and order is persistent. In half of their stories, the media fails to depict China as a supportive player on the global stage.

The BBC's coverage was also scrutinized in Azmat Khan's [9] research. It was revealed that out of 87 stories, involving conflicts with China's involvement, only ten featured quotes from victims or participants. The US-China trade war, China's involvement in the South China Sea, the Uyghur issue, and the Baloch resistance against the CPEC, were among the sources of conflict. Most of the stories focused on commercial conflicts. The BBC

reported on the views of American and Chinese officials without exploring the perspectives of the general public or business community. In disputes like Xinjiang, the BBC did not include any local member or government figure in its coverage. Although the BBC often reports China's leading positions in genetic engineering, AI, IT, and space exploration, it labels them as threats to global peace or as opposition to the US.

While Sparks asserts that British newspapers' depiction of China was maliciously distorted due to Cold War ideology [10, p. 347–348], the reality is far more intricate. He argues that it was a common belief that because of the 'legacy of the Cold War and Western anti-communism' ideology in Western society, British newspapers' coverage of China was 'a systematically, and maliciously, distorted account of Chinese realities' [Ibid.]; but the situation is a lot more complicated than this. Sparks emphasizes the variation among British newspapers in their China coverage due to differences in content, readership, and perspectives [10, p. 350].

Qingning Wang's [11] analyzed 4 main British newspapers: The Guardian, The Mirror, The Sun and The Times and their coverage of China between 2017 and 2018. The Sun's strategy as a popular tabloid with primarily entertainment-based content is consistent with its coverage of sports and entertainment in China. Furthermore, the newspaper reported on China's economic might as robust, steady, and encouraging, and, more significantly, presented it as a promising trading partner for post-Brexit.

The Times showed a comprehensive coverage on China's economic situation and trade negotiations between the UK and China following Brexit. Despite having similar political goals, The Sun and The Times exhibit more complex and incisive coverage.

The Daily Mirror primarily concentrated on sports and entertainment coverage. Despite differing political viewpoints, The Sun and The Daily Mirror presented similar reports on China's economic power through their coverage of China's expensive football players.

All in all, it can be concluded that left-wing media critically examined China's human rights and democratic practices. The Chinese government's behavior, policies, and treatment of ethnic minorities are issues that were reported on. Media reporting on China focused increasingly on its internal affairs and human rights issues.

Conservative media outlets prioritized China's economy, technology, and global standing. They reported on China's economic growth, investments

and trade relationships. Media outlets are increasingly focusing on China's role in global affairs and geopolitics.

Some mainstream media strive for neutrality and comprehensively cover all aspects of China, from politics to economy and culture. To cater to varying reader requirements, they offer more extensive and impartial details.

Methodology

The study relies on the dependency theory, as espoused by Ball-Rokeach & DeFleur [12], which asserts minimal media impact on thought, emotion and action. The crisis necessitates an increased demand for information to resolve ambiguities, answer questions, and form attitudes. Hubner [3] posits that the media shapes how individuals perceive their unfamiliar risks during crises.

The Agenda-Setting Theory [5] was also taken into account as it holds that key frames and prioritized topics in the media shape the significance and prominence of events in the public's mind.

The concept of national image in the media is understood in terms of Manheim & Albritton [13], as incorporating two dimensions: visibility (the total amount of media coverage that a country receives from the media) and valence (whether a country is portrayed unfavorably or favorably in the media).

The research covers two periods: the COVID pandemic (2020–2022) and the Russian military operation (2022–2024). Each period is split into 2 phases: the initial phase of panic (escalation) and recovery (stagnation).

The publications of four major British newspapers were scrutinized: The Times, The Sun, The Guardian and The Daily mirror.

After removing the duplicates, 70,356 articles were collected from online database Factiva (<https://www.dowjones.com/professional/factiva/>): 32,891 from The Times; 8,311 from The Sun; 23,831 from The Guardian and 5,323 from The Daily Mirror for the COVID-pandemic period 01.01.2020 – 24.02.2022 and the special military operation period 24.02.2022 – 31.12.2023.

The implemented analytic research procedure relied on the methodologies proposed by Huang, Leung [14] and Fan, Zhang [15].

At the macro-level, based on the topics of the reports provided by Factiva (Fig. 1) six types of frames were identified:

1) Reporting frame. Report events, describe or explain the government decisions, etc.

2) Conflict frame. Reflect individual, group, organization or nation attitudes against the Chinese policy.

3) Economy frame. Report the influence of Chinese economy, production, construction, infrastructure etc.

4) Great power frame. Reflect the relationship between China and other great powers.

5) Leadership frame. Report on the government's actions and the statements issued.

6) Development frame. Reflect the willingness and necessity of cooperation with China.

Secondly, at the micro-level, sentiment analysis was conducted to reveal the following attitudes:

– Positive. The tone is generally optimistic. For example, the following keywords in the reports were used: 'hope, cooperation, support, effective, win-win'.

– Neutral. Here, no obvious political position or attitude was revealed.

– Negative. The negative attitude is disseminated with the keywords such as "threat, concern, pressure, doubt".

Along with the sentiment analysis, the keywords (statistics provided by Factiva) were also taken into account.

Thus, by accomplishing all the stages of the research procedure, we managed to examine the frequency of the related news and identify whether they gave a positive, neutral or negative attitude towards China and determine the major focus.

Results

Firstly, it seemed crucial to obtain data concerning the frequency of reports split into periods. The results are presented in Fig. 1.

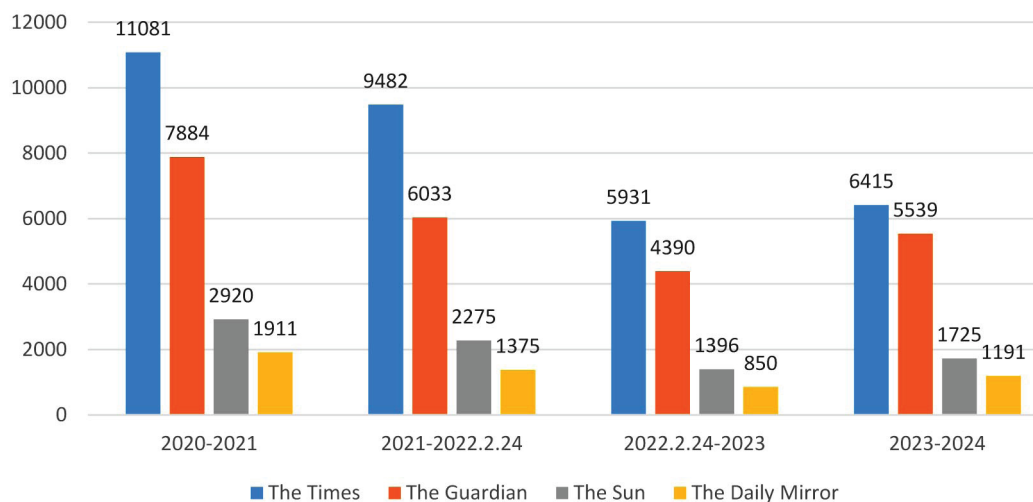

Fig. 1. Reports on China in four British newspapers (color online)

During the COVID pandemic, the decline in coverage is observed in all the newspapers. As the pandemic progressed it gets back to the average pre-pandemic report rate according to the data provided by Factiva. As China and the Chinese were the main news hook, the number of reports increased significantly compared to the period of the Russian military operation. In this case the Chinese were indirectly involved and thus the number of mentions did not skyrocket at the beginning, although continued to increase as the conflict progressed. Generally, we can hypothesize that the Russian military operation did not produce any significant influence on China's international image.

The COVID pandemic (2020–2022.2.24)

Firstly, the COVID pandemic period was scrutinized to reveal the most common frames constructed in the British media. The results obtained for the periods of panic and recovery are presented in Table 1.

Table 1

Frames of the COVID pandemic, %

Frames	2020–2021 (panic)	2021–2022.2.24 (recovery)
Reporting frame	41.2	52.6
Conflict frame	64.3	48.1
Economy frame	38.8	42.3
Great power frame	31.1	32.6
Leadership frame	44.7	41.6
Development frame	27.2	53.3

It can be clearly seen that during the recovery phase, the reporting and development frames expanded significantly while the construction of the conflict frame decreased. This tendency shows that once the initial panic dissipated, media got

back to reporting events and developments in China, with an emphasis on China's development initiatives and progress. These results are supported by the sentiment analysis presented in Table 2.

Table 2

Sentiment analysis during the COVID pandemic

Sentiment	2020–2021 (panic)		2021–2022.2.24 (recovery)	
	Volume	Proportion, %	Volume	Proportion, %
Positive	3709	11.8	6488	19.5
Neutral	6285	20.1	7590	22.8
Negative	21 337	68.1	19 276	57.8

However, the examples below demonstrate that within the conflict frame the emphasis is made not on the COVID-pandemic issue, but on other aspects of Chinese policy. The British press has consistently condemned Beijing's policies, regardless of other events:

The Guardian (5.12.2020): *Forced labour is an essential part of the Chinese state's programme to humiliate and destroy ethnic minorities. The parallels with the antebellum south reach to the cotton fields. The Xinjiang Production and Construction Corps (XPCC) runs prison factories and its own paramilitary force to keep its captives in line (Привудительный труд является неотъемлемой частью государственной программы Китая по унижению и уничтожению этнических меньшинств. Параллели с довоенным югом простираются и до хлопковых полей. Синьцзянский производственно-строительный корпус (XPCC) управляет тюремными фабриками и собственными военизированными формированиями, чтобы держать своих заключенных в узде).*

The Guardian (27.09.2021): *China's pledge to limit abortions puts women's bodies under the state's control just as the one-child policy did and could endanger the lives of women seeking abortions (Обещание Китая ограничить аборт ставит женское тело под контроль государства точно так же, как это было в рамках политики "одного ребенка", и может поставить под угрозу жизнь женщин, желающих сделать аборт).*

Because of the uncertainties surrounding COVID-19, the initial phase of panic was characterized by the increased negative coverage. These findings are in line with the results of other studies. For example, Wen et al. [16] reported that certain media labels were discriminatory and deceptive: "China kids should stay at home", "Airports on alert as threat from Chinese virus grows". Ittefaq et al. [17] in their study of The New York Times, The Guardian, and China Daily confirmed that various nicknames such as "the China virus" and "Kung Flu" were employed by the media internationally blaming Chinese for the virus.

As the recovery stage approached, the media shifted its focus to a more perspective-oriented level, resulting in a significant increase in positive news and a noticeable decrease in negative reports. Still, as the examples above from The Guardian demonstrate, the negative attitude is revealed in a large proportion of publications.

As for the keywords, during the panic stage common topics include the outbreak's origins, rapid spread, and worldwide impact. Keywords such as "Global Epidemic," "New Case," and "New Cold War" appear frequently, indicating the feelings of terror and uncertainty in reports about the COVID pandemic. During the recovery phase minor shifts in coverage have been detected. The emphasis switched from the emergency reaction to the outbreak to vaccine development and economic impact (Fig. 2).

wolf pup global epidemic	new case new cold war
new case new cold war	middle-aged man face mask
food market cruise ship	cruise ship human transmission
middle-aged man global economy	new blog global economy
takeover deal worth dual national	takeover deal worth dual national

Fig. 2. Keywords COVID-19

The Russian military operation

China and Russia have been enhancing their strategic partnership as neighboring nations. They have agreed to oppose countries jeopardizing other countries' security and fueling geopolitical tensions unfairly, as this worsens opposition and confrontation, destabilizes international security, and threatens global stability².

When the special operation started, China urged a neutral, impartial response to ongoing events, advocated crisis resolution through dialogue and negotiation, opposed escalating tensions, and aimed to strengthen international agreement and find a means to maintain peace³.

China's position and its refusal to directly condemn the Russian operation did not find support in the Western community. The media's speculations and increased attention could have produced some negative effects on China's image constructed in the media.

As for the frames, it can be seen that the main emphasis during the escalation stage is laid on Chinese relationship with other countries, defining China's stance toward the conflict. However, at the stagnation phase the emphasis shifted towards the routine reporting of the economic achievements (Table 3).

Table 3

Frames of the Russian military operation, %

Frames	2022.2.24–2023 (the initial phase of escalation)	2023–2024 (stagnation)
Reporting frame	27.1	30.1
Conflict frame	18.3	19.1
Economy frame	52.4	58.9
Great power frame	53.5	42.6
Leadership frame	23.7	21.6
Development frame	38.5	33.9

In contrast to the COVID pandemic period, the proportion of publications constructing the conflict frame fell significantly. However, though fewer in number emphatic potential of such reports seem strong enough:

The Times (30.08.2022): *According to allies of Truss, China would be elevated to a similar sta-*

² The State Council. The People's Republic of China. Available at: <http://www.gov.cn> (accessed June 12, 2024).

³ Ministry of Foreign Affairs. The People's Republic of China. Available at: <http://www.mfa.gov.cn> (accessed June 12, 2024).

tus as Russia, which is defined as an "acute threat" (По мнению союзников Truss, Китай будет поставлен в один ряд с Россией, которая определяется как "экстремальная угроза").

The Daily Mirror (14.09.2023): *In a response to a scathing report from Britain's spy watchdog, the Government conceded that "some Chinese action crosses the line from influence to interference" and more needed to be done to tackle the threat (В ответ на резкий доклад британской разведывательной службы правительство признало, что «некоторые действия Китая переходят грань от влияния к вмешательству», и необходимо сделать больше для устранения угрозы).*

As for the sentiment analysis, the initial phase of escalation was characterized by more unfavorable coverage due to the uncertainty and tensions surrounding the Russia-Ukraine conflict. As the situation seemed to stabilize, the media changed the focus to routine and continuous narratives, resulting in a minor rise in positive and neutral reports.

China's economic activity and position in the world economy throughout the conflict may have influenced more positive and impartial coverage, highlighting its importance in global commerce and economic stability (Table 4).

Table 4

Sentiment analysis of reports during the Russian military operation

Sentiment	2022.2.24–2023 (the initial phase of escalation)		2023–2024 (stagnation)	
	Volume	Proportion, %	Volume	Proportion, %
Positive	6718	21.9	6893	23.5
Neutral	9857	32.1	9351	31.9
Negative	14 115	46.0	13 086	44.7

According to Factiva's keyword analysis, the British media paid more attention to Russia and its military actions during the phase of escalation, with China occupying the minor position in the reports. Even the keywords of Chinese-related news show more awareness of the operation itself: "nuclear weapon", "hostile state" "world war", "cyberattack", "foreign agent scheme" (Fig. 3). However, the media's portrayal of China remains polarized. On the one hand, China is praised for its search for peaceful solutions; on the other, there are concerns about China's potential geopolitical motivations.

During the stagnation phase the terms of Russian military operation-related reports revealed a more benign perspective, such as “normal,” “peace,”

“global,” and so on (see Fig. 3). However, China continued to act as a bystander in the operation, with a suspect purpose.

nuclear weapon	normal channel peace plan
hostile state world war	longest railway tunnel
british university	global south nuclear weapon
big cyberattack defence budget	good old friend key freight link
indiscriminate sanction new appeal	new military aid package dear friend
public debate foreign agent scheme	cold war

Fig. 3. Keywords Russian military operation

Conclusion

The aim of the study was to trace the changes in media portrayal of China during two events, which could have produced negative effect on China's image in international community.

Research demonstrates that media portrayals during COVID fueled prejudice against China and contributed to the Western world scapegoating China. The feeling of threat is the reason for anti-Chinese sentiments. Instead of reporting the epidemic objectively, the media adopted a strategy of naming, shaming, blaming, and taming against China due to fear and uncertainty [18].

The Russia-Ukraine conflict led to heightened global tensions. The British media closely followed Russia's military moves in Ukraine while highlighting the geopolitical tensions and China's potential role. Media attention progressively shifted from Russian military operations to peace negotiations, humanitarian crises, and regional implications, with China's role in global communication during the conflict potentially influencing more positive and neutral coverage. The reporting often exaggerated the risks to regional stability and global security. China's diplomatic efforts and potential resolutions to the conflict were also covered, despite criticism of its actions.

Answering the posed research questions it can be concluded that after the initial phase of panic during the COVID pandemic the image of China has recovered due to media coverage. It is to state that there was a surge in negative reporting and then a decline as the pandemic faded.

Furthermore, it can be concluded that China's neutral position towards the Russian military operation affected media reports in a minor way. There was a short-term blow on the image followed by a

recovery. It could be also suggested that the following coverage during the stagnation phase produced a positive effect on the image.

Overall, the analysis shows a definite shift in the British media's coverage and mood towards China in the wake of two significant worldwide events. The early alarm and confusion around the COVID-19 outbreak gave way to a more normalized perception of the situation. Similarly, the intense scrutiny around the Russian military action has subsided, albeit doubt about China's role remains. These findings emphasize the changing character of media narratives in reaction to global events.

However, such topics as Chinese policy, questioning China's democracy and human rights, interfering in China's internal affairs (South China Sea, Hong Kong, Macao and Taiwan, Xinjiang, etc.) are covered by the media and remain stable despite the ongoing events. This tendency discloses the promoted attitudes towards China among population via the influential British media giants.

References

1. Balakina J. State, media, people during COVID-19 pandemic *Communications. Media. Design*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 24–39.
2. Casero-Ripollés A. Impact of Covid-19 on the media system. Communicative and democratic consequences of news consumption during the outbreak. *El profesional de la información*, 2020, vol. 29, no. 2, art. e290223. <https://doi.org/10.3145/epi.2020.mar.23>
3. Hubner A. How did we get here? A framing and source analysis of early COVID-19 media coverage. *Communication Research Reports*, 2021, vol. 38, iss. 2, pp. 112–120. <https://doi.org/10.1080/08824096.2021.1894112>
4. Muñoz C. Media system dependency and change in risk perception during the COVID-19 pandemic. *Tripodos*, 2020, vol. 1, no. 47, pp. 11–26. <https://doi.org/10.51698/tripodos.2020.47p11-26>

5. McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 1972, vol. 36, iss. 2, pp. 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
6. Eilders C. Media as political actors? Issue focusing and selective emphasis in the German quality press. *German Politics*, 2000, vol. 9, iss. 3, pp. 181–206. <https://doi.org/10.1080/09644000008404613>
7. Zhang L. *News media and EU-China relations*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 230 p. <https://doi.org/10.1057/9780230118638>
8. Seib P., Powers S. *China in the news*. Los Angeles, CA, USC Center on Public Diplomacy, 2010. 46 p.
9. Khan A., Ashraf S. I., Jan F. Representing the ‘Other’: The Framing of China in BBC English and Urdu Online News. *Pakistan Journal of Media Sciences*, 2022, vol. 3, iss. 1, pp. 1–30.
10. Sparks C. Coverage of China in the UK national press. *Chinese Journal of Communication*, 2010, vol. 3, iss. 3, pp. 347–365. <https://doi.org/10.1080/17544750.2010.499637>
11. Wang Q. The China–EU relation and media representation of China: The case of British newspaper’s coverage of China in the post-Brexit referendum era. *Asia Europe Journal*, 2022, vol. 20, iss. 3, pp. 283–303. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00611-9>
12. Ball-Rokeach S. J., Defleur M. L. A Dependency Model of Mass-Media Effects. *Communication Research*, 1976, vol. 3, no. 1, pp. 3–21. <https://doi.org/10.1177/009365027600300101>
13. Manheim J. B., Albritton R. B. Changing national images: International public relations and media agenda setting. *The American Political Science Review*, 1984, vol. 78, iss. 3, pp. 641–657. <https://doi.org/10.2307/1961834>
14. Huang Y., Leung C. C. M. Western-led press coverage of Mainland China and Vietnam during the SARS crisis: Reassessing the concept of ‘media representation of the other’. *Asian Journal of Communication*, 2005, vol. 15, iss. 3, pp. 302–318. <https://doi.org/10.1080/01292980500261621>
15. Fan X., Zhang Y. “Just a virus” or politicized virus? Global media reporting of China on COVID-19. *Chinese Sociological Review*, 2022, vol. 55, iss. 1, pp. 38–65. <https://doi.org/10.1080/21620555.2022.2116308>
16. Wen J., Aston J., Liu X., Ying T. Effects of misleading media coverage on public health crisis: A case of the 2019 novel coronavirus outbreak in China. *Anatolia*, 2020, vol. 31, iss. 2, pp. 331–336. <https://doi.org/10.1080/13032917.2020.1730621>
17. Ittefaq M., Abwao M., Baines A., Belmas G., Kamboh S. A., Figueroa J. A pandemic of hate: Social representations of COVID-19 in the media. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 225–252. <https://doi.org/10.1111/asap.12300>
18. Jia W., Lu F. US media’s coverage of China’s handling of COVID 19: Playing the role of the fourth branch of government or the fourth estate? *Global Media and China*, 2021, vol. 6, iss. 1, pp. 8–23. <https://doi.org/10.1177/2059436421994003>

Поступила в редакцию 25.08.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 25.08.2024; approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–244

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–244

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-237-244>

EDN: WIADOJ

Научная статья

УДК 378.026:8

К вопросу о профессиональном становлении студента-филолога

Л. С. Борисова , Е. Г. Елина

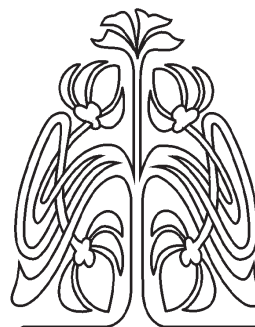
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Борисова Людмила Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики, lyuborisova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-1811>

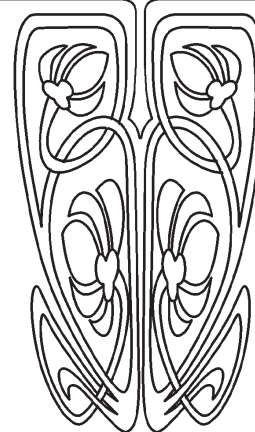
Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Современное высшее филологическое образование связано с уровнем подготовленности к усвоению филологического знания со стороны вчерашних школьников и с тем, как готовят себя студенты-филологи к будущей профессиональной деятельности. У студентов необходимо формировать навыки профессиональной коммуникации, учить их думать, говорить и писать на языке современной науки, владеть необходимым терминологическим запасом, иметь представления о филологическом инструментарии при работе с художественным текстом. Между тем парадигма линейного восприятия объектов, принятая в школьном образовании, затрудняет профессиональное становление филолога. Поток самосознания начинающего филолога отчетливо просматривается в ответах на вопросы для анкетирования студентов-второкурсников относительно первого года обучения по образовательной программе «Филология» (профиль «Отечественная филология»). Ответы позволяют понять, как и когда студенческая молодежь начинает осознавать свою принадлежность к филологической корпорации, ощущает гордость за будущий диплом, который большинством воспринимается как знак профессиональной идентичности. Проведенное исследование показало, что студенты-филологи важнейшей ступенью освоения филологических компетенций считают знакомство с научными публикациями. Работа с научной литературой дает ощущение прикосновения к масштабу филологической науки, к трудам ученых первой величины. Главную роль в своем филологическом становлении студенты отводят преподавателям, в работе которых ценится умение перешагнуть границы своей дисциплины и привлечь в качестве аргумента материалы сопредельных наук. Становление филолога связано с приобретением и расширением терминологического аппарата, а также с его переосмыслением. При этом не только вполне конкретные филологические дефиниции оказываются для студентов имеющими незнакомые коннотации, новыми для студентов стали общefилологические или даже общенаучные понятия. Рефлексия студентов-филологов по поводу их профессионального становления начинается с первых дней обучения и воспринимается ими как медленная, кропотливая и основательная работа, в которой студент и преподаватель связаны общей целью.

Ключевые слова: филологическое образование, самосознание начинающего филолога, профессиональная рефлексия, филологическая наука, терминология

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Для цитирования: Борисова Л. С., Елина Е. Г. К вопросу о профессиональном становлении студента-филолога // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-237-244>, EDN: WIADOJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the issue of professional development of philology students

L. S. Borisova , E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila S. Borisova, lyuborisova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-1811>

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. Modern higher philological education is related to the level of readiness for philological knowledge acquisition by ex-schoolchildren and philology students' preparation for future professional activity. Students need to develop professional communication skills, learn to think, speak and write in the language of modern science, employ professional terminology, understand the concept of philological tools when working with fiction. Meanwhile, the paradigm of linear perception of objects widely-accepted in school education, encumbers philologists' professional development. Novice philologists' self-image is clearly visible through their answers in questionnaires conducted among second-year students regarding the first year of study within the framework of the academic program "Philology" (profile "Russian Philology"). The answers allow us to understand how and when young students begin to realize their belonging to the "philological corporation", take pride in their future degree, which is perceived by most as a sign of professional identity. Our study has shown that philology students consider familiarization with scientific publications to be the most important stage of mastering philological competencies. Working with scientific texts allows them to sense the scale of philological science and experience the works of the leading scientists as well. Students assign the main role in their philological development to professors, in whose work they value the ability to overstep the boundaries of their academic subject and use the materials from related areas of science as an argument. Philologists' development is associated with acquiring and expanding terminology, as well as with reconsidering it. At the same time, not only very specific philological definitions turn out to have unfamiliar connotations for students, but also general philological or even general scientific concepts have become new for students. Philology students' reflection on their professional development begins during the first days of study and is perceived as slow, painstaking and thorough work where students and professors are united by a common goal.

Keywords: philological education, self-image of a novice philologist, professional reflection, philological science, terminology

For citation: Borisova L. S., Elina E. G. On the issue of professional development of philology students. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-237-244>, EDN: WIADOJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Высшее филологическое образование переживает сегодня не лучшие времена: существенное сокращение контрольных цифр приема на образовательные программы высшего образования, необходимость оптимизации штатного расписания профессорско-преподавательского состава, уменьшение выбирающих дисциплину «литература» в качестве единого государственного экзамена. Заметно снижается общая филологическая подготовленность тех, кто приходит сегодня в аудитории получать образование по направлению подготовки «Филология», профиль «Отечественная филология» (русский язык и литература).

Есть и другие обстоятельства, влияющие на уровень подготовленности студентов-филологов. С одной стороны, это актуальная проблема входа в образовательную программу. Когда школьный учитель-словесник обязан реализовать учебную программу по литературе с прежним, не меняющимся десятилетиями, списком художественных текстов, обязательных для

изучения, но за меньшее, чем в прежние десятилетия, количество недельных часов, отведенных на «литературу», ему, учителю, приходится существенно менять методы работы с литературным произведением на уроке. В старших классах традиционный для школы *текстуальный анализ* нередко заменяется *обзорным* уроком, уроку *комментированного чтения* приходит на смену урок, где учащиеся представляют *рефераты по прочитанным текстам*. Формально все соблюдено: тема пройдена, урок состоялся, имена литературных персонажей и сюжетные коллизии обозначены, однако исчезает главное: *чтение литературного произведения*. Особенно трудно приходится сегодня учителю словесности, когда он ведет уроки литературы в 11-м классе и когда изучается русская литература XX в. Имея малое количество учебных часов, большой список текстов и необходимость хотя бы немного обмолвиться о произведениях, написанных в первой четверти XXI в., учитель невольно вынужден уходить от тщательной

работы с художественным текстом в сторону обзорных лекций и школьных рефератов. Подробного, с рефлексией, чтения художественного текста не получается.

Принятый подход чреват не только тем, что большинство школьников покидают учебное заведение, так и не прикоснувшись к литературному богатству России последних восьмидесяти лет, но и тем, что многие выпускники школы перестают осознавать первородный смысл слов «чтение», «читать», «прочитать». Из-за этого уже в университете домашние задания, сопряженные с инвективой «прочитайте», воспринимаются многими студентами порой как необязательное задание, либо как необходимость указать текст сфотографировать, либо принести текст на занятие, либо в лучшем случае просмотреть его по диагонали, не вникая в тонкие поэтические смыслы, в нем заключенные.

Для студентов-филологов, преодолевающих благодаря терпению и опыту преподавателей проблему *неприученности* к повседневному, неторопливому, радостному, сулящему новые открытия чтению, еще одной сложностью становится чтение вслух и более изысканный тип этого чтения – *чтение выразительное*. На занятиях литературоведческого цикла преподаватели сталкиваются с такими «школьными» ошибками, как чтение с запинками, неумение интонировать текст, акцентировать отдельные слова и фрагменты, у юных филологов зачастую отсутствует навык передачи ритмического рисунка, многие из них не владеют правилами чтения стихов, где использован перенос – расхождение между семантическим и ритмическим рисунком (анжамбеман). Редко кто при выразительном чтении использует паузы, смену темпа чтения или силы голоса. В то же время студенты при выразительном чтении склонны к экзальтации, к преувеличенной громкости исполнения, жестиклизации, они не видят разницы между актерской выразительностью и филологической точностью чтения. Причиной является все то же отсутствие школьной практики чтения вслух. Многие признаются, что в последний раз читали вслух в начальной школе, когда учитель проверял на время технику чтения.

Даже при изучении произведений поэтических словесникам не до выразительного чтения. Чаще в школьном классе проходят уроки проверки выученности наизусть того или иного текста. Работы над выразительным

чтением не происходит, все вызванные читают наизусть «Письмо Татьяны» или «Зимнее утро». Безусловно, речь идет об общей картине, а не о тех случаях, когда учитель серьезно и глубоко работает над текстом, читает с ребятами вслух, оттачивает фразировку текста, разделяя мысль М. А. Рыбниковой о том, что «выразительно прочитывать – это значит подать голосом идею и тему произведения» [1, с. 151].

С другой стороны, это проблема *выхода* из образовательной программы и возможности трудоустройства. Как и другие университетские направления подготовки, филология не имеет четких контуров будущего трудоустройства. Дело в том, что классические университетские специальности, или в нынешней терминологии направления подготовки, в своем основании имеют именно университетский, универсальный характер. Иными словами, речь идет об освоении студентами широчайшего спектра проблем, а главное – о целостной системе методов обучения, которая формирует не только широту представлений, но и широту взглядов, умение выпускников взглянуть на новую проблему масштабно, разносторонне и аналитически продуктивно. Наверное, поэтому работодатели, принимающие на работу наших выпускников, говорят об их адаптивности к новым задачам, об умении вчерашних студентов не только находить нестандартные решения, но и генерировать новые идеи, увлекая ими других.

Филолог востребован сегодня во многих отраслях, где необходимо использовать слово: все сферы, связанные с созданием и трансформацией текста, его редактированием и корректированием, его транспонированием в иные сферы, его узкопрофессиональным и массовым использованием. То есть различные виды деятельности филолога нередко лежат в пограничных для филологии сферах. И объяснить эту нечеткость границ в профессии абитуриенту очень сложно. Гораздо проще говорить, что филолог – это и школьный учитель, и музейный работник, и экскурсовод, и журналист, и модератор в интернете и соцсетях. Оперировать профессиями, понятными для школьника, гораздо проще, чем объяснять синтетический, нелинейный характер современных филологических знаний и современных филологических занятий. Обучаясь в бакалавриате, студент должен примерить на себя разные профессии и готовить себя одновременно к разным сферам деятельности. Для одних профессий, с которыми будет связана

жизнь филолога, надо хорошо читать и уметь оперировать текстом. Для других принципиальнее хорошо писать или редактировать чужой текст, третья группа филологических профессий потребует свободного говорения на родном языке.

Формат нынешнего образования ставит вузовского преподавателя-филолога в нелегкую ситуацию. У студентов необходимо формировать навыки профессиональной коммуникации, учить их думать, говорить и писать на языке современной филологии, владеть необходимым терминологическим запасом, иметь представления о филологическом инструментарии при работе с художественным текстом. Между тем парадигма линейного восприятия объектов, принятая в школьном образовании, затрудняет профессиональное становление филолога.

Вот почему для преподавателей, работающих со студентами-филологами, особенно с теми, кто учится на младших курсах, очень важно понимать, как происходит процесс развития их профессионального самосознания, или, говоря языком образовательных стандартов, как осуществляется процесс накопления и формирования профессиональных компетенций в филологической образовательной среде.

Проблема профессионального становления будущего специалиста многоаспектна и является предметом изучения представителей различных областей научного знания. Так, психологи размышляют о ней с опорой на стадии созревания личности, говорят о формировании профессиональной идентичности, возникновении эмоциональной вовлеченности в профессиональную деятельность, развитии профессионального мышления, стремлении к самореализации личностного потенциала в профессии, профессиональной адаптации, укреплении востребованности на рынке труда [2–6].

Комплексные психолого-педагогические исследования подчеркивают глубокую значимость формирования профессиональных компетенций в содружестве с крепкой теоретической подготовкой уже на стадии обучения. Инновационная образовательная модель «позволяет сформировать у будущих специалистов навыки самостоятельного получения новых знаний, формирует новый, более высокий уровень личной познавательной активности, создает такие условия обучения, при которых студенты-филологи не могут не научиться, стимулирует творческие способности каждого,

приближает учебную деятельность к практике будущей профессиональной деятельности» [7].

Процесс формирования профессиональной компетентности и отдельных профессиональных компетенций студентов-филологов активно обсуждается в диссертационных сочинениях [8–12] и актуальных научных публикациях [13–16] последних десятилетий. При этом авторы работ, как правило, сосредоточены на возвращении каждой конкретной компетенции в контексте динамично меняющейся действительности.

На заданную тему были опубликованы и размышления одного из авторов представленной статьи [17]. Однако за последние годы появились не только новые аргументы, убеждающие в необходимости и дальше обращаться к проблеме, но очередная смена поколений в студенческой среде позволяет систематизировать и обобщить новые наблюдения, касающиеся процесса формирования профессиональных компетенций у студентов-филологов.

На наш взгляд, понять, проанализировать и обобщить процесс профессионального становления наиболее продуктивно можно при использовании всех видов и форм обратной связи, импульсы которой идут от самих студентов. Здесь и диалоги, происходящие на самих занятиях, и миниконтроль (устный и письменный) во время лекций, и анализ студенческих ответов на сессии, и собеседования со студентами во внеучебное время.

Поток самосознания начинающего филолога отчетливо просматривается в ответах на вопросы анкетирования, проведенного среди студентов-второкурсников, относительно первого года обучения по образовательной программе «Филология», профиль «Отечественная филология» (русский язык и литература).

Ответы студентов представляют любопытный материал для поисков ответа на вопрос: как и когда студенческая молодежь начинает осознавать свою принадлежность к филологической корпорации, ощущает в себе некую пульсацию профессиональной отмеченности и даже гордость за будущий диплом, который большинством воспринимается как знак профессиональной идентичности.

Подчеркнем, что все вопросы анкеты относились к прошедшему учебному году и были направлены на изучение процессов профессионального становления филологов-первокурсников. Однако заданы эти вопросы были уже в начале второго курса, т. е. у студентов была

возможность отложенной рефлексии. Вопрос **«В какой момент обучения вы ощутили себя профессиональным филологом?»** не вызвал затруднений. Многие писали, что на первом курсе не ощущали себя профессиональными филологами, но анализируя художественный текст или языковые явления, начинали чувствовать проблески профессионализма. Выяснилось, что становлению профессионала способствует консультация для однокурсника, для родственника или знакомого по поводу правописания слов, редактирования текстов или произносительной нормы. Некоторым информантам довелось уже на первом курсе проводить репетиторские уроки русского языка и почувствовать себя профессионалом.

У многих студентов интерес к учебе многократно возрос, когда начались занятия по основам стиховедения или когда началась фольклорная практика и студенты оказались в позиции собирателя. Для профессиональной рефлексии важным оказался момент сдачи последнего экзамена первого курса. Существенными шагами на пути к профессиональному становлению студенты считают удачные ответы на экзамене, когда без чьих-то подсказок, самостоятельно удалось найти логичные связи между литературным произведением и современностью.

Есть ряд студентов, для которых практиicum по курсу «Введение в литературоведение» дал возможность почувствовать себя профессиональным филологом, когда вместе со всей группой шли поиски ответов на вопросы, связанные с комментарием к художественному тексту. Для кого-то флюиды профессионализма связаны с вхождением в учебный корпус, подачей документов в приемную комиссию, кому-то удалось побывать на научной конференции молодых исследователей, послушать доклады или даже выступить с первыми своими работами, и это воспринимается студентами как шаг на пути профессионального становления. В этом случае студенты говорят, что работа с несколькими источниками, их сопоставление, поиск нужного материала, оформление научного труда или письменной контрольной работы добавляют ощущение профессионализма. Приводим один из самых запоминающихся ответов, который свидетельствует о том, что филологическое счастье приходит тогда, когда тебя понимают, а ты понимаешь своих преподавателей. Студентка пишет: «Я ощутила себя профессиональным филологом в 1 семестре

1 курса, когда осознала, что понимаю практически все, о чем говорят преподаватели».

Отвечая на вопрос **«Какая из прослушанных вами в прошлом году дисциплин наиболее полно способствовала вашему профессиональному становлению?»**, многие студенты говорят о курсе «Введение в языкознание», ссылаясь на освоение большого массива новых терминов. И еще. Именно в этом курсе студенты почувствовали ощутимый прогресс. Они пишут о структурированности лингвистической науки, отсутствии субъективности и эмоциональной стороны.

Приобщение к профессиональному сообществу многие студенты почувствовали с курсом античной литературы и культуры: «Приходит осознание того, что одно слово в тексте может отсылать к другой истории или мифу. Это очень меняет привычный метод чтения, теперь хочется не просто поверхностно пройти по тексту, немного вникая в сюжет, а изучать историю создания, мифологию страны и ее культуру. Чтобы постараться понять большую часть сюжета и написанных слов».

Студенты называют практически все филологические дисциплины первого курса, которые помогли им войти в профессиональное сообщество. Называют не только «Введение в языкознание», но и «Современный русский язык», «Историю русской литературы», «Введение в славянскую филологию», «Введение в литературоведение», «Историю зарубежной литературы». Почему это происходит? Студенты отдают себе отчет в том, что с этими курсами в их сознание входят новые пласты литературы, которая вообще не изучалась в школе, новые понятия и термины, новая методология работы с различными явлениями языка и литературы.

В отличие от школьных филологических дисциплин, в университете начинают звучать имена ученых-исследователей языка, фольклора и литературы. Но эти имена не только звучат. Впервые в жизни студенты сталкиваются с необходимостью читать тексты научной направленности, разбираться в них, их анализировать и комментировать. Впервые они узнают, что на одно и то же явление языка или литературы могут существовать различные взгляды, точки зрения ученых могут не совпадать, вступать в противоречие, и студенту становится необходимым пытаться понять суть научного спора. Студенту впервые приходится работать с разномасштабными и разножанровыми источниками

и пособиями: статьи из сборника, энциклопедические статьи, монографии, словарные статьи и многое другое. Студенты делают открытие, что не все публикации, попавшие им в руки, являются достоверными и могут служить вескими аргументами в дискуссии. Вот почему саратовские филологи предпочитают студентам-первокурсникам отчетливо рекомендовать и списки источников, и списки научной литературы.

Свидетельством вхождения в профессию становится первое знакомство с научными исследованиями. Поэтому вопрос **«Какая научная статья или монография произвела на вас наибольшее впечатление в прошедшем учебном году? Почему?»** оказывается важнейшим при изучении процесса становления профессионального самосознания у студентов-филологов.

Студенты отмечают, что в прочитанных статьях, даже если они посвящены чему-то известному, все равно открываются новые повороты мысли. Говоря о прочитанных на первом курсе научных работах, многие студенты пишут о том, что впервые столкнулись с профессиональным филологическим исследованием, наблюдали за работой большого ученого, следили за ходом его мысли. Среди прочитанных трудов названы монографии и статьи А. П. Скафтымова, Д. С. Лихачева, В. Я. Проппа, Ю. М. Лотмана. Студенты говорят о том, что это великие ученые, перевернувшие традиционные научные представления, совершившие значимые открытия в филологической науке. Эти работы потрясли студентов, дали понять, что такое настоящая наука, показали, что текст – это целостная система, требующая своего постижения. В одном ответе читаем: «...труды Скафтымова – это возможность понаблюдать за тем, как профессиональный литературовед способен анализировать, искать закономерности и размышлять».

Работы, о которых идет речь, рекомендованы студентам преподавателями разных дисциплин. Однако общее впечатление от прочитанного сродни потрясению, открытию, прикосновению к неизведанному. Поэтому в ответах ребят присутствует много патетики, слов признания и восхищения. «Меня удивило, – пишет студентка, – насколько неочевидным может быть художественный текст, сколько в нем может быть “отсылок” и сколько может быть простора для анализа». Она с восторгом вспоминает занятия по творчеству Д. И. Фонвизина,

на которых преподаватель дал возможность посмотреть на классический текст «Недоросля» с разных сторон: с точки зрения исторической поэтики и эстетики пьесы, ее современного звучания, а также сценического воплощения в театральной культуре XVIII–XXI вв.

Некоторых студентов удивило, что автор научной статьи может быть неправ, что он порой предъявляет неуместные аргументы или пользуется непроверенными фактами.

Стоит отметить, что студенты конспектируют «заданные» научные работы. О конспектировании пишут как о нужном, но очень сложном и трудоемком процессе. Студентка замечает: «Статья Д. С. Лихачева о “Слове о полку Игореве” произвела на меня наибольшее впечатление. Я конспектировала ее весь первый семестр. Но так и не дошла до конца». Чаще научные труды – просто фотографируют или открывают в смартфоне перед занятием. Как правило, к чтению и пониманию прочитанного это отношения не имеет.

Исключительно серьезное значение придают студенты своему общению с преподавателями в процессе освоения профессиональных компетенций. Вопрос **«На каких лекциях или практических занятиях в прошлом учебном году вы чувствовали, что находитесь в профессиональном диалоге с преподавателем?»** вызвал у студентов живой интерес. Они отмечают тех преподавателей, которым было не страшно задать любой вопрос, на занятиях которых можно было формулировать собственное мнение и «смело спорить, опираясь на научные источники». Студентам нравится, когда преподаватель умеет перешагнуть границы своей дисциплины и привлечь в качестве аргумента материалы сопредельных наук.

Междисциплинарные подходы привлекают студентов не только аналогиями и сопоставлениями, всегда интересны примеры из других научных областей. Это могут быть исторические факты, природные явления, законы физики, географические открытия. Профессиональное тяготение к тому или иному преподавателю обеспечивается артистизмом, красноречием, остроумием того, кто стоит за кафедрой. Студенты высоко ценят, когда преподаватель относится к студенту пусть как к младшему, еще не владеющему полнотой информации, но все-таки коллеге.

Запоминающейся вехой на пути становления филолога являются этапы освоения фило-

логической терминологии. Поэтому вопросы **«Какие филологические термины, которые вам были известны еще в школе, в первый год обучения приобрели для вас новые или дополнительные смыслы? Какие термины вы активно включили в свою профессиональную речь?»** были интересны студентам. Учитывая, что на вопросы анкеты второкурсники отвечали спонтанно, мы видим, что многие термины действительно усвоены. Такие слова и понятия, как «медленное чтение», «нарратив», «беллетристика», «текстология», «внутренняя форма», термины стихосложения («Введение в литературоведение»); «коннотация», «ассимиляция», «диссимиляция», «фонема», «аббревиация», «палатализация», «редукция» («Введение в языкознание»); «дистих», «гекзаметр», «канцона» («Античная литература»); «семантическое поле», «сема», «словоформа», «лексема», «парадигматические отношения», «арго», «словесная оппозиция» («Современный русский язык»), порой были написаны с ошибкой, а это значит, что слова и словосочетания не искали в телефонных шпаргалках. Следовательно, эти понятия в самом деле вошли в профессиональную речь студентов.

Многие писали о том, что «старые», знакомые со школьных времен термины приобрели новые смыслы и значения именно при освоении образовательной программы. Такие понятия, как «рассказчик», «повествователь», «метафора», «подтекст», «образ», «сюжет», «полисемия», «омонимия», «фабула», во всей их семантической полноте студенты осваивали уже на университетской скамье. Однако не только такие вполне конкретные филологические дефиниции оказались для студентов имеющими незнакомые коннотации. Новыми для них стали общефилологические, а порой и общенаучные, весьма употребительные понятия: «фольклор», «монография», «памятник», «стихи», «рифма», «слово», «значение слова», «артикуляция», «нарратив», «беллетристика», «контекст».

В свою повседневную профессиональную речь студенты включили слова и выражения терминологического характера: «реальный читатель», «синтагма», «синекдоха», «парцелляция», «коннотация», «лирический герой», «жаргон», «архаизм», «интонация», «диалект», «вариант» и др.

И, наконец, на вопрос **«Что вам или вашим преподавателям необходимо сделать для вашего профессионального самосознания?»**

студенты подчеркивали, что нужен диплом. Но путь к диплому должен сопровождаться постоянным общением с преподавателями, нужен диалог с учеными, необходимо больше читать, учиться вступать в диалог, не бояться ошибок, постигать тонкости коммуникации, стараться свободнее говорить, обращать внимание на грамотность речи, уметь пользоваться словарями, совершенствовать навыки письма и говорения. В одном из ответов специально говорится о необходимости популяризировать филологию. Студенты пишут: «Филолог – это образ жизни. Когда ты ведешь образ жизни филолога, ты филолог». В этом силлогизме скрыто очень многое, и прежде всего понимание того, что филолог – это не обычная профессия, которой можно заниматься несколько часов в день. Это действительно образ жизни.

«Для меня быть настоящим филологом – значит быть филологом не только в рамках учебы. Это значит видеть всю жизнь через призму филологического знания, и неважно, строчка ли это из современной песни или рекламный баннер. Я стремлюсь к этому – к постоянному анализу и мыслительному процессу, но до звания “профессиональный филолог” мне еще далеко. Это дорога не до диплома, а до понимания мира как филологии, любого текста, слова, звука как предмета исследования». Эта мысль студентки второго курса поражает своей глубиной и зрелостью. Кажется, что ее становление как профессионального филолога находится на вполне продвинутом уровне.

Проведенное исследование показало, что студенты-филологи, завершившие первый этап обучения, важнейшей ступенью освоения филологических компетенций считают знакомство с научными публикациями. Работа с научной литературой дает начинающим филологам ощущение прикосновения к масштабу филологической науки, к трудам ученых первой величины. В ответах на вопросы анкеты чувствуется восхищение большими учеными, яркостью их мысли и при этом (что особенно отмечается) доступностью изложения.

Главную роль в своем филологическом становлении студенты отводят преподавателям, в работе которых ценится умение перешагнуть границы своей дисциплины и привлечь в качестве аргумента материалы сопредельных наук. Междисциплинарные подходы привлекают студентов не только аналогиями и сопоставлениями, но и впечатляющими примерами

из других научных областей. Высоко ценится, когда преподаватель относится к студенту как к младшему коллеге.

Студенты замечают, как меняется наполнение терминов, известных еще со школьных времен. Иными словами, становление филолога связано с приобретением и расширением терминологического аппарата, а также с его переосмыслением. При этом не только вполне конкретные филологические дефиниции оказываются для студентов имеющими незнакомые коннотации, новыми для студентов стали общепилологические или даже общенаучные понятия.

Как видим, рефлексия студентов-филологов по поводу их профессионального становления начинается с первых дней обучения и воспринимается ими как медленная, кропотливая и основательная работа, в которой студент и преподаватель объединены общей целью.

Список литературы

1. Рыбникова М. А. Очерки по методике литературного чтения : пособие для учителя. 4-е изд. испр. М. : Просвещение, 1985. 288 с. (Библиотека учителя литературы).
2. Белухин Д. А. Становление профессионала и рождение профессионализма : учеб. пособие. М. : МПСИ, 2006. 123 с.
3. Булгакова Е. В. Профессиональное становление студентов в процессе гуманитарной подготовки : дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2005. 230 с. EDN: NNNHTJ
4. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2015. 336 с. EDN: VRSJSL
5. Карпов А. В., Савин И. Г. Психологический анализ деятельности : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2005. 144 с. EDN: QXYCQD
6. Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя : учеб. пособие для студентов. М. : Академия, 2004. 320 с. (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности). EDN: QTJOBP
7. Мачулина М. А. Инновационные технологии как средство формирования профессиональных компетенций студентов-филологов // Молодой ученый. 2017. № 3, ч. 1 (137). С. 15–17. URL: <https://moluch.ru/archive/137/38214/> (дата обращения: 30.10.2024). EDN: XQZGYZ
8. Адамко М. А. Формирование профессиональной компетенции студентов направления подготовки бакалавров «Филология» на основе интегративного подхода : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2013. 184 с. EDN: SUPUUB
9. Астахова С. В. Формирование профессиональной компетентности студентов-филологов средствами педагогического управления : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2005. 170 с. EDN: GTTINJ
10. Брякова И. Е. Методическая система формирования креативной компетентности студентов-филологов педагогического вуза : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2010. 490 с. EDN: QFIOX
11. Бугреева Е. А. Формирование профессиональной филологической компетентности у студентов языковых специальностей вузов : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2002. 265 с. EDN: NMBBMF
12. Витошко М. И. Методика формирования профессиональной филологической компетентности студентов вузов: на примере спецкурса «Комплексный анализ художественного текста» : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2007. 228 с. EDN: NOTYEZ
13. Борисова Л. Г. Профессиональная компетентность филолога в функциональном аспекте // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Педагогические и психологические науки. 2007. № 4. С. 63–65. EDN: HZKWTB
14. Васильев Л. Г., Еремин А. Н. К формированию профессиональной компетентности в филологическом образовании // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология Педагогика. 2019. Т. 29, вып. 3. С. 329–335. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-3-329-335>, EDN: GPZQYU
15. Илюхина Н. А., Голубков С. А. Формирование профессиональной компетенции студентов-филологов // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5 (96). С. 21–26. EDN: PJBFUT
16. Каменский А. И., Каменская И. Б. Содержание и уровни сформированности профессионально-когнитивной компетенции будущих филологов // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 110–114. EDN: OZLZYZ
17. Елина Е. Г. Филолог-первокурсник: проблемы профессиональной коммуникации // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 1 (26). Ст. 21. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1\(26\).20](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).20), EDN: LLIPTJ

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025

ISSN 1817-7115

25002

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2025. Том 25, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

